

Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ.

I.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

съ древнѣйшихъ временъ до 1789 года.

Н. КАРѢВА.

Цѣна 1 руб.

ВАРШАВА.

Въ типографіи К. Ковалевскаго, Королевская № 23.

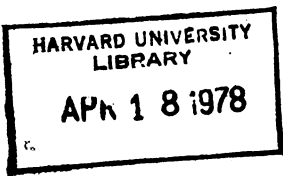
1881.

WID-2C
HD
644
.K37
✓

По определению Совета Императорскаго Варшавскаго Университета печатать
дозволяется.

Ректоръ Тайный Совѣтникъ, *Н. Бляовъщескій.*

NDEA/Slavic

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ концѣ 1878 г. я выпустилъ въ свѣтъ историческое изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка.“ Благосклонный приемъ, оказанный моей книгѣ какъ отечественною, такъ отчасти и иностранною журналистикой *), и тотъ интересъ, съ которымъ относится, повидимому, наша читающая публика къ судьбамъ французскаго крестьянства **), дозволяютъ мнѣ надѣяться, что новая книга, посвященная предмету, не будетъ лишнею въ нашей исторической литературѣ. Въ названномъ мною сочиненіи я подвергъ изслѣдованію сравнительно короткій, но очень важный періодъ въ исторіи французскихъ крестьянъ (1774—1793) и только въ рѣдкихъ случаяхъ обращался къ болѣе раннимъ эпохамъ. Книга, нынѣ издаваемая, является, какъ

*) *Русская Правда* 1879 г., N. 6. *Юридическій Вѣстникъ* 1879 г., февраль. *Дѣло*. 1879, апрѣль (П. П-скій. Исторія Франціи подъ перомъ новыхъ русскихъ изслѣдователей). *Вѣстникъ Европы*, 1879, май (Литературное обозрѣніе). *Отечественныя Записки*, 1879, июнь (Новыя книги). *Слово*. 1879, октябрь (Значеніе великой революціи для сельскаго населенія Франціи). *Revue politique et littéraire* 1879. 1-ière série N. 47 и 1880 г., 2-eme série, N. 15. *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*. 1879, août—septembre. *La revue de philosophie positive*. 1880, mars-avril. *Journal des savants* (1880, juillet et suiv. Статьи Альфреда Мори).

**) Въ журналѣ „Дѣло“ за 1879 г. была статья о французскихъ крестьянахъ (по поводу книги Вабеау); въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1880 г. печатались о томъ-же историческія статьи г. III.

обозрѣніе всей исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до великой революціи, и такимъ образомъ составляетъ какъ-бы дополненіе къ прежнему моему труду, къ которому я и отсылаю постоянно читателя, когда приходится касаться вопросовъ, тамъ уже разсмотрѣнныхъ. вмѣстѣ съ этимъ въ новую книгу я былъ вынужденъ включить часть главныхъ результатовъ, добытыхъ прежнимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ безъ нихъ мой новый трудъ былъ бы неполонъ, тѣмъ болѣе, что оборвать изложеніе на 1774 г. совершенно невозможно: приходится, слѣдовательно, захватить періодъ отъ 1774 до 1789 г., разсмотрѣнный главнымъ образомъ въ первой части прежняго изслѣдованія *).

Таково взаимное отношеніе обоихъ моихъ сочиненій о крестьянахъ во Франціи, что касается до ихъ содержанія: старое ограничивается неполною четвертью одного вѣка, изрѣдка и мимоходомъ касаясь всей предъидущей исторіи, тогда какъ новое имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ именно эту предъидущую исторію и включаетъ въ себя только незначительную часть результатовъ, изложенныхъ въ старомъ. По характеру обѣ книги также отличны одна отъ другой: изслѣдованіе о „крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“ было издано мною, какъ диссертация на ученую степень, какъ спеціальнѣйшій историческій трудъ: отсюда масса мелочныхъ подробностей, которыя мнѣ пришлось разрабатывать, отсюда и стремленіе основывать все на неразработанномъ, мало доступномъ и даже совсѣмъ дотолѣ неизвѣстномъ матеріалѣ. Совершенно иной характеръ имѣетъ издаваемая мною теперь книга: я предназначаю ее для большаго круга читателей, нежели тотъ, который можетъ пользоваться чисто-спеціальными трудами, вслѣдствіе чего я устраняю все мелочное, неясное, спорное, стараясь выбирать только то, что имѣетъ общее значеніе и безъ чего невозможно было бы прослѣдить историческую судьбу сельскаго населенія Франціи; съ другой стороны, въ основу своего

*) Главы I—IV, стр. 1—335.

труда я владу не неразработанный и совершенно новый материалъ, а уже существующія обработки предмета: таковы различные *исторіи французскихъ крестьянъ* (Бабо, Бонмера, дю-Селье, Дарестъ-де-ля-Шаванна, Дониюля, Лемари и др.), *французскаго права* (Бутора, Шампюньера, Жиро, Лаферьера, Минье, Рихтера, Штейна, Варникёнига и т. д.), *народнаго хозяйства* (Буато, Бланки, Блока, Клемана, Инамы-Штернегга, Кольба, Лабулэ, Лавелэ, Лаверня, Левассёра, Моро-де-Жоннеса, Вольскаго и др.); таковы, далѣе, различные монографіи по исторіи отдѣльныхъ эпохъ, отдѣльныхъ провинцій, отдѣльныхъ учреждений и т. п.; таковы, наконецъ, общія сочиненія по исторіи Франціи. Стремясь по возможности къ изложенію догматическому и устраняя все спорное и неясное, я не лишаю однако читателя возможности ближе и подробнѣе познакомиться съ тѣмъ или другимъ заинтересовавшимъ его вопросомъ: съ этою цѣлью я дѣлаю многочисленныя ссылки на авторовъ, сочиненіями которыхъ пользовался самъ и у которыхъ читатель найдетъ почти всегда и указанія на первые источники, необходимые для рѣшенія интересующаго его вопроса. Съ этими ссылками я соединяю и различныя примѣчанія, помѣщеніе которыхъ въ текстѣ могло бы сколько-нибудь вредить популярности изложенія. Я надѣюсь, что, благодаря такой системѣ, моя книга, имѣя въ общемъ характеръ большой журнальной статьи, будетъ доставлять читателю нѣкоторыя и изъ тѣхъ удобствъ, которыя соединены обыкновенно только съ чисто учеными, спеціальными изслѣдованіями.

21 Іюня 1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I.
Оглавленіе	V.
Введеніе	1.
Глава I. Галло-римская и варварская эпохи	7.
„ II. Процессъ феодализаціи	26.
„ III. Земледѣльческое населеніе феодальной сеньѳрин и его положеніе	39.
„ IV. Королевская власть, церковъ и городскія общины въ отношеніи къ крестьянамъ	61.
„ V. Эпоха освобожденія деревень	81.
„ VI. Крестьяне при переходѣ въ новое время	98.
„ VII. Абсолютная монархія Бурбоновъ	115.
„ VIII. Крестьянскій вопросъ въ XVIII вѣкѣ	133.
Примѣчанія	I.
Дополненія	XXV.
Библиографическій указатель	XXIX.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ одной старой французской хроникѣ записана весьма интересная „жалоба бѣднаго земледѣльца“, относящаяся къ началу XV вѣка. Увы! вздыхаютъ поселяне:

Увы, увы, увы, увы!
Сеньеры, принцы и прелаты,
Купцы, мѣщане, адвокаты,
И цехи мастеровъ, и вы,
Солдаты,—всякій, кто привыкъ
Сидѣть себѣ на нашей шеѣ,
Жить хочеть также и мужикъ,
А онъ часъ отъ часу бѣднѣе.
Жизнь наша радостью бѣдна,
Въ конецъ мы, право, погибаемъ:
У насъ ни хлѣба, ни вина,
А помощи мы и не чаемъ.
Пшеницы мы совсѣмъ не ѣли,
Овсяный хлѣбъ лишь иногда,
Мы сыты только разъ въ недѣлю,
Хоть полонъ каждый день труда.
Не знаемъ ми, чего намъ ждать,
И въ мысляхъ каждаго бѣжать *).

*) Hélas, hélas, hélas, hélas!
Prélats, princes et bon seigneurs,
Bourgeois, marchands et avocats,
Gens de métiers, grands et mineurs,

За такимъ общимъ вступленіемъ идутъ обращенія „бѣднаго земледѣльца“ къ духовенству, къ королю, къ дворянамъ, къ горожанамъ, къ солдатамъ: на всѣхъ онъ имѣетъ причины жаловаться и у всѣхъ одинаково проситъ защиты и помилованія, умѣя въ то же время и пригрозить кое-чѣмъ на тотъ случай, если терпѣніе его истощится. „Мы такіе же люди, какъ и они, напоминали еще крестьяне въ другой пѣснѣ, — и у насъ такіе же члены, какъ и у нихъ“ *). Но этого-то и не хотѣли признать люди высшихъ сословій: крестьянъ, говорили ихъ поѣты, ненавидитъ самъ Богъ, который и обрекъ ихъ на тяжелую жизнь **); и въ раю не оставилъ для нихъ мѣста Іисусъ Христосъ, не желая, чтобы они жили съ нимъ ***). Поэтому и матеріальныя блага не для нихъ были созданы, что неразъ также выражено было средневѣковыми поѣтами, заставлявшими крестьянъ питать-

Gens d'armes et des trois estats,
 Qui vivez sur nous, laboureurs,
 Confortez nous d'aucun bon ayde.
 Vivre nous fault, c'est le remède.
 Perdus avons soulas et joye,
 L'en nous a presque mis à fin,
 Car n'avons plus ni bled, ni vin.
 Vin ne froment ne aultre bled,
 Pas seulement le pain d'avoïne,
 N'avons nostre saoul la moitié,
 Une seule fois la sepmaine:
 Les jours nous passons à grand peine
 Et ne sçavons que devenir:
 Chascun s'en veult de nous fuyr.

- *) Nos sumes homes cum il sunt,
 Tex membres avum cum il unt
 Et altresi grans cors avum
 Et altretant sofrir poum.
- ***) Diex het vilâins, Diex het vilaines,
 Por ce fist-il toutes les paines
 Passer parmi outre lor mains.
- ****) Si ne cuit pas que Diex lor preste
 En paradis ne leu ne place.
 Onques a Jhesus-Christ ne place
 Que vilainz ait herbergerie
 Avoec le filz sainte Marie.

ся одною со скотомъ пищею *). При самомъ сотвореніи міра, по ихъ словамъ, создалъ Богъ три породы людей, дворянъ, духовныхъ и вилановъ, обрѣкши послѣднихъ вѣчно работать въ пользу первыхъ и вторыхъ. Такое мнѣніе раздѣляли даже духовныя лица: на одномъ изъ соборовъ XI вѣка подобная теорія публично доказывалась епископомъ Геральдомъ, и ту же идею Адальберонъ развивалъ въ латинскомъ посланіи къ королю Роберту **). Въ подобныхъ безхитростныхъ „жалобахъ бѣдныхъ поселянъ“ и беззащитивыхъ *professions de foi* ***) рыцарскаго сословія разсказана вкратцѣ вся суть исторіи французскаго крестьянина за цѣлыя полтора тысячелѣтія. Къ сожалѣнію, такихъ извѣстій, которыя были бы выраженіемъ мыслей, чувствъ и желаній того сословія, исторію котораго мы думаемъ изложить въ этой книгѣ,—у насъ слишкомъ недостаточно, особенно изъ временъ болѣе отдаленныхъ. Съ другой стороны, и лѣтописцы средневѣковые не интересовались крестьянскимъ бытомъ настолько, чтобы отмѣчать характеризующія его явленія и происходившія въ немъ перемѣны. Остается такимъ образомъ искать исторію крестьянъ не въ пѣснѣ свѣтскаго челоуѣка, не въ записи монаха-лѣтописца, а въ сухихъ и отрывочныхъ извѣс-

*) Déussent-il mengier poissons?
Il déussent mengier chardons
Roinsces (*ronces*), espines et estrain (*paillé*),
Au diemenche por du fain!

.....
Déussent-il mangier viandes?
Il déussent parmi les landes
Pestre herbe avec bues cornus
A quatre piez aler toz nus!

**) *Lex humana duas incidit conditiones;
Nobilis et servus simili non lege tenentur.*

.....
*Hi bellatores, tutores Ecclesiarum,
Defendunt vulgi majores atque minores,
Cunctos et sese parili sic modo tuentur.
Altera servorum divisio conditionum;
Hoc genus afflictum, nil possidet absque labore.*

***) См. примечанія въ концѣ книги, N. 1.

тіяхъ законодательнаго акта, юридической записи, экономическаго документа. Это нужно имѣть въ виду, чтобы знать, чего можно требовать отъ всякаго очерка исторіи крестьянъ при теперешнемъ, по крайней мѣрѣ, состояніи науки: онъ поневолѣ выйдетъ болѣе юридико-экономическимъ, нежели культурно-этнографическимъ; въ большинствѣ случаевъ до послѣдняго времени даже экономическій элементъ какъ-то ступшеывался передъ элементомъ юридическимъ въ работахъ подобнаго рода *). По крайней мѣрѣ, это всецѣло можно приложить къ разработкѣ исторіи французскихъ крестьянъ.

Между тѣмъ эта исторія, взятая неодносторонне, въ высшей степени характеристична. Прежде всего, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ Гизо выбралъ для своей исторіи цивилизацію не иную какую страну, какъ Францію, мы должны обратить особое вниманіе на судьбы французскаго крестьянства, въ которыхъ можно найти, такъ сказать, отголоски эпохъ, пережитыхъ земледѣльцами и другихъ странъ Европы: здѣсь впервые развился феодализмъ, который играетъ такую важную роль въ нашемъ предметѣ; здѣсь сформировалась на развалинахъ феодальнаго строя такая абсолютная монархія, какой исторія не видала на Западѣ съ самаго паденія римской имперіи; отсюда былъ поданъ первый сигналъ къ освобожденію земледѣльца на всемъ континентѣ Европы въ новѣйшее время. То, что совершалось въ другихъ странахъ Европы, совершалось во Франціи ранѣе и, такъ сказать, многостороннѣе: Франція соединяла въ себѣ всѣ тѣ элементы, которые являются въ другихъ мѣстахъ болѣе разрозненными, а потому не столь удобными для изученія въ своемъ взаимодействіи. Наконецъ, не нужно забывать и того, что почва древней Галліи была главной ареной борьбы римскихъ и германскихъ элементовъ, изъ которыхъ вышла средневѣковая цивилизація, и что выработанное здѣсь разносилось въ другія страны, благодаря

*) Ibid. Nr. 2.

тому, что онѣ вошли въ составъ франкской монархіи Карла Великаго. Въ Германіи, напр., и Итали положеніе крестьянъ стало различаться отъ положенія крестьянъ во Франціи только съ половины XII вѣка *).—Свой очеркъ мы начинаемъ съ древнѣйшихъ временъ, но главное вниманіе сосредоточиваемъ на періодѣ образованія феодальныхъ отношеній и на эпохѣ полного развитія абсолютной монархіи, какъ на двухъ моментахъ, когда опредѣлялось отношеніе массы къ землѣ, на которой она сидѣла, отношеніе, оставшееся въ силѣ до великой революціи,—и къ государству, которое надъ нею выросло и которому суждено было рухнуть одновременно съ старымъ феодальнымъ устройствомъ землевладѣнія.

*) Ibid. Nr. 3.

ГЛАВА I

ГАЛЛО-РИМСКАЯ И ВАРВАРСКАЯ ЭПОХИ.

Галльскіе *амбакты*. Колонаты. Эмфитевизы. Податной гнетъ имперіи. Образование латифундій и закрѣпощеніе массы. Вагауды. Принятіе христіанства. Колоны изъ варваровъ и леты. Переселеніе народовъ. Соціальный бытъ древнихъ Германцевъ. Крѣпостные у Германцевъ. Общинное земледѣніе. Аграрное устройство франкскаго королевства. Алоды. Состояніе массы при Франкахъ. Фискалы и церковныя сервы. Свободныя общины. Общій выводъ.

Древнѣйшее извѣстіе о соціальномъ бытѣ самыхъ отдаленныхъ предковъ французскаго крестьянина, низшихъ классовъ народа, населявшаго Галлію транзальпінскую, принадлежитъ завоевателю ея Юлію Цезарю. Уже въ его время (50 г. до Р. X.) въ странѣ существовало страшное неравенство сословій: *plebes raene servorum habetur loco*—такъ выражается Цезарь о положеніи массы народа въ Галліи. Въ общемъ соціальный строй тогдашней Галліи характеризуется преобладаніемъ надъ горожанами поселянъ, среди которыхъ большинство составляли рабы и всякіе безземельные люди, *egentes et perditii*, какъ называетъ ихъ Цезарь, ибо землю владѣли главнымъ образомъ нобили. Всѣмъ этимъ *egentibus et perditis hominibus* оставалось одно — закабалить себя какому-нибудь богатому челоуѣку: „большая часть, говоритъ Цезарь, обремененные долгами или вслѣдствіе тяжести налоговъ, или же по причинѣ притѣсненій со стороны сильныхъ людей, — закабаляютъ себя нобилиамъ (*sese in servitute dicant nobilibus*), и послѣдніе имѣютъ по отношенію къ нимъ всѣ тѣ же права, какія принадлежатъ господамъ надъ рабами.“

Цѣлью такой формы личной зависимости бѣдняка отъ богача было, по словамъ Цезаря, чтобы „никто изъ простолюдиновъ не былъ лишень помощи;“ поэтому отношенія *амбактовъ* (такъ назывались эти подвластные люди) къ ихъ господамъ должны были прекращаться, какъ только амбакты не находили покровительства у того лица, которому они себя закабалили. Разумѣется, что такая форма социальной зависимости встрѣчалась не повсемѣстно и не исключала возможности чисто общиннаго быта: въ эпоху римскаго завоеванія на западѣ и сѣверѣ страны многіе еще вели жизнь чисто пастушескую, а среди земледѣльческаго населенія существовали еще остатки первобытной общины (1). Къ сожалѣнію, источники такъ скудны, что намъ, говоря о социальномъ бытѣ Галліи въ эпоху Цезаря, приходится ограничиваться только самыми общими выраженіями. Не вполне ясны для насъ равнымъ образомъ тѣ переменны, которыя произошли въ описанныхъ Цезаремъ отношеніяхъ въ первыя времена римскаго владычества, но едва ли мы можемъ слѣдовать здѣсь за тѣми писателями, которые признаютъ совершенное исчезновеніе амбактовъ подъ вліяніемъ римскаго завоеванія: молчаніе источниковъ ничего не доказываетъ еще относительно эпохъ, отъ которыхъ сохранилось такъ мало извѣстій, тѣмъ болѣе, что позднѣе мы встрѣчаемся съ аналогичной формой кабальной зависимости, вызывавшейся точно такъ же, какъ и раньше, впадѣніемъ въ неоплатные долги, насиліями богатыхъ, тяжестью налоговъ и вообще беспомощностью слабого, бѣднаго, безземельнаго или малоземельнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли произойти это предполагаемое исчезновеніе зависимыхъ отношеній съ установленіемъ римскаго владычества? Дѣло вотъ какъ было. Каждый сильный и богатый Галль стремился всегда сдѣлаться римскимъ гражданиномъ, а въ началѣ III вѣка нашей эры всѣ свободные жители имперіи были объявлены римскими гражданами: сначала, когда это право раздавалось не особенно щедро, раздача его не могла помѣшать продолженію крѣпостныхъ отношеній для массы народа; впоследствии же само римское гражданство потеряло свое прежнее значеніе и не могло спасти отъ не-

обходимости идти въ кабалу. Нѣкоторые предполагають, что при Цезарѣ свободой пользовалась лишь одна треть населенія Галліи; по мнѣнію другихъ, при Августѣ на 9 — 10 милліоновъ всѣхъ жителей страны свободными были только какія-нибудь 500 тысячъ. Намъ нечего поэтому удивляться какъ-бы внезапному появленію такъ называемаго *колоната*, особаго несвободнаго состоянія, въ которомъ находилась къ концу имперіи почти вся масса сельскаго люда: по существу своему колонатъ существовалъ гораздо раньше, нежели явился извѣстный намъ юридическій терминъ и законодательство императоровъ задумало регулировать отношенія, обозначенныя этимъ терминомъ (2).

Вопросъ о колонатѣ составляетъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ исторической науки. Намъ кажется, что во всякомъ случаѣ происхожденія онъ очень древняго, хотя недостатокъ извѣстій и не позволяетъ намъ поставить его въ прямую связь съ прежними, чисто-галльскими зависимыми отношеніями. Вѣроятно, первоначальную основу колоната положили полузакрѣпощенные Галлы; далѣе, въ число колоновъ должны были войти и рабы, такъ или иначе получившіе смягченіе своей участи; наконецъ, значительный контингентъ для пополненія колоновъ могли доставить мелкіе свободные арендаторы. Очень можетъ быть, что этимъ различіямъ въ происхожденіи своемъ колоны были обязаны отчасти и различіями въ своемъ положеніи, которыя выразились въ существованіи множества разныхъ названій для обозначенія класса колоновъ. (Въ классическую эпоху само слово *colonus* имѣло одно значеніе съ словомъ *conductor*, наемщикъ, арендаторъ).—На степень такихъ колоновъ могли возвыситься прежніе рабы по мѣрѣ того, какъ измѣнялась система хозяйства, и рабская обработка земли въ крупныхъ размѣрахъ уступала мѣсто мелкой культурѣ несвободныхъ оброчниковъ; съ другой стороны, въ послѣднія времена римской имперіи мы замѣчаемъ какое-то общее стремленіе къ закрѣпощенію населенія главнымъ образомъ ради исправнаго отбыванія государственныхъ повинностей: такъ и свободные прежде колоны могли быть прикрѣплены къ землѣ ради исправной уплаты поземельнаго налога. Въ

этомъ видѣ и государство оказало долю вліянія на образованіе колоната, чѣмъ и объясняется его особенный характеръ: помѣщики (possessores), имѣвшіе власть и наблюденіе надъ колонами, какъ надъ людьми, имъ подчиненными, въ то же самое время исполняли по отношенію къ нимъ обязанности агентовъ государства, когда собирали съ колоновъ казенные налоги (а главные налоги взиmались съ этого класса) и наблюдали за правильностью отбыванія ими натуральныхъ повинностей (колонны подвергались, напр., рекрутскому набору). Съ этой стороны взаимныя отношенія государственной власти, помѣщика и колона въ Галліи мало чѣмъ разнились отъ тѣхъ же отношеній въ Россіи при крѣпостномъ правѣ. Само собою разумѣется, что разъ между государствомъ и свободнымъ прежде колономъ стоялъ помѣщикъ, отъ котораго этотъ колонъ находился въ зависимости, связь между государственной властью и массой населенія должна была ослабѣть и на первый планъ выдвинуться господство землевладѣльца, къ которому должно было перейти и политическое значеніе въ одну изъ такихъ эпохъ, когда само государство какъ бы теряетъ свою жизненную силу. Вотъ почему въ колонатѣ мы должны видѣть подготовительную стадію средневѣковаго феодализма, особенно если обратимъ вниманіе не на указанную, политическую сторону колоната, а на юридическую и на экономическую: именно мы замѣчаемъ въ колонатѣ первую форму уменьшенія свободы вслѣдствіе найма чужой земли, — уменьшенія, характеризующаго юридическія отношенія среднихъ вѣковъ; съ другой стороны, приходится признать несомнѣнную связь колоната съ эксплуатаціей имѣній мелкими хозяевами, зависимыми оброчниками, какими были и средневѣковые крестьяне. Еще одна черта роднитъ римскихъ колоновъ съ феодальными крѣпостными: вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, отрицающихъ всякую внутреннюю связь между отдѣльными колонами, жившими даже подъ одной кровлей, мы должны допустить, что колонны составляли изъ себя общины, въ которыхъ долгое время продолжало жить галльское обычное право: зависимость отъ помѣщика, уменьшеніе свободы, извѣстная степень самостоятель-

ности каждаго въ своемъ хозяйствѣ, не мѣшали тому, чтобы отношенія односельчанъ и сосѣдей между собою были опредѣлены какимъ-нибудь стариннымъ обычаемъ, приспособленнымъ къ новымъ обстоятельствамъ: вѣдь и въ средніе вѣка феодальная система не могла уничтожить окончательно ни общиннаго быта, ни древняго обычнаго права.

Образованіе колоната не исключало существованія рабства: въ IV вѣкѣ по Р. Х. рядомъ съ мелкимъ хозяйствомъ колоновъ продолжали еще существовать и крупныя помѣстья, которыя обрабатывались рабами. Экономическому различію раба и колона, изъ коихъ первый былъ какъ-бы пожизненный батракъ, а второй-пожизненный фермеръ, соответствовало и юридическое различіе между обоими состояніями: колонатъ былъ не лишеніемъ, а только какъ бы уменьшеніемъ свободы; въ сравненіи съ рабствомъ онъ представлялъ болѣе мягкую форму личной зависимости. Законъ признавалъ колоновъ даже свободными людьми: они пользовались гражданскими правами, могли вступать въ бракъ, быть наследниками и оставлять наследство, являться на судъ и вчинать исги, — всѣхъ этихъ правъ рабы были лишены. Но эти свободные люди не были вполне свободны: они не могли оставить той земли, на которой сидѣли и за которую платили оброкъ (*tributum*), они были какъ бы рабами этой земли *), съ которой и ихъ никто не имѣлъ права согнать. Съ этимъ правомъ и съ этой обязанностью вѣчно сидѣть на одномъ участкѣ соединялась для колона обязанность обрабатывать этотъ участокъ, дабы было чѣмъ платить разъ навсегда установленный за землю оброкъ: законъ не позволялъ, замѣтимъ кстати, его произвольно увеличивать. Если такой невольный фермеръ покидалъ свое поле, то пойманный онъ превращался въ простаго раба. Наконецъ, колонъ находился постоянно въ нѣкоторой опека со стороны своего господина (*dominus*), и если законъ не давалъ послѣднему права суда надъ

*) *Coloni, licet conditione videantur ingenui, servi tamen terrae ipsius, cui sunt nati, existimantur.*

нимъ, то *de facto* такой судъ, вѣроятно, существовалъ въ силу обычая, имѣвшаго гораздо болѣе значенія въ установленіи отношеній между помѣщиками и колонами, нежели законодательство, которое нашло эти отношенія уже вполне сложившимися, когда ему пришлось дать юридическую санкцію тому, что давно существовало *de facto* (3).—Одновременно съ колонатомъ происходило въ римской имперіи развитіе особаго учрежденія, вызваннаго отчасти тѣми же причинами, какъ и описанныя нами отношенія. Это—такъ называемый *эмфитевзисъ* (4), договоръ, по которому землевладѣлецъ передавалъ свою землю другому лицу въ очень обширное пользованіе, за что *эмфитевтъ* обязывался платить ежегодно опредѣленную поземельную ренту. Это было что-то среднее между куплей и арендой: *эмфитевтъ* дѣлался вѣчнымъ владѣльцемъ земли, могъ даже ее продавать (съ уплатой собственнику известной пошлины), но въ тоже время онъ не считалъ себя настоящимъ собственникомъ и долженъ былъ вѣчно платить оброкъ за свою землю. Первоначально *эмфитевзисъ* возникъ на землѣ государства и разныхъ политическихъ корпорацій, которыя были отвѣтственны за исправную уплату налоговъ, падавшихъ на ихъ земельные участки, но съ теченіемъ времени подобные договоры стали заключаться и въ имѣніяхъ частныхъ лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ римскій *эмфитевзисъ* былъ равносильнъ цензивѣ феодальной эпохи, особому виду несвободной собственности, о которомъ у насъ будетъ еще идти рѣчь. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь то, что рассматриваемый нами договоръ возможенъ сталъ только при распространеніи мелкаго хозяйства и подъ вліяніемъ гнета налоговъ, заставлявшаго землевладѣльцевъ предлагать арендаторамъ съемку земель на самыхъ по возможности выгодныхъ условіяхъ: такия условія представлялъ именно *эмфитевзисъ*, обеспечивавшій за пользователемъ и продолжительность пользованія, и неизмѣняемость ренты. Но въ общество уже входило представленіе о томъ что наемъ чужой земли уменьшаетъ свободу нанимающаго лица, и *эмфитевты* весьма легко могли превращаться въ колоновъ, тѣмъ болѣе, что отношенія тѣхъ и другихъ къ землѣ и земле-

владѣльцу представляли немало аналогій. Такое превращеніе эмфитевтовъ въ колоновъ сдѣлается для насъ еще болѣе понятнымъ, если мы примемъ въ расчетъ, что послѣднія времена римской имперіи вообще ознаменованы были образованіемъ обширныхъ латифундій и закрѣпощеніемъ массы: если мелкій собственникъ лишался своей земли, а свободному человѣку оставалось для своего пропитанія идти въ кабалу, то легко ли было не подвергнуться общей участи и эмфитевту, имѣвшему отъ друга свою землю и платившему за нее постоянный оброкъ?

Уже въ эпоху Цезаря многіе шли въ кабалу, чтобы избавиться такъ или иначе отъ тяжести налоговъ. То же явленіе наблюдаемъ мы и при концѣ римской имперіи: фискальный гнетъ лежалъ тяжелымъ бременемъ на провинціяхъ, подтачивая силу государства, грозя самому его существованію (5). „Что остается, говоритъ Сальвианъ въ своемъ сочиненіи *d e g u b e r n a t i o n e D e i* (V в.), — что остается этимъ несчастнымъ, какъ не разбойничать, *когда они постоянно претерпѣваютъ всякія бѣды отъ общественныхъ повинностей*, когда имъ угрожаетъ вѣчно тяжелая и неумолимая проскрипція, когда они оставляютъ свои дома, чтобы не терпѣть въ нихъ разнаго рода мученій, и сами идутъ въ изгнаніе, дабы избѣжать наказаній? *Непріятеля они меньше боятся, чѣмъ податей*: это легко понять, — и они бѣгутъ къ варварамъ, *чтобы уйти отъ насилій, которымъ они подвергаются при сборѣ податей*. Какъ ни тяжело, какъ ни безчеловѣчно такое обращеніе съ ними, оно было бы менѣе тягостнымъ, менѣе жестокимъ, если бы всѣ вмѣстѣ и въ равной мѣрѣ терпѣли отъ него: еще болѣе невыносимымъ дѣлаетъ это положеніе то обстоятельство, что не всѣ одинаково подвергаются всеобщему гнету, но что, напротивъ, *повинности богатыхъ лежатъ тяжелымъ ярмомъ на бѣдныхъ, и что самые слабые несутъ на себѣ тяготу сильныхъ*. Какъ только столь слабые люди выносятъ такую страшную нищету! Они въ самомъ дѣлѣ — жертва двухъ самыхъ несходныхъ вещей, корысти и бѣдности: первая кладетъ на нихъ бремя налоговъ, вторая не позволяетъ имъ ихъ выплачи-

вать. Судя по тому, что они платят, можно подумать, что они живут въ изобилію, но если мы посмотримъ, что у нихъ есть, то мы назовемъ ихъ весьма бѣдными. Кто можетъ вообразить себѣ громадныя размѣры этого неравенства! Они въ одно и то же время платятъ за богача, который имѣетъ, и за нищаго, у котораго ничего нѣтъ.“ По мѣрѣ того, какъ истощались платежныя силы страны, законодательство, начавшее съ мѣрѣ, благопріятныхъ для колоновъ, стало мало-по-малу неумолимѣ въ своихъ требованіяхъ и жестче въ своихъ постановленіяхъ. Положеніе дѣлалось все невыносимѣ. Населеніе Галліи „бѣжитъ розно“, идетъ къ разбойникамъ, подымаетъ возстанія, уходитъ къ варварамъ или ради того, чтобы найти защиту у сильнаго человѣка отказывается отъ собственности и свободы, насколько онѣ еще сохранялись въ народѣ съ прежнихъ временъ. Что теряла масса, то выигрывали немногіе счастливыя: собственность еще болѣе, нежели прежде, сосредоточивается въ немногихъ рукахъ, и еще меньшее количество людей составляетъ изъ себя классъ совершенно свободныхъ жителей. Старыя общественныя различія политико-національнаго характера падаютъ, и на мѣсто нихъ выдвигается новое правовое дѣленіе жителей имперіи на имущихъ и не имущихъ: первые были *possesores*, землевладѣльцы (буржуазіи въ современномъ смыслѣ тогда не существовало), послѣдніе составляли изъ себя *libres*, все болѣе и болѣе утрачивавшій собственность и свободу.

Послѣдствія такого соціального неравенства были весьма плачевны: маленькому человѣку было небезопасно сосѣдство какаго-нибудь крупнаго собственника. „Управитель провинціи, читаемъ мы въ законодательныхъ актахъ эпохи, — долженъ заботиться о томъ, чтобы сильные не обижали слабыхъ, долженъ препятствовать незаконному отнятію собственности, продажамъ, вынужденнымъ страхомъ ради, или такимъ, которыя не сопровождаются уплатой денегъ.“ Дѣйствительно, нужна была защита бѣдныхъ, но сила обстоятельствъ не позволяла благимъ намѣреніямъ законодателя осуществиться на дѣлѣ: бѣднякъ нахо-

диль болѣе удобнымъ бросить или продать свою землю или же отдать ее богатому сосѣду, который и безъ того нашель бы всегда средство ею завладѣть: теперь, по крайней мѣрѣ, у бѣдняка будетъ покровитель, а землю онъ получить отъ него обратно съ обязанностью только платить оброкъ новому ея господину. „Слабый, говоритъ Сальвианъ, отдается въ руки сильному, чтобы имѣть защитника, но этотъ принимаетъ его подъ свою защиту, только обобравъ его, ибо несчастный долженъ прежде всего предоставить ему свое имущество... Сынъ теряетъ наслѣдство, чтобы у отца былъ покровитель; временно отецъ еще будетъ владѣльцемъ, но сынъ навѣки будетъ лишенъ владѣнія, ибо перестаетъ быть собственникомъ: съ этихъ поръ онъ платитъ оброкъ съ своего поля, и поле уже не его.“ Но чтобы дѣйствительнѣе обезпечить за собою пользование какимъ-либо участкомъ земли, было еще средство идти въ колонны: „какъ нѣкогда, говоритъ Сальвианъ, враждебная сила волшебницы обращала людей въ животныхъ, точно такъ всѣ, поселившіеся на земляхъ знатныхъ, измѣняютъ свое состояніе какъ бы подъ влияніемъ напитка Цирцен“ (6).

Но и тѣмъ, которые давно уже были колоннами, становилось не лучше. Они, какъ сказано выше, начинали разбойничать, бѣжали къ сосѣднимъ варварамъ, вмѣстѣ съ ними вторгались въ Галлію, звали ихъ къ себѣ, производили возстанія. Исторія знаетъ цѣлый рядъ такихъ крупныхъ и мелкихъ возстаній *багаудовъ*, какъ назывались на языкѣ того времени возмущившіеся поселене (7): самыя крупныя были во второй половинѣ III вѣка и въ первой V. „Мы называемъ ихъ, пишетъ о багаудахъ Сальвианъ, — бунтовщиками, потерянными людьми, ихъ, которыхъ мы сами вынудили быть преступниками. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлало изъ нихъ багаудовъ, какъ не наши несправедливости, какъ не безчестность нашихъ чиновниковъ, ихъ проскрипціи, грабежи, вымогательства въ личныхъ цѣляхъ, прикрытыхъ общественной пользой, какъ не ихъ поборы, которые они обратили въ законныя подати? Они не управляли людьми, подчиненными ихъ власти, но подобно дикимъ звѣрямъ пожирали ихъ; имъ мало было обобратъ ихъ, какъ это дѣлаютъ

воры, — они ихъ терзали и пили ихъ кровь. Вотъ почему эти люди, терпя притѣсненія и погибая отъ грабежа чиновниковъ, сдѣлались варварами, такъ какъ имъ не позволено быть римлянами... Гдѣ и у кого, кромѣ римскихъ провинцій, можно встрѣтить такія бѣдствія? Гдѣ найдемъ мы примѣры несправедливости, которая сравнилась бы съ нашей? Франки невинны въ такихъ преступленіяхъ, Гунны не совершаютъ такихъ злодѣяній, и напрасно мы стали бы искать чего-либо подобнаго у Вандавовъ и Готовъ.“ — Во второй половинѣ V в. мы уже не встрѣчаемъ большихъ возстаній багаудовъ, за то случаи отдѣльныхъ грабежей повторяясь еще чаще, чѣмъ когда-либо: шайки разбойниковъ нападали даже на цѣлыя деревни, и уже къ этому времени относится начало укрѣпленій въ деревняхъ, т. е. позднѣйшихъ замковъ.

Принятіе христіанства галло-римскимъ обществомъ не улучшило положенія массы. Первые времена религіознаго энтузіазма, когда заразъ освобождали по нѣскольку сотъ рабовъ, какъ это сдѣлалъ, напр., въ Галліи мученикъ Овиній для 5000 подвластныхъ ему человѣкъ, — такія времена прошли быстро: къ концу существованія имперіи галльскіе христіане имѣли такое же множество рабовъ, какъ и въ эпоху языческую, и обращеніе господъ съ ними нисколько не улучшилось. Церковь въ принципѣ не возставала противъ учрежденія рабства и ограничивалась проповѣдью вѣрнаго обращенія съ рабами, но что могла значить эта проповѣдь въ развращенномъ обществѣ, когда самое учрежденіе не только пользовалось юридической санкціей, но рассматривалось нерѣдко, какъ божественное установленіе въ видѣ наказанія человѣку за первородный грѣхъ (8)? Только позднѣе, во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, стали дѣлать изъ христіанскаго вѣроученія выводъ о всеобщей свободѣ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ соціальныи строй Галліи въ эпоху римскаго владычества. Завоеваніе Галліи Римомъ и скоро послѣдовавшее затѣмъ превращеніе самого Рима изъ республики въ имперію, бывшее сначала истиннымъ благодѣяніемъ для имущихъ классовъ провинцій, равно какъ введеніе но-

вой всемірной релігій — не произвели кореннаго переворота въ судьбахъ собственно сѣльскаго населенія Галліи: въ концѣ V вѣка только завершался тотъ процессъ, который начался еще до прихода къ Галламъ легионовъ Юлія Цезаря. Мало того: мы можемъ сказать съ Мэнномъ, что „колонны пережили всѣ соціальныя перевороты какъ древняго, такъ и новѣйшаго времени.“ Въ самомъ дѣлѣ, если и нельзя вполне согласиться съ Фюстель де Куланжемъ относительно того, что Германцы имѣли на средневѣковые порядки Франціи только косвенное вліяніе, то въ общемъ онъ правъ, отыскивая корни феодальныхъ учрежденій въ римской имперіи и опредѣляя значеніе завоеванія Галліи германскими племенами, какъ фактора, дѣйствовавшаго въ томъ же направленіи, въ какомъ уже совершался соціальныи переворотъ въ римской имперіи (9).

Бургундамъ, Вестготамъ и Франкамъ, завоевавшимъ въ V в. отдѣльныя части Галліи и основавшимъ здѣсь свои королевства, еще гораздо ранѣе этого, особенно же съ третьяго вѣка стали показывать сюда дорогу многочисленныя переселенцы изъ Германіи, водворявшіеся здѣсь среди галло-римскаго населенія. То были военнопленныя, превращавшіеся въ казенныхъ рабовъ, или же то были добровольныя переселенцы, которыми императоры колонизировали обширныя незанятые пространства, освобождая ихъ земли отъ налоговъ, но съ обязательствомъ военной службы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они не пріобрѣтали земли въ собственность, а становились колонатами: нѣкоторые даже предполагаютъ, что колоната, чуждый античному міру, развился подъ вліяніемъ именно этихъ германскихъ поселеній, — до того бросается въ глаза сходство въ положеніи германскихъ переселенцевъ и галло-римскихъ колонатовъ. На подобномъ же условіи правительство распредѣляло варваровъ и между частными лицами, прикрѣпляя первыхъ къ землямъ послѣднихъ, такъ что въ числѣ колонатовъ, жившихъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ, могло быть немало и такихъ, въ жилахъ которыхъ текла германская кровь. На казенныхъ земляхъ жили преимущественно такъ называемые *лети*, составлявшіе цѣлыя военные отряды на службѣ у им-

період: самый терминъ, имѣющій германское происхожденіе и обозначающій состояніе умѣренного порабощенія, указываетъ на то, что леты не были свободными собственниками тѣхъ участковъ, на которыхъ сидѣли. Правда, они сами нерѣдко приводили съ собою рабовъ изъ Германіи, но все-таки владѣли землею за отбываніе известной повинности и даже на официальномъ языкѣ назывались варварами: законъ долгое время не дозволялъ браковъ между свободными Галло-римлянами и Германцами (10).—Въ V вѣкѣ варвары начинаютъ переходить на почву Галліи уже не маленькими отрядами, а цѣлыми арміями, которыя оказались сильнѣе римскаго правительства: это было такъ называемое великое переселеніе народовъ, кончившееся паденіемъ западной римской имперіи, на развалинахъ которой переселившіеся народы основали свои королевства. Въ эту бурную эпоху естественно и необходимо должны были происходить народныя движенія и среди галло-римскихъ колонновъ: примѣръ свободной жизни варваровъ былъ у нихъ постоянно передъ глазами, и они либо бѣжали къ нимъ, либо возставали противъ имперіи, которая была бессильна даже защищать ихъ отъ варварскихъ набѣговъ и грабежей (11). Въ концѣ вѣка въ Галліи уже не существовало римскаго владычества, и вскорѣ послѣ его паденія вся Галлія, которую сначала раздѣлили между собою Вестготы, Бургунды и Франки, вошла въ составъ франкской монархіи съ смѣшаннымъ романо-германскимъ населеніемъ (12). Новыя племена должны были принести съ собою новые порядки, которые не могли оставаться безъ вліянія на бытъ галло-римскихъ поселянъ и которые не могли сами не измѣниться въ эту эпоху передвиженій и завоеваній и при соприкосновеніи съ иными порядками. Но были ли въ общемъ эти перемѣны значительны?

Представить полную картину и послѣдовательную исторію соціального быта Германцевъ съ того времени, когда впервые римское общество обратило на нихъ вниманіе, до основанія ими новыхъ государствъ въ предѣлахъ римскихъ провинцій въ высшей степени трудно: извѣстія, дошедшія до насъ отъ этой эпохи, брайнѣ скудны, часто неясны и большею частію отдѣлены

одно отъ другаго значительными промежутками времени. Мы можемъ одно принять за несомнѣнное существованіе двухъ явленій, характеризующихъ этотъ бытъ еще задолго до начала переселенія Германцевъ въ имперію: вопервыхъ, у германскихъ племенъ существовало своего рода крѣпостное состояніе, напоминающее собою римскій колонатъ; вовторыхъ, земля у нихъ была въ общинномъ владѣніи. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ эпохѣ паденія римской имперіи, мы все болѣе и болѣе замѣчаемъ усиленіе личнаго элемента въ землевладѣніи и въ то же время нетолько полное сохраненіе, но даже еще большее распространеніе крѣпостнаго состоянія.

Мы говоримъ крѣпостнаго состоянія, а не рабства потому, что германскіе *sergi*, о которыхъ мы находимъ извѣстіе у Тацита, были большею частью не невольниками, работавшими на хозяина, а мелкими, самостоятельными хозяевами, прикрѣпленными къ землѣ и платившими за нее оброкъ (13). „Прочіе рабы, говоритъ Тацитъ въ своей книгѣ о Германіи, — находятся у Германцевъ въ иномъ положеніи, чѣмъ наши, между которыми распределены отдѣльныя домашнія службы. У cadaго своя усадьба, свое хозяйство. Господинъ только налагаетъ на нихъ, какъ на фермеровъ (*ut colono*), извѣстный оброкъ хлѣбомъ, скотомъ, одежею—и въ этомъ все рабство.“ Такія отношенія могли возникнуть главнымъ образомъ вслѣдствіе завоеванія одного племени другимъ, а наибольшее число подобныхъ завоеваній, влекшихъ за собою бѣльшую или меньшую степень зависимости одного племени отъ другаго, приходится, безъ сомнѣнія, на эпоху тѣхъ внутреннихъ переворотовъ въ Германіи, которыя отчасти предшествовали великому переселенію народовъ, отчасти его сопровождали. Благодаря этому обстоятельству, германскимъ племенамъ, поселившимся въ Галліи, легко было приспособиться къ существовавшему тамъ колонату, съ которымъ ихъ крѣпостное состояніе имѣло столь много общаго и въ юридическомъ, и въ экономическомъ смыслѣ.

Другое дѣло — вторая черта социальнаго быта Германцевъ эпохи Цезаря и Тацита, общинное землевладѣніе (14): въ эпо-

ху, предшествовавшую водворенію варваровъ въ Галліи и другихъ провинціяхъ имперіи, оно переживало процессъ разложенія, а на почвѣ Галліи отъ него могли сохраниться только незначительные остатки, ибо принципъ римской личной собственности долженъ былъ дѣйствовать на общинное землевладѣніе разлагающимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ къ тому времени, когда Франки записали свое обычное право (*Lex Salica*), принципъ индивидуальной собственности сдѣлалъ такіе успѣхи, что варварамъ, занявшимъ Галлію, нечего было вводить какія-либо особенныя перемѣны въ поземельномъ устройствѣ занятой ими страны. „Право индивидуальной собственности, говоритъ Фюстель де Буланжъ, пережило кризисъ германскаго вторженія. Съ IV по VII вѣкъ оно сохранило все свои существенныя черты и ничего не потеряло изъ своей силы. Оба населенія его принимаютъ и пользуются имъ одинаково“ (15). Дѣйствительно, пахатныя земли мы находимъ у Франковъ раздѣленными между отдѣльными владѣльцами, въ общемъ пользованіи остаются лѣса, луга, выгоны, пустыри: для полей существовало только определенное время по уборкѣ хлѣба, когда участки отдѣльныхъ лицъ дѣлались достояніемъ цѣлой общины, выгонявшей сюда свой скотъ, — право извѣстное впоследствии подъ именемъ *droit de parcours* и *de vaine pâture*. Иногда этимъ правомъ пользовались однѣ по отношенію съ другимъ нѣсколько деревень, и очень можетъ быть, что границы такой территоріи, въ предѣлахъ которой все жители пользовались *droit de parcours*, совпадали съ границами древнегерманской марки, бывшей въ общемъ владѣніи первоначальной общины.

Итакъ, варвары еще на родинѣ были знакомы и съ крѣпостнымъ состояніемъ, и съ личною собственностью, которыя найдены ими были въ Галліи, какъ главныя основы ея соціального и аграрнаго быта. Мало того: варварамъ, занявшимъ Галлію, приходилось волею-неволею принять *status quo* и потому, что они становились совладѣльцами съ галло-римскими поссессорами, вынужденными уступить пришельцамъ часть своихъ имѣній (16). Какимъ образомъ происходила эта уступка, мы съ точностью сказать не можемъ, рав-

но какъ не въ состояніи опредѣлить, долго ли происходилъ этотъ передѣлъ: вѣроятно же всего, что въ этомъ отношеніи не дѣлалось никакого различія между землями помѣщиковъ и колоновъ, и что совершился этотъ переходъ части почвы въ новыя руки не сразу, а въ продолженіи довольно значительнаго промежутка времени. Въ результатѣ получилось то, что варвары приняли и существовавшей въ Галліи порядокъ обработки земли: лати-фундіи и колонаты могли оставаться въ полной силѣ. Въ характерѣ римской собственности перемѣнъ не произошло: Германцы стремились дѣлаться землевладѣльцами на началахъ той же „полной власти надъ вещью,“ которая характеризуетъ собственность по римскому праву, хотя слово *proprіum* (собственность) указывало въ эту эпоху болѣе на признакъ индивидуальности владѣнія (такъ какъ этимъ именемъ обозначались и эмфитевтическіе участки),—нежели на полноту права надъ вещью. Чаще всего однако такіе земельные участки, которые находились въ полной власти кого бы то ни было, назывались *алодами*, а синонимами алода были *саллическая земля* (*terra salica*) и *vors* (17). Слѣдовательно, и съ этой стороны все оставалось попрежнему.

Обратимся теперь къ положенію массы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху водворенія варваровъ въ Галліи масса переживала трудное время, что переселеніе народовъ сопровождалось одичаніемъ всей общественной жизни, что долго между Франками и Галло-римлянами существовала рознь (18), — но было бы ошибочно думать, что населеніе Галліи было поголовно обращено въ рабство: рабами и колонами остались тѣ, которые были ими при римскомъ владычествѣ, свободные люди сохранили свою свободу, точно такъ же, какъ не всѣ пришельцы были свободными: Германцы привели съ собою своихъ рабовъ и своихъ крѣпостныхъ, которые должны были смѣшаться съ туземными. Впрочемъ, такъ какъ варвары были мало способны понимать юридическія различія, существовавшія въ римскомъ правѣ между отдѣльными степенями зависимости одного человѣка отъ другаго, то между рабами и колонами должно было произойти

нѣкоторое смѣшеніе, отъ котораго въ выигрышѣ могли быть развѣ только первые: при замѣнѣ болѣе или менѣе правильной римской администраціи хаотическимъ варварскимъ управленіемъ и при переходѣ къ землевладѣльцамъ той доли власти надъ колономъ, которую оставляло еще за собою государство въ эпоху римскаго владычества, являлась возможность произвольнаго увеличенія оброка, платившагося колономъ, и безнаказаннаго злоупотребленія властью со стороны помѣщиковъ; зато для рабовъ была положительная выгода, если на нихъ, какъ это случалось часто, налагали тѣ условія, на которыхъ пользовались землею колоны: изъ невольниковъ, пригрѣпленныхъ къ хозяйству своего господина, они дѣлались сами хозяевами, получая земельные надѣлы, такъ какъ варвары да и Галло-римляне въ варварскую эпоху затруднялись эксплуатировать за свой счетъ сколько-нибудь обширныя имѣнія. Такое смѣшеніе различныхъ классовъ простаго народа вслѣдствіе приниженія правъ однихъ и улучшенія положенія другихъ — одна изъ характерныхъ чертъ соціального строя среднихъ вѣковъ: если юридическія нормы должны были уступить личному произволу и подневольный человѣкъ терялъ вслѣдствіе этого тѣ немногія гарантіи, которыми ограждалъ его законъ, то установливавшійся экономическій бытъ, вынуждавшій землевладѣльцевъ продолжать замѣну крупнаго хозяйства раздѣчей земли мелкими участками колонамъ, парализировалъ печальныя для массы послѣдствія отсутствія юридическихъ гарантій. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи у всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ существовала какая-то бессознательная тенденція привести подневольную массу къ одному знаменателю: если ужъ искать въ эту эпоху прочнаго и непоколебимаго раздѣленія массы на классы, то развѣ только крѣпостнымъ людямъ частныхъ лицъ придется противопоставить крѣпостныхъ, жившихъ на королевскихъ и церковныхъ земляхъ, такъ называемыхъ фискалиновъ и сервовъ церкви, которые пользовались, такъ сказать, привилегированнымъ положеніемъ.

Не вся однако земледѣльческая масса была въ крѣпостной зависимости: варвары, расселившіеся въ Галліи, устраивали

и свободныя крестьянскія общины, имѣвшія первоначально выборныхъ старшинъ, управлявшіяся своимъ обычнымъ правомъ и солидарныя въ отвѣтственности передъ правительствомъ (19). Весьма вѣроятно, что въ этихъ деревняхъ, сохранившихъ только остатки общиннаго землевладѣнія, участки (*mansí*) отдѣльныхъ хозяевъ были сначала болѣе или менѣе равновелики; но во всякомъ случаѣ это было недолго и съ каждымъ годомъ первоначальное равенство все болѣе и болѣе исчезало, вслѣдствіе чего и здѣсь образовалось нѣкоторое количество безземельныхъ, которымъ оставалось одно обычное въ тѣ времена средство поддерживать свое существованіе—идти въ кабалу къ какому-либо землевладѣльцу. Да и сами общины недолго пользовались своею независимостью: съ теченіемъ времени онѣ должны были признать надъ собою господъ, хотя это и не помѣшало имъ сохранить, подобно колонамъ, свои обычаи, свое внутреннее устройство: политическій переворотъ могъ отнять у нихъ ихъ свободу, для уничтоженія древнѣйшаго права былъ бы необходимъ переворотъ экономическій. И эти общины были такимъ образомъ втянуты въ общую судьбу земледѣльческаго населенія франкской монархіи: разъ утрачивали онѣ свободу, ничто не могло помѣшать сліянію ихъ жителей съ подневольными земледѣльцами въ одинъ классъ, который съ теченіемъ времени сталъ все чаще и чаще обозначаться словомъ *сервы* въ отличіе отъ рабовъ въ античномъ смыслѣ, за которыми утвердилось позднѣе названіе *сlavi, esclaves*. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было удержаться свободѣ этихъ общинъ: то короли по своему произволу распоряжались ихъ землями, то совладѣльцами крестьянъ дѣлались епископы и аббаты, которымъ благочестивые люди жертвовали свои участки, то вслѣдствіе распадѣнія первоначальнаго равенства одинъ какой-либо общинникъ начиналъ соединять въ своихъ рукахъ бѣольшую часть земли, бывшей во владѣніи его односельцевъ,—наконецъ, это была пора такъ называемой *феодализаціи*, когда почти совсѣмъ исчезла всякая свободная собственность и каждый долженъ былъ имѣть надъ собою какого-нибудь старшаго, *сеніора*.

Намъ и предстоитъ теперь разсмотрѣть этотъ процессъ феодализаціи по отношенію къ крестьянскому сословію: все, сказанное нами о положеніи земледѣльческаго населенія Галліи подъ римскимъ владычествомъ и въ ту эпоху, когда Галлія впервые стала называться Франціей, — имѣло своей задачей не столько познакомить читателя съ исторіей этого времени (тутъ много неизвѣстнаго, неяснаго, гадательнаго, спорнаго, неустановившагося), сколько показать ему, въ какой средѣ и на какой почвѣ совершался процессъ феодализаціи, опредѣлившій судьбу французскаго крестьянства на цѣлое тысячелѣтіе. Для пониманія послѣдующей исторіи для насъ важны вотъ какія черты, которыя проходятъ черезъ всю исторію Галліи-Франціи, начиная со времени, предшествовавшаго завоеванію ея легіонами Юлія Цезаря, до окончательнаго утвержденія въ ней феодальнаго режима: это именно, во первыхъ, *рѣзкое раздѣленіе общества на два класса*, изъ которыхъ одинъ все болѣе и болѣе захватываетъ почву въ свои руки, тогда какъ другой все менѣе и менѣе оказывается способнымъ даже сохранить личную свободу; во вторыхъ, это начинающаяся система *соединенія крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ*: землевладѣльцы не предпринимаютъ эксплуатаціи почвы въ широкихъ размѣрахъ, низшій классъ находитъ себѣ помѣщеніе въ имѣніяхъ крупныхъ собственниковъ въ качествѣ крѣпостныхъ крестьянъ, — словомъ, латифундіи и колонаты взаимно дополняются; въ третьихъ, при несомнѣнномъ развитіи частной собственности, не исключаящемъ ни ограниченій ея въ пользу общины, ни общиннаго землевладѣнія, *наряду съ полной собственностью создается особый видъ собственности зависимой* (emphyteusis), возникающій въ силу особаго договора, который напоминаетъ одновременно продажу и отдачу въ наемъ; въ четвертыхъ, время отъ времени обнаруживается *стремленіе слабыхъ членовъ общества заручиться покровительствомъ какого-либо сильнаго человека*, хотя бы для этого пришлось лишиться своего клочка земли и свободнаго распоряженія своею личностью; необходимо, наконецъ, помнить при всемъ томъ, что всѣ перемѣны въ судьбѣ земледѣльческой массы не были способны

существеннымъ образомъ измѣнить установившихся искони взаимныхъ отношеній между членами одной и той же общины: были ли они свободны или нѣтъ, сидѣли ли на землѣ, которая принадлежала имъ на правахъ полной собственности, или на землѣ, которую только обрабатывали, сущность ихъ отношеній между собою не измѣнялась, и если помѣщики умѣли болѣе или менѣе изъять свои имѣнія изъ права общинъ пользоваться въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ всѣми лежавшими въ ихъ предѣлахъ земельными участками, то тѣ клочки, на которыхъ хозяйничали сами крестьяне, до позднѣйшихъ временъ въ извѣстныя поры года продолжали превращаться въ земли для общаго пользованія.

Указанныя черты характеризуютъ бытъ крестьянъ и при феодальномъ режимѣ: элементы его существовали ранѣе, и только позднѣе комбинировались они въ цѣлую систему, охватившую всѣ сферы общественной жизни.

ГЛАВА II

ПРОЦЕССЪ ФЕОДАЛИЗАЦІИ.

Двѣ главныя стороны феодальной системы. Постановка вопроса. *Dominium directum* и *dominium utile*. Цензива. Прекарии и коммендаціи. Сеніоратъ. Характеръ крупной собственности въ феодальную эпоху. Имунитетъ. Смѣшеніе понятій государственнаго и частнаго права. Феодальная сеньерія. Разнообразное положеііе ея населенія. Рѣзкое раздѣленіе феодальнаго общества на два класса. Горожане въ феодальной зависимости. Царствованіе Карла Великаго. Характеръ народной массы въ эпоху феодализаціи. Феодальные замки.

Феодальной эпохой въ исторіи Франціи принято называть собственно тѣ вѣка, когда вся страна была раздроблена на множество мелкихъ владѣній, въ которыхъ власть государя смѣшивалась съ властью помѣщика, и которыя находились съ извѣстнымъ іерархическомъ подчиненіи одно отъ другаго; при этомъ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ политическую сторону феодализма: раздробленіе верховной власти между мѣстными владѣльцами, смѣшеніе государственныхъ и частнопровыхъ понятій и своеобразную систему федераціи мелкихъ феодальныхъ организмовъ. Разсматривая явленіе съ этой точки зрѣнія, сводя вопросъ о феодализмѣ на вопросъ о характерѣ верховной власти, мы должны назвать феодальной эпохой въ исторіи Франціи время, протекшее отъ распадения монархіи Карла Великаго до начала значительнаго усиленія королевской власти, т. е. со второй половины IX вѣка до XIII столѣтія включительно. Но феодализмъ имѣетъ и другую сторону: процессъ его возникновенія заключался не въ одномъ разложеніи верховной власти, совершался не на однихъ верхахъ соціального быта, онъ шелъ и снизу

и заключался въ установленіи совершенно особенныхъ отношеній между населеніемъ извѣстной территоріи и тѣмъ лицомъ, къ которому переходила верховная власть надъ нею. Феодалная система, дробившая цѣлую страну на множество политическихъ организмовъ, въ тоже время опутывала своею сѣтью и мелкія сельскія общины. Феодализмъ въ послѣднемъ смыслѣ началъ устанавливаться гораздо ранѣе феодализма, какъ политической системы: мы уже видѣли аналогію его съ галло-римскимъ колонатомъ, и нужно было только, чтобы распалась государственная власть преемниковъ Карла Великаго, дабы черты, характеризующія колонатъ, обострились въ феодальной системѣ: раздѣленіе общества на два класса, землевладѣльцевъ и подневольныхъ земледѣльцевъ съ переходомъ государственной власти въ руки первыхъ превращается въ раздѣленіе общества на господъ и подданныхъ; въ то же время крупная собственность, латифундія возводится на степень самостоятельнаго цѣлаго, и состояніе колоната въ извѣстномъ смыслѣ распространяется на все населеніе такого политическаго организма, возникшаго на почвѣ крупнаго имѣнія; равнымъ образомъ при установленіи іерархіи между отдѣльными феодальными владѣніями генерализируется система зависимой собственности: если на верхней ступени лѣстницы стоялъ сюзерень, который имѣлъ подъ собою вассаловъ, владѣвшихъ своими землями въ зависимости отъ него, то внизу мы находимъ крестьянина, который держитъ землю отъ своего сеньера, какъ вассалъ послѣдняго: и *феодъ*, или *ленъ* благороднаго вассала, и *цензива* простаго человѣка одинаково противопоставляются *алоду*, какъ полной, независимой собственности, состоя въ нѣкоторомъ родствѣ съ эмфитевзисомъ; при всемъ этомъ въ такой системѣ, которая отдавала всю страну во власть помѣщиковъ, обладавшихъ значеніемъ носителей государственной власти, уже положительно невозможно было кому-либо сохранить свою свободу и не стоять подъ покровительствомъ какого-нибудь сеньера, когда все общество отъ короля до послѣдняго нищаго представляло изъ себя лѣстницу, въ которой каждый стоящій на промежуточныхъ ступеняхъ имѣлъ надъ собою сеньера

и въ то же время самъ былъ чьимъ-либо сеньеромъ; наконецъ, вслѣдствіе того же политическаго переворота отдѣльныя лица, которымъ ранѣе удалось стать *внѣ* общины, стали теперь *надѣ* общинами, возвративъ имъ однородность состава въ силу своего превращенія изъ совладѣльцевъ общинъ, не желавшихъ подчиниться общему правилу, въ господъ, которымъ не было интереса слишкомъ вмѣшиваться во внутренніе распоряжки общины. Вотъ какимъ образомъ политическая сторона феодальной системы содѣйствовала дальнѣйшему развитію, закрѣпленію и, такъ сказать, обостренію феодализма въ соціальной сферѣ, начавшагося гораздо ранѣе. Было бы ошибочнымъ однако принимать это содѣйствіе за основную причину: феодализмъ въ сферѣ соціальной зародился ранѣе, и окончилъ свое существованіе позднѣе, нежели въ сферѣ политической: еще много времени спустя послѣ того, какъ Франція объединилась въ одно государство, какъ у помѣщиковъ не оставалось уже ни клочка верховной власти, какъ король изъ „перваго между равными“ главы феодальной іерархіи превратился въ настоящаго монарха,—еще долго послѣ этого феодальный порядокъ продолжалъ управлять соціальными отношеніями: ему суждено было пасть только подъ ударами великой революціи, направленной одновременно и противъ него, и противъ той силы, которая сломила феодализмъ политическій (1). Такимъ образомъ для ознакомленія съ процессомъ феодализаціи по отношенію къ французскому крестьянству намъ необходимо обратить вниманіе не на тѣ явленія, которыя объясняютъ, какъ ускользала власть изъ рукъ королей, раздробляясь между множествомъ сеньеровъ, а на тѣ, которыя дозволяютъ понять причину образованія феодальной сеньеріи изъ комплекса крупныхъ и мелкихъ земельныхъ участковъ съ жившимъ на нихъ населеніемъ. Мы можемъ различать здѣсь, во первыхъ, явленія, которыя составляютъ только продолженіе разсмотрѣнныхъ уже нами явленій галло-римскаго и варварскаго періода, и такія, воторыхъ, которыя представляютъ изъ себя нѣчто новое.

Въ эпоху меровингскихъ и каролингскихъ королей (VI—X вв.) процессъ феодализаціи завершился окончательно. Первымъ

выдающимся результатомъ было исчезновеніе уже къ концу IX вѣка всякой свободной собственности (2). Сверху шла раздача королями доставшихся имъ главнымъ образомъ по наслѣдію отъ римскаго фиска земель во временное пользованіе за военную, придворную и иную службу (бенефиціи), — раздача, кончившаяся тѣмъ, что бенефиціи, бывшія при Меровингахъ временными, при Каролингахъ превратились въ феодалы, передававшіеся по наслѣдству, хотя и налагавшіе попрежнему обязанность военной службы: королевскій фискъ до такой степени обѣднѣлъ отъ этихъ раздачъ, что при послѣднихъ Каролингахъ, въ концѣ X в. онъ ограничивался только небольшою областью города Лана (Laon). По аналогіи съ этимъ помѣщики раздавали сами участки своей земли частнымъ лицамъ за отбываніе какой-либо повинности или уплату оброка, *ценза*, откуда названіе такихъ участковъ цензивами. Обѣ категоріи земель — и феодалы, владѣльцами которыхъ могли быть только родовитые люди (*gentiles homines, gentilshommes*), и цензивы, существовавшія лишь для простолюдиновъ, — представляли изъ себя особенный видъ собственности, принадлежавшей разомъ двумъ владѣльцамъ: тому лицу, которое непосредственно пользовалось такимъ имѣніемъ, принадлежалъ *dominium utile*; лицо, по отношенію къ которому владѣлецъ феодала или цензивы былъ обязанъ известными повинностями, имѣло то, что называлось *dominium directum*. Къ концу XI вѣка уже окончательно установилась общая классификація не-алюдіальной собственности на феодалы и цензивы, причемъ цензива получила почти все признаки полной собственности въ то самое время, какъ цензитарій изъ арендатора, какимъ онъ былъ въ сущности сначала, превратился въ подданнаго своего помѣщика. Цензива существовала во Франціи до революціи, и передъ самымъ концомъ стараго порядка землевладѣльцы отдавали еще землю въ пользованіе за уплату ежегоднаго ценза.

Итакъ, масса земли, переходя отъ прежнихъ собственниковъ къ новымъ на правѣ *dominii utilis*, теряла свой алюдіальный характеръ: новые владѣльцы имѣли собственность уже

несвободную, зависимую. Процессъ феодализаціи совершался и въ обратномъ отношеніи: алоды превращались въ феоды и цензивы вслѣдствіе добровольнаго или вынужденнаго подчиненія ихъ самими же собственниками власти какого-либо богатаго и могущественнаго человѣка, который могъ бы оказать защиту и покровительство или который попросту не хотѣлъ терпѣть около себя свободнаго и независимаго сосѣда. — Въ разсматриваемую нами эпоху установленія феодальныхъ отношеній мелкому собственнику удержаться было трудно, и онъ прибѣгалъ обыкновенно къ тому, что на языкѣ времени называлось *прекаріей* и *коммэндаціей* (3). Сущность прекаріи состояла въ томъ, что собственникъ отдавалъ свое имѣніе въ даръ церкви съ условіемъ пользованія землею за извѣстную ежегодную повинность, за что церковь бралась защищать его отъ насилій со стороны могущественныхъ сосѣдей, иногда прирѣзывала еще клочокъ почвы къ уступленному ей участку и большею частью утверждала прекарію и за наслѣдниками ея обладателя. Почти такой же актъ заключался подъ названіемъ коммэндаціи мелкими собственниками и съ крупными землевладѣльцами: первые искали себѣ патроновъ наравнѣ съ людьми, ничего не имѣвшими, и отдавали имъ свои участки, чтобы получить ихъ обратно уже въ видѣ бенефиціи съ уплатою опредѣленнаго ценза. Одновременно съ этимъ совершалось и личное подчиненіе, въ чемъ, собственно говоря, и состоялъ актъ коммэндаціи, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей формулы: „такъ какъ извѣстно, что *я не имѣю, чѣмъ одѣваться и питаться*, я обращаюсь къ вашему милосердію и въ силу свободнаго акта своей воли я рѣшился стать подъ вашу защиту и коммендировать себя вамъ, дабы вы помогали мнѣ пищей и одеждой, тогда какъ *я буду вамъ служить и заслуживать ваши дары*. Пока я живъ, я буду обязанъ вамъ службой и послушаніемъ, хотя и сохраняя свое положеніе свободнаго человѣка; мнѣ нельзя будетъ уйти изъ подъ вашей власти, и я всегда буду обязанъ состоять подъ вашимъ покровительствомъ и вашей опекой.“ Не слѣдуетъ однако думать, что одна невозможность добыть, чѣмъ питаться и одѣваться, была

мотивомъ подобныхъ коммendaцій: ея требовали одинаково безпорядки эпохи и безсиліе политическихъ учреждений въ дѣлѣ управления: коммендировались даже очень зажиточные люди. Значить, и не могло быть иного порядка, если необходимость для каждаго свободнаго имѣть надъ собою сеньера была даже признана закономъ 847 года: *volumus, говорятъ внуки Карла Великаго, ut unus quisque homo in nostro regno seniozem qualem voluerit in nobis et in nostris fidelibus accipiat.* Благодаря этому постановленію, сениоратъ долженъ былъ распространиться на все свободное населеніе Франціи въ то же самое время, какъ въ ней исчезала почти всякая свободная собственность. Но и въ томъ случаѣ, когда свободные собственники по доброй волѣ рѣшались подчиниться опеѣ какого-либо сильнаго сосѣда, они часто попадали изъ огня въ полымя, — что же говорить долго о послѣдствіяхъ такой коммendaціи, которая была вмѣнена въ неизбѣжную обязанность всякому, кто не былъ достаточно силенъ, чтобы сдѣлаться самому сеньеромъ! Жиль-былъ, наприм., въ одномъ селѣ богатый человекъ по имени Гонтранъ. Надѣясь, что онъ будетъ добрымъ и справедливымъ покровителемъ, жители этого села предложили ему взять себѣ ихъ земли, за которыя они обязались платить цензъ, лишь бы онъ принялъ ихъ самихъ подъ свое покровительство и защиту (*mundoburgum*). Гонтранъ, разумѣется, охотно согласился на просьбу своихъ односельцевъ, но вмѣсто покровителя, они нашли въ немъ поработорителя: онъ сталъ требовать отъ нихъ многого даромъ, заставилъ ихъ работать на своемъ полѣ, косить его луга, полоть его огородъ, рубить лѣсъ, расчищать почву подъ новые посѣвы. Напрасно ходили бѣдные люди жаловаться къ королю: они вернулись домой ни съ чѣмъ и должны были покориться своей участи. Тутъ мы видимъ цѣлую общину и землевладѣльцевъ, попавшихъ въ кабалу, — одинокому и бездомному человеку еще труднѣе было сохранить хоть долю свободы, разъ онъ коммендировался какому-нибудь Гонтрану. Параллельно идутъ такимъ образомъ закрѣпощеніе свободныхъ людей и экспроприація мелкихъ собственниковъ: мы въ правѣ сказать, что это было продолженіемъ того

притяженія мелкой собственности крупною, которое началось въ галло-римскую эпоху, и что земельная аристократія до-феодалъной Франціи развилась не столько на счетъ обѣднѣнія королевскихъ доменовъ, сколько на счетъ мелкой собственности (4). Только феодальная латифундія имѣла иное устройство, чѣмъ римская: римскому possessору нужна была самая земля съ правомъ ею пользоваться по своему произволу (*jus utendi et abutendi*, какъ говорили юристы), феодальному сеньеру нужны были болѣе люди, и потому онъ охотно дѣлился землею, которую притомъ самъ обработать всю былъ не въ состояніи: хозяйство на свой счетъ онъ велъ на небольшомъ сравнительно клочкѣ съ помощью барщины, т. е. дароваго труда подвластныхъ ему крестьянъ и довольствуясь цензомъ и повинностями, которыя лежали на остальной землѣ.

Описанный нами процессъ долженъ былъ изъ усадьбы каждаго болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца дѣлать центръ для всего окружающаго населенія: онъ владѣлъ наибольшимъ количествомъ земли, хотя большею частью и не въ видѣ сплошной массы; на этой землѣ жили его сервы, его цензитаріи, коммендировавшіеся ему люди; однако далеко не на все населеніе и не въ одинаковой мѣрѣ на отдѣльныя личности распространялась его власть. Такому землевладѣльцу естественно было стремиться къ округленію своего имѣнія и къ выработкѣ однородности въ положеніи населяющаго его люда: въ какихъ бы отношеніяхъ ни стояло разнородное населеніе данной территоріи къ государству и общинѣ, для помѣщика оно было однородно и представляло изъ себя нѣчто цѣльное, связанное между собою болѣе или менѣе одинаковыми отношеніями къ общему господину (5). Оставалось только выдѣлиться ему съ этимъ комплексомъ людей, жившихъ на его земляхъ, окруженныхъ ими, сосѣднихъ съ ними, — выдѣлиться изъ общаго строя жизни, обособиться въ отдѣльный социальный организмъ — и этого крупные землевладѣльцы достигли посредствомъ *иммунитета*. — Первый шагъ къ иммунитету состоялъ въ освобожденіи отъ общинныхъ повинностей; въ развитой формѣ онъ состоялъ въ томъ, что государственная

власть изымала известную территорию из вѣдѣнія общей администраціи, дабы, напр., избавить эту территорию отъ злоупотребленій со стороны чиновниковъ: власть государства замѣнялась въ такомъ случаѣ властію помѣщика, и *все* населеніе имунитетной мѣстности уже тѣмъ самымъ становилось въ зависимость отъ ея владѣльца. Мало того: посредствомъ такого изъятія отдѣльныхъ участковъ изъ-подъ контроля государственной администраціи легко было расширять свое вліяніе и на сосѣднія мѣстности. Напримѣръ, особенно часто давался имунитетъ церковнымъ землямъ, нерѣдко разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ: мало-по-малу и участки независимыхъ отъ церкви собственниковъ, лежавшіе среди церковныхъ владѣній, захватывались въ территорию, имѣвшую имунитетъ. Понятно, что подобной привилегіей могъ пользоваться только крупный собственникъ, если его земли, хотя бы и разбросанныя, могли представить изъ себя мѣстность, достаточно обширную, чтобы сдѣлаться административной единицей: для мелкой собственности такое изъятіе было невозможно. Мелкіе участки должны были примкнуть къ крупнымъ, имъ подчиниться. Вотъ почему имунитетъ впервые кладетъ правовое различіе между крупной и мелкой собственностью: фактъ обладанія первою ставилъ обладателя въ особое *de jure* положеніе, въ сравненіи съ мелкимъ собственникомъ. Развитію имунитета, помимо постепеннаго ослабленія центральной власти и совершившагося въ IX вѣкѣ превращенія областныхъ правителей изъ смѣняемыхъ государственныхъ чиновниковъ въ наследственныхъ мѣстныхъ владѣльцевъ, содѣйствовало еще смѣшеніе понятій государственнаго и частнаго права, которое было явленіемъ весьма обычнымъ и весьма понятнымъ въ варварскихъ государствахъ. Въ обществѣ, гдѣ вполне свободнымъ человекомъ могъ быть только собственникъ, сидѣть на чужой землѣ значило находиться въ зависимости отъ ея владѣльца: таковъ былъ старо-германскій взглядъ. Но зависимость опять-таки зависимости разнь: одно дѣло подчиненіе частно-правоваго характера, другое — политическое подчиненіе. Въ варварскую эпоху не дѣлали строгаго различенія между этими двумя видами

зависимости: землевладѣлецъ начиналъ смотрѣть на себя, какъ на законодателя, управителя и судью лицъ, жившихъ въ его помѣстьѣ, на его землѣ и находившихся потому въ нѣкоторой зависимости отъ него, а въ самыхъ этихъ лицахъ начиналъ видѣть приблизительно то же, чѣмъ были его собственные крѣпостные. Съ другой стороны, когда къ нему перешла государственная власть, онъ часто не умѣлъ различить, гдѣ начиналась его власть, какъ государя, и гдѣ кончалась принадлежавшая ему власть землевладѣльца и господина крѣпостныхъ: феодальный сеньеръ былъ не то государь, не то помѣщикъ, не то рабовладѣлецъ. Эти три элемента власти средневѣковаго феодального сеньера такъ перепутались въ концѣ концовъ между собою, до такой степени сдѣлались невыдѣлимыми изъ общаго комплекса, нерѣдко весьма мало различаясь одинъ отъ другаго, постоянно одинъ съ другимъ смѣшиваясь и одинъ въ другой переходя, что феодальная сеньерія была какъ-бы помѣстьемъ, вся земля коего въ извѣстной степени принадлежала сеньеру, а жители были отъ него въ зависимости.

Каково же было положеніе массы при этомъ порядкѣ? Дать общій отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма легко, но чуть только мы коснемся подробностей, передъ нами возникнутъ непреодолимые затрудненія: прежде всего феодальная система раздробляла Францію въ X в. на множество мелкихъ владѣній: долина, по выраженію Мишле, дѣлалась королевствомъ, гора уже составляла другое,—а каждое изъ нихъ имѣло свои особые законы; нерѣдко, далѣе, однимъ и тѣмъ же словомъ въ разныхъ частяхъ страны или въ разное время обозначали несомнѣнно сходныя между собою понятія, тогда какъ одна и та же вещь при различныхъ побочныхъ обстоятельствахъ носила различныя названія; наконецъ, феодализмъ допускалъ крайнее разнообразіе отношеній въ силу того, что многія изъ нихъ были результатомъ совершенно частныхъ, индивидуальныхъ соглашеній, а между тѣмъ памятники, на основаніи которыхъ мы могли бы составить себѣ вполне опредѣленное представленіе всѣхъ подробностей тогдашняго крестьянскаго быта, дошли до насъ въ самомъ незначительномъ сравнитель-

но количествѣ (6). Мы оставимъ въ сторонѣ это разнообразіе въ положеніи подневольной массы; для насъ здѣсь важнѣе отмѣтить рѣзкое раздѣленіе всего общества на два класса, на классъ господствующій и на классъ подданный: въ то самое время, какъ въ послѣднемъ продолжается вѣчно нарушаемое жизнью стремленіе отдѣльныхъ состояній сравняться между собою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе принижается передъ первымъ, и общество начинаетъ, такъ сказать, состоять изъ однихъ господъ и рабовъ, едва зная среднее состояніе (7): нигдѣ въ Европѣ до такой степени не исчезла изъ общества старая свобода, какъ именно во Франціи. Другими словами, всякій челоувѣкъ былъ либо благородный, либо неблагородный, а въ послѣднемъ случаѣ онъ не только по достоинству считался ниже благороднаго, но и не былъ вполне свободнымъ, находясь въ извѣстной зависимости отъ перваго. Какъ въ эпоху Салической Правды (*Lex Salica*, XL, 4) сервъ наказывался смертною казною за такое преступленіе, за которое свободный отдѣлывался штрафомъ въ 45 солидовъ, а при Каролингахъ для свободныхъ людей и подневольныхъ существовала смертная казнь двухъ различныхъ видовъ,—черезъ обезглавленіе и повѣшеніе, такъ и въ феодалную эпоху дѣлали различіе на судѣ между дворяниномъ и, какъ говорили позднѣе, ротюрьеромъ: въ Нормандіи грамота герцога, утверждавшая миръ убійцы съ родственниками убитаго (*la pès le duc*), носилась дворяниномъ подъ платьемъ, тогда какъ простые люди должны были носить ее сверхъ платья; или, напр., если подневольный челоувѣкъ (*hons de poesté*) вызывалъ на судебный поединокъ дворянина, то долженъ былъ сражаться пѣший и съ дубиной, между тѣмъ, какъ его противникъ имѣлъ право сражаться, сидя на конѣ въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи. Это еще не все: неблагородный не былъ свободенъ; даже на городское населеніе распространилась власть феодальныхъ сеньоровъ. Мы еще увидимъ, въ какомъ положеніи находились французскіе города въ самыя мрачныя времена феодальнаго господства.

Такимъ-то образомъ, въ общихъ чертахъ, совершался процессъ феодализаціи, давшій въ результатъ образованіе сеньерій съ несвободнымъ земледѣльческимъ населеніемъ и уничтожившій почти всякую свободную собственность. Одинъ только разъ въ эту эпоху сдѣлана была попытка поднять значеніе государства и центральной власти и ограничить, если не прекратить дальнѣйшее закрѣпощеніе массы и исчезновеніе мелкой собственности: я имѣю въ виду царствованіе Карла Великаго (8). Но, съ одной стороны, его законодательныя распоряженія были безсильны передъ обстоятельствами, и собственные его преемники раздачей иммунитетовъ и распространеніемъ сеніората дѣйствовали наперекоръ его политикѣ: добровольныя закрѣпощенія являются одною изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ каролингской эпохи. Съ другой стороны, въ общей политикѣ самого же Карла Великаго было много такого, что парализировало его попытки поддержать погибавшую свободу извѣстной части его подданныхъ. Извѣстно, что большая часть царствованія великаго монарха протекла въ войнахъ; онъ, значить, постоянно нуждался въ войскѣ, а оно набиралось изъ мелкихъ собственниковъ: чтобы избавиться отъ тяжести военной службы, за уклоненіе отъ которой налагался громадный штрафъ или барщина въ собственныхъ имѣніяхъ Карла, мелкіе собственники закрѣпощались за какимъ-либо епископомъ или графомъ, такъ какъ для зависимыхъ людей существовало много изытій по отбыванію воинской повинности. Неособенно благоприятныя послѣдствія имѣла для земледѣльческаго населенія Франціи и попытка Карла Великаго возстановить, въ своихъ имѣніяхъ по крайней мѣрѣ, хозяйство въ широкихъ размѣрахъ: примѣру государя стали слѣдовать монастыри и крупныя землевладѣльцы, вводя у себя барщинный трудъ и вытѣсняя такимъ образомъ часть мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ изъ своихъ имѣній. Наконецъ, не въ пользу же земледѣльческаго населенія были тѣ запрещенія, которыя дѣлалъ Карлъ, а за нимъ и его преемники относительно образованія *шлэдъ*, или союзовъ для взаимной помощи и защиты.

Установленіе феодальнаго порядка не встрѣтило сопротивленія со стороны массы народа, не смотря на то, что этотъ процессъ сопровождался обманами и насиліями, которыя позволяли себѣ по отношенію къ бѣдняку не только свѣтскія лица, но и епископы, лишь бы только оттягать землицы и закабалить себѣ лишняго человѣка. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, не возставали низшіе классы противъ этой споліаціи, когда на ихъ сторонѣ было численное превосходство, когда дѣло происходило въ бурную военную эпоху, въ которую люди, имѣя вѣчно дѣло съ мечомъ, могли не дорожить своею жизнью? Но въ томъ-то и дѣло, что тогдашніе люди представляли болѣе примѣровъ безсилія, нежели храбрости: меровингское войско бѣжало, когда врагъ превосходилъ его численностью, и было храбро только при грабежѣ беззащитныхъ, хотя бы и въ своей родинѣ; и описанія битвъ той эпохи показываютъ, что въ дѣло пускали болѣе хитрость, чѣмъ храбрость. Сознаніе собственнаго достоинства было развито въ самой незначительной степени, и слабый безпрестанно унижался, раболѣпствовалъ передъ сильнымъ, говорилъ тономъ раба: „это были, какъ выразился одинъ писатель, рабскія души, развитыя неблагоприятной судьбой.“ И если вся эпоха характеризуется самозакрѣпощеніями свободныхъ лицъ, то было бы страннымъ видѣть наряду съ этимъ попытки выйти изъ рабскаго состоянія. Что-нибудь одно: либо закрѣпоцаться, либо освобождаться (9). Къ тому же въ эту переходную эпоху разшатывались старыя связи между людьми: вся сила была теперь не въ принадлежности къ извѣстной національности, не въ родовыхъ связяхъ, а въ землѣ, земля же принадлежала не массѣ; къ тому же и среди самого населенія каждой данной мѣстности не могло быть прочной солидарности: община разлагалась вслѣдствіе неравенства участковъ, образованія безземельнаго класса, стремленія наиболѣе зажиточныхъ членовъ не только выдѣлиться изъ общины, но даже стать выше ея; не было такимъ образомъ общихъ интересовъ между разнородными людьми, населявшими одну территорию, и нерѣдко единственною связью между *всѣми* ими служили ихъ отношенія къ общему сеньеру,—странно было бы ожи-

дать совокупнаго дѣйствія разнородной, мало чѣмъ между собою связанной массы противъ лица, съ которымъ каждый въ отдѣльности часто стоялъ въ болѣе тѣсной связи, нежели съ своимъ сосѣдомъ. Нужна была нивелирующая сила феодальной сеньеріи, чтобы сплотить населеніе, случайно и внѣшнимъ образомъ объединенное подъ властью одного лица, соединить его въ крѣпко сплоченный комплексъ съ органическою связью въ основѣ и солидарностью интересовъ по отношенію къ враждебной внѣшней силѣ.

Но прежде нежели это случилось, феодальная сеньерія со- служила важную службу этому же разнородному и невоинствен- ному населенію: при преемникахъ Карла Великаго начались нор- мандскіе паѣзды, отъ которыхъ болѣе всего, конечно, страдали де- ревни, и въ то же время среди самого общества не все было спо- койно: сильный человѣкъ начиналъ особенно чувствовать свою силу и, не стѣсняемый все болѣе и болѣе слабѣвшею государ- ственною властью, дозволялъ себѣ всякія безобразія. Государ- ство оказывалось слишкомъ слабымъ для защиты населенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ: тогда обращаются къ еписко- пу, къ графу, къ крупному землевладѣльцу, ищутъ у него по- мощи, строятъ ему крѣпкій замокъ, который былъ бы способенъ вынести трудную и продолжительную осаду и къ стѣнамъ кото- раго можно было бы прижаться съ своими хижинами, чтобы быть поближе къ надежному мѣсту на случай внезапнаго нападенія непріятеля. По мнѣнію беззащитнаго люда, вся бѣда происходила

Par défaut de roy et par sa foiblesse, —

тѣмъ тѣснѣе примыкаетъ онъ къ мѣстнымъ силамъ епископа, графа (съ IX в. одѣлавшагося изъ государственнаго чиновника наслѣдственнымъ сеньеромъ), крупнаго землевладѣльца. Замокъ феодала дѣлается средоточіемъ сеньеріи, мѣстомъ защиты для ея населенія; но въ то же время онъ служитъ сеньеру оплотомъ его власти противъ того, кто вздумалъ бы у него ее оспаривать, и главной опорой тиранніи, которую онъ развиваетъ надъ окру- жающимъ его населеніемъ.

ГЛАВА III

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СЕНЬЕРІИ И ЕГО ПОЛОЖЕНІЕ.

Градація въ положеніи отдѣльныхъ классовъ населенія сеньеріи. Сервы. *Main-morte*. Вилланы, ротюреры, *hommes de roté*. Способы попасть въ сервы. *La servitude réelle*. Крестьянское землевладѣніе. Сохраненіе общиннаго начала и компаніи парсоньеровъ. Экономическое равенство крестьянъ. Наемный трудъ и краткосрочная аренда. Вліяніе освобожденія крестьянъ на ихъ отношеніе къ землѣ. При какомъ хозяйственномъ строѣ возможно было возникновеніе *vaine pâture*? Феодальныя повинности. Сеньерьяльныя права. Цензъ, шампаръ и правило *pu-le terre sans seigneur*. Баналитеты и др. права. Право охоты. Сеньерьяльный судъ.

Образованіе феодальной сеньеріи окончилось. Познакомимся теперь съ составомъ ея населенія, съ тѣми отношеніями, въ которыхъ оно находилось къ владѣтелю сеньеріи, и съ условіями, на которыхъ пользовалось землею, которую оно обрабатывало.

Населеніе феодальной сеньеріи не было однородною массою: глядя на него издали, трудно было замѣтить въ немъ какія-либо подраздѣленія, такъ что когда нужно было обозначить всю массу однимъ какимъ-нибудь словомъ, то почти никогда не затруднялись называть ее вообще сервами, какъ бы указывая этимъ на ея однородность: слово сервъ имѣло весьма опредѣленное значеніе. Но если мы переберемъ всѣ названія, которыми обозначали отдѣльныя части населенія, то увидимъ, что слово *servez* имѣло, особенно съ XIII вѣка, значеніе болѣе спеціальное, и что рядомъ

съ сервами существовали еще разные другіе классы. Историки уже неразъ пытались представить это раздѣленіе въ нѣкоторой общей системѣ, установивъ правильную классификацію (1), но придти къ общему выводу, который былъ бы принятъ одинаково всѣми, они не могли: было уже упомянуто о томъ, какую страшную путаницу отношений представляло изъ себя феодальное право; къ этому нужно прибавить, что вся терминологія этого права страдала неопредѣленностью и неустойчивостью: каждый почти-терминъ имѣлъ болѣе общее и болѣе частное значеніе, былъ синонимомъ одного термина въ одномъ отношеніи и другаго въ другомъ, не говоря уже о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергался онъ подъ вліяніемъ условій мѣста и времени. Противъ установленія какой-либо классификаціи можно сказать еще и то, что трудно найти здѣсь какой-либо *principium divisionis*, который лежалъ бы въ основѣ феодальной терминологіи, что разные признаки отдѣльныхъ классовъ существовали больше въ теоріи, чѣмъ на практикѣ, и что мелкія подраздѣленія были только исключеніемъ изъ общаго правила, т. е. изъ самаго многочисленнаго класса, включавшаго въ себя ббльшую часть населенія. Скорѣе, нежели о классификаціи, мы могли бы говорить о градаціи, которую представляло изъ себя все феодальное общество, начинавшееся наверху іерархіей сюзереновъ, вассаловъ, подвассаловъ и кончавшееся внизу постепеннымъ переходомъ отъ состоянія свободнаго подданнаго феодальнаго государя къ положенію, въ которомъ находился самый несвободный, самый зависимый сервъ. Принять эту градацію удобнѣе и въ томъ отношеніи, что она представляетъ изъ себя лѣстницу, по которой въ послѣдствіи восходили постепенно крестьяне къ состоянію личной свободы: вся исторія освобожденія крѣпостной массы заключалась въ томъ, что мало-по-малу прежнія исключенія дѣлались общимъ правиломъ, а прежнее общее правило поступало въ разрядъ исключеній; отсюда и та незамѣтность, съ какою совершался переворотъ въ судьбѣ крестьянскаго сословія. Я уже прежде замѣтилъ, что его исторія представляетъ изъ себя постоянную нивелировку, постоянное сліяніе отдѣльныхъ классовъ въ одинъ,

подведеніе ихъ подъ общее правило, приведеніе ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю,—только въ разныя времена этотъ знаменатель былъ различный, то принижая, то приподнимая соціальное значеніе массы.

Въ эпоху полного господства феодальной тиранніи на самой низкой ступени общественной лѣстницы стояли *сервы*, самая безправная часть населенія, надъ которою господину принадлежала неограниченная власть: онъ могъ дѣлать съ ними все, что ему ни вздумается, справедливо или несправедливо, отвѣчая передъ однимъ Богомъ — *toutes les fois qu'il lor plest, soit à tort, soit à droit qu'il n'en est tenu à respondre fors à Dieu*, какъ говорить въ XIII вѣкѣ Бомануаръ, прибавляя, впрочемъ, что въ такомъ положеніи находятся нѣкоторые сервы, *li uns des sers*. Это такъ называемые *gens de pleine poeste* или *de corps, hons (hommes) de corps*, потому что они были въ полной власти господина, потому что ему принадлежало самое ихъ тѣло (2). Такое положеніе *de jure* было продолженіемъ римскаго невольничества и рабства германскаго; на дѣлѣ въ это состояніе должны были попасть и прежніе колонны, юридическое положеніе которыхъ, ухудшившись при варварахъ, въ эпоху феодализаціи оставалось большею частью безъ измѣненія: колонны утратили специальное покровительство римскаго закона, признававшего подсудность ихъ только однимъ государственнымъ властямъ, не позволявшего переводить ихъ изъ одного имѣнія въ другое, а тѣмъ болѣе продавать безъ земли, какъ простыхъ рабовъ; колонны, далѣе, платили прежде государству извѣстные налоги и отбывали для него разныя повинности, не считая оброка, дававшегося помѣщику, съ Клотара II (614—628) и налоги эти, и повинности сдѣлались собственностью помѣщиковъ, къ которымъ мало-по-малу перешли потомъ и всѣ пошлины съ дорогъ, судоводныхъ рѣкъ, мостовъ и паромовъ; кромѣ того, землевладѣльцу представилась теперь полная возможность увеличивать по произволу оброкъ, который платился ему колономъ. Не смотря однако на это, условія средневѣковаго быта не были благоприятны для развитія античной формы рабства: правда, торговля ра-

бами велась еще и въ эпоху развитія феодализма, такъ что противъ нея вооружалось и законодательство Каролинговъ, и церковныя постановленія, но не эти запрещенія, нерѣшительныя и безсильныя, положили конецъ рабству: какъ ни благопріятенъ былъ процессъ феодализаціи для развитія полного подчиненія колона сеньеру въ юридическомъ отношеніи, экономическая жизнь эпохи не только не могла допустить возстановленія невольничества, но даже способствовала облегченію участи настоящихъ рабовъ, которые постепенно переходятъ изъ положенія подневольныхъ рабочихъ при господскомъ хозяйствѣ въ положеніе крѣпостныхъ фермеровъ. Господинъ юридически сохраняетъ надъ ними полную власть, но въ экономическомъ отношеніи они уже не рабы, а сервы, и ихъ уже не называютъ *склавами* (*esclaves*), какъ тѣхъ, которые продавались на рынкахъ. Однако сервъ былъ совершенно безправнымъ человѣкомъ: на судъ его свидѣтельство допускалось лишь съ большими ограниченіями; вступать въ какія-либо обязательства ему не дозволялось; господинъ могъ налагать на него произвольный оброкъ и произвольную барщину (*taille* и *corvée à merci*); вступать въ бракъ онъ могъ только съ согласія господина; по смерти его имущество доставалось господину (*droit de main morte*); если онъ оставялъ произвольно имѣніе, въ которомъ жилъ, то господинъ могъ его отыскивать (*droit de poursuite*), а проживъ годъ съ днемъ на землѣ другаго сеньера, онъ дѣлался сервомъ послѣдняго въ качествѣ иностранца, обѣна (*droit d'aubainage*). De facto сервы пользовались земельными надѣлами, которые переходили отъ отца къ сыну.

Въ періодъ между IX и XI вѣками начался переходъ сервовъ этой категоріи въ болѣе смягченное состояніе, извѣстное подъ названіемъ *манморта* (мертвая рука, *manus mortua*, *main morte*, откуда *serfs de main morte* или *mainmortables*), хотя еще въ XIII вѣкѣ число полныхъ сервовъ было весьма значительно. Это была другая, болѣе мягкая форма серважа, въ которую попали сначала болѣею частью свободные, но безземельные поселяге, колонны, которымъ удалось избѣжать общей

участи своихъ собратій, а впоследствии понадали и сервы, получившіе нѣкоторое облегченіе своей участи. Они наравнѣ съ сервами были прикрѣплены къ землѣ: *homines manus mortuae sunt sergi glebae*; вмѣстѣ съ ними они обязаны были платить таію и отбывать натуральныя повинности въ пользу сеньера; за дозволеніе вступать въ бракъ они платили особую пошлину (*droit de formagiage*), а въ случаѣ ихъ смерти наследникомъ ихъ дѣлался сеньерь: ихъ *рука* была *мертва*, чтобы дѣлать загробныя распоряженія съ своимъ имуществомъ. Но они существенно отличались отъ первой категоріи сервовъ тѣмъ, что количество и качество требуемыхъ отъ нихъ повинностей было опредѣлено договоромъ или обычаемъ: это приближало ихъ къ колонатамъ до-франкскаго періода.

Съ XIII в. все чаще и чаще встрѣчается названіе *виллановъ*, въ положеніе которыхъ уже перешли почти всѣ сервы и мэнмортабли въ началѣ новой исторіи, т. е. въ XVI вѣкѣ. Это были крестьяне лично свободные, находившіеся въ подчиненіи у сеньеровъ, какъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ они держали свои участки, — и какъ отчасти обладателей государственной власти, подъ которою находились, — словомъ, не какъ крѣпостные крестьяне у своихъ помѣщиковъ. Такихъ людей болѣе всего сохранилось въ городахъ: позднѣе они назывались буржуа; ротюрьеры было также одно изъ ихъ названій. *De jure* сеньерь имѣлъ надъ этими людьми власть ограниченную: между ними и имъ былъ судья въ лицѣ непосредственнаго сюзерена, вассаломъ котораго былъ сеньерь, а съ усиленіемъ королевской власти и въ лицѣ короля, какъ всеобщаго сюзерена. Такому подданному принадлежало право полного распоряженія своею собственностью и совершенная правоспособность во всѣхъ гражданскихъ актахъ: онъ пользовался, какъ говорили, „римской свободой.“ Тѣмъ не менѣе надъ нимъ тяготѣли многія тяжелыя стороны феодальнаго права: и онъ подвергался обѣнажу, и онъ былъ обязанъ платить сеньеру разныя подати, пошлины, оброки, и онъ подчинялся сеньерьальной юрисдикціи. Въ деревняхъ трудно было сохранить такую свободу, общимъ удѣломъ сельскаго населенія въ началѣ

феодалной эпохи былъ серважъ, и ученымъ приходится дѣлать, по выраженію Лорана, *des efforts d'érudition*, чтобы открыть въ деревняхъ существованіе свободныхъ людей. Известно, напр., что въ Германіи въ эту эпоху гораздо лучше сохранилась крестьянская свобода, нежели во Франціи, и только позднѣе положеніе крестьянъ стало здѣсь ухудшаться сравнительно съ французскими; тѣмъ не менѣе недавно одному ученому (Heussler'у) пришлось исписать нѣсколько страницъ, чтобы доказать, что въ нѣмецкихъ городахъ были свободные люди. Поэтому во французскихъ деревняхъ такой классъ сталъ образовываться только въ послѣдствіи, и первыми лицами, которыя вошли въ его составъ, были большею частью такъ называемые *hôtés (hospites)*, переселявшіеся изъ другихъ мѣстъ по приглашенію сеньеровъ для обработки незанятой земли, которая передавалась имъ обыкновенно въ качествѣ цензивъ: эти свободные цензитариі, сначала весьма рѣдкіе, находились только въ подданствѣ у сеньеровъ, откуда общее названіе для всѣхъ лицъ подобной категоріи *homines rotatis, hons de poste, de poté, francs hommes de poté*.

Такова была градація населенія феодальной сеньеріи. Мы отмѣтили только выдающіяся промежуточные ступени и обошли всѣ переходы отъ одного положенія къ другому, всѣ мелкіе отѣнки, всѣ дробныя подраздѣленія. Положенія серва, мэнмор-табля, виллана — пережили феодальную эпоху, хотя съ значительными, конечно, перемѣнами: передъ самой революціей, еще въ 1789 г. существовали во Франціи остатки серважа, даже съ названіемъ *serfs de corps*; только то, что въ 1789 г. могло существовать лишь, какъ исключеніе, въ X—XIII вв. было общимъ правиломъ.

Пока не началась эпоха постепеннаго освобожденія крестьянъ изъ феодальной зависимости, освобожденія крайне медленнаго и крайне неполнаго, феодальное право представляло изъ себя сѣть, въ которой легко было запутаться и потерять свою свободу. Сдѣлаться сервомъ было очень легко (3): не говоря уже о томъ, что дѣти сервовъ наследовали состояніе своихъ родителей, свободный, женившійся на крѣпостной, утрачивалъ свою

свободу, ибо, говорить феодальное право, *en formariage le pire emporte le bon* и *si tu montes ma poule, tu deviens mon coq* *). По формарьяжу можно было даже заразъ принадлежать двумъ господамъ, ибо владѣльцы супружеской четы изъ двухъ разныхъ сеньерій дѣлили между собою приплодъ, такъ что въ случаѣ нечетнаго количества дѣтей отъ подобнаго брака нужно было одному отбывать повинности по отношенію къ двумъ господамъ, если послѣдніе не входили въ какую-либо сдѣлку въ родѣ мѣны половины мущины на половину женщины; бывали случаи, что сынъ серва и свободной былъ сервомъ только на половину и т. п. Сервомъ, далѣе, могли сдѣлать человѣка собственное согласіе, плѣнъ на войнѣ, судебный приговоръ, обработка впродолженіи года съ днемъ какого-либо мѣнмортабельнаго участка; церковный подкидышъ дѣлался сервомъ церкви. Но особенно жестокъ былъ *обнажс*: если кто самовольно оставлялъ мѣсто своего жительства и переходилъ на новое, все имущество его, какое только можно было, бралъ себѣ старый сеньеръ, а новый, буде не было съ пришельцемъ особаго договора, могъ захватить все, вновь приобретенное обаномъ въ его сеньеріи тотчасъ же по смерти обана: онъ былъ иностранецъ, хотя бы и принадлежалъ къ той же національности, а иностранцу безъ рода и племени, безъ защиты и связей оставалось въ феодальную эпоху одно положеніе серва.

Среди указанныхъ способовъ сдѣлаться сервомъ одинъ сохранялъ свою силу до самой революціи. Еще въ до-феодальную эпоху цензивныя земли раздѣлялись на разныя категоріи по состоянію лица, ихъ занимавшаго, вслѣдствіе чего назывались *mansu ingenuiles*, *lidiles* и *serviles*, смотря по тому, давался ли мансъ (участокъ земли, надѣлъ) свободному человѣку или зависимому литу или же наконецъ серву; впоследствии сами участки стали ставить лицо, ихъ занимавшее, въ то или другое

*) Первоначально браки крѣпостныхъ безъ дозволенія сеньера считались за какъ бы несуществующіе, пока папа Адрианъ IV не подтвердилъ ихъ законности и не предоставилъ господамъ только подати или штрафа. Формарьяжемъ называлась также сумма, вносимая за дозволеніе брака жителя одной сеньеріи съ женщиной другой.

положеніе. Этотъ принципъ, имѣвшій примѣненіе и въ другихъ странахъ, во Франціи сохранялъ свою силу до 1789 года: въ многихъ провинціяхъ земельный налогъ платился въ казну привилегированными (вообще изъятыми отъ налоговъ), если они владѣли неблагородными имѣніями, тогда какъ ротюреры, на которыхъ вообще падалъ весь фискальный гнетъ старой монархіи, были свободны отъ поземельной талии, если ихъ земли принадлежали къ категоріи благородныхъ. Равнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи существовали особые участки земли, которые назывались крѣпостными или мэнмортабельными (*héritages serfs* или *mainmortables*, также *meix, meix*): прожившіе на нихъ извѣстное количество времени дѣлались сервами. Это была такъ называемая *servitude réelle*, когда крестьянинъ былъ сервомъ не лично, а по занимавшемуся имъ земельному надѣлу. Въ феодальную эпоху было то же самое, съ тѣмъ только различіемъ, что такихъ опасныхъ для личной свободы клочковъ земли было гораздо больше, нежели въ XVIII в., и что тогда ужъ нельзя было, какъ это стало возможно позднѣе, освободиться отъ серважа, просто покинувъ коварную землю. Какъ боялось свободное населеніе этого принципа, видно изъ того, что отмѣна его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разсматривалась, какъ важная привилегія: въ 1197 г. Людовикъ VII уступилъ между прочимъ жителямъ г. Этампа свободно снимать, кто пожелаетъ, землю, называемую октавой, и вслѣдствіе этого не дѣлаться королевскимъ сервомъ.

Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ предыдущаго разсмотрѣнія правоваго положенія земледѣльческаго населенія Франціи въ феодальную эпоху, заключается въ томъ, что все оно находилось въ крѣпостной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ: развѣ только самый незначительный процентъ стоялъ нѣсколько выше положенія серва и мэнмортабля. Другой вопросъ — каково было экономическое положеніе этой массы? Уже было упомянуто, что крупнаго хозяйства почти не существовало при феодальной системѣ: во всякомъ случаѣ сецьберъ велъ хозяйство самъ только на незначительной части своего до-

мена, раздавая остальную землю по мелкимъ участкамъ крестьянамъ; сеньерьяльное хозяйство велось барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ, сидѣвшихъ каждый на своемъ надѣлѣ, хотя, кромѣ того, бывали въ видѣ исключенія и безземельные рабочіе, получавшіе отъ землевладѣльца помѣщеніе, одежду и пищу (4); вся оставшаяся затѣмъ земля находилась въ пользованіи различныхъ классовъ крестьянъ, которые большею частью владѣли ею наследственно, отъ отца къ дѣтямъ, ибо въ то время краткосрочной аренды почти не существовало (фермерство въ хозяйственной исторіи Франціи явленіе позднѣйшее), и всякая сѣмка земли стремилась превратиться въ наследственную. Благодаря этому обстоятельству, феодальной эпохѣ былъ неизвѣстенъ сельскій пролетаріатъ: крестьяне были обезпечены землею на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, начиная отъ отбыванія ими повинностей въ пользу помѣщика по его произволу и кончая уплатой ему денежнаго ценза, въ неизмѣнномъ каждый годъ количествѣ, — начиная съ барщины и кончая половничествомъ, состоявшимъ въ томъ, что сѣмщикъ обязанъ былъ представлять землевладѣльцу половину продукта, — начиная съ довольно прочной связи крестьянина съ его землей, въ видѣ такъ называемаго *dominii utilis*, и кончая отношеніями, которыя зависѣли въ значительной мѣрѣ отъ доброй воли сеньера. На югѣ Франціи сохранялась и аллодіальная собственность, но только рѣдко въ рукахъ крестьянъ.

Вслѣдствіе того, что крестьяне были большею частью наследственными владѣльцами определенныхъ земельныхъ участковъ, и того, что каждая деревня была окружена пустопорожними землями, служившими выгономъ для скота, между односельчанами должны были поддерживаться старыя или возникать новыя общинныя отношенія, тѣмъ болѣе, что сами сеньеры сдавали земли цѣлымъ общинамъ (таковъ былъ *baile a bourdelage* въ Бурбоннѣ и Нивернѣ); или наприм., половники одного и того же землевладѣльца сами начинали составлять нѣчто въ родѣ артелей. Самымъ любопытнымъ примѣненіемъ общиннаго начала были такъ называемыя компаніи парсоньеровъ (*parsonniers*,

compains, cottiers, frarescheux, fraternités, communautés taisibles или tacites), особия земледѣльческія ассоціаціи, „монастыри женатыхъ земледѣльцевъ,“ какъ удачно назвалъ ихъ Мишле. Въ средніе вѣка ихъ существовало великое множество, онѣ не исчезли окончательно даже въ XVIII вѣкѣ и только въ XIX стали составлять величайшую рѣдкость. Происхождение ихъ покрыто мракомъ неизвѣстности; предполагаютъ даже, что онѣ начали возникать еще въ меровингскую эпоху: одной овернской общинѣ (Guittar-Pinons), существовавшей еще въ концѣ XVIII в., приписываютъ, наприм., тысячелѣтнюю древность. Распаденіе этихъ общинъ началось съ XIII в., въ XI и XII в. онѣ были въ большемъ ходу, какъ противодѣйствіе закону мертвой руки: сервы, соединившись въ компанію, составляли нѣкоторымъ образомъ неумирающаго никогда владѣльца, такъ какъ парсоньеръ не имѣлъ ничего лично ему принадлежащаго и не своей смерти ничего не могъ оставить для сеньера; за то, отдавъ свое достояніе въ общину, сервъ очень хорошо зналъ, что его дѣти будутъ обезпечены, ибо каждый новорожденный считался уже членомъ братства. Gens de mainmorte, говоритъ, наприм., бургундская кутюма, ne peuvent succéder les uns aux autres, sinon tandis qu'ils sont demourans en commun,—это была *conditio sine qua* для того, чтобы сервъ могъ наследовать. Такъ возникали парсоннеріи изъ чужихъ другъ для друга людей. Сеньеры покровительствовали подобному обычаю: что имъ было дѣлать съ наследствомъ мэнмортабля, какъ не отдать этого наследства сыну же умершаго или еще кому-нибудь, а между тѣмъ компанія представляла немало удобствъ. „Выгода, говоритъ одинъ старинный юристъ, которая установила общину (*la communion*) между мэнмортаблями, въ томъ, что земли сеньеріи лучше обрабатываются, а крестьяне исправнѣе платятъ повинности сеньеру, когда живутъ вмѣстѣ, нежели въ томъ случаѣ, когда распадаются на нѣсколько дворовъ.“ Притомъ въ парсоннеріи существовала круговая порука передъ сеньеромъ, которому, сверхъ того, удобнѣе было имѣть дѣло съ однимъ лицомъ, старостою общины, чѣмъ съ множествомъ отдѣльныхъ крестьянъ. По мнѣ-

нію Лявеле, довольно вѣроятному, эти компаніи принесли большую пользу сельскому населенію Франціи, сохраняя за крестьянами ихъ земли и препятствуя соединенію многихъ участковъ въ однихъ рукахъ.

Подробныя описанія внутренняго быта парсоньеровъ мы имѣемъ только отъ позднѣйшаго времени, но и раннія извѣстія, не смотря на свою отрывочность, довольно ясно обрисовываютъ намъ главные очертанія этого быта. „Компанія по нашей кутюмѣ, говоритъ въ XIII вѣкѣ Бомануаръ, образуется вслѣдствіе простаго сожительства (*par solement manoir ensamble*) на одномъ хлѣбѣ и съ общимъ горшкомъ впродолженіе года съ днемъ, такъ какъ движимое имущество одного смѣшано съ движимымъ имуществомъ другаго (*puis que li mueble de l'un et de l'autre sont mellé ensamble*).“ Парсоннеріи не только сообща владѣли землею, но сообща обрабатывали ее и сообща же пользовались продуктами: общее поле и общее жилище, общій трудъ и общая пища; только впоследствии законъ допускалъ отдѣльныя жилища, лишь бы только парсоньеры пользовались общимъ столомъ. Община своими силами добывала все нужное, такъ какъ и вообще въ феодальную эпоху въ крестьянскихъ хозяйствахъ не было того, что называется „*Ueberproduction*“: каждый работалъ только на себя, а при множествѣ разныхъ платежей, которые приходилось дѣлать серву, нужно удивляться, какъ только онъ могъ существовать съ своего маленькаго хозяйства, — гдѣ же ему было еще покупать что-либо? Эту черту средневѣковаго быта парсоннеріи сохраняли до позднѣйшаго времени: въ Оверни наканунѣ самой революціи существовали общины, которыя покупали только соль и желѣзо: остальное у нихъ было все свое. — Во главѣ парсоннеріи стоялъ выборный староста (*maitre, major, maitre de com munité, chef du chateau*), который при помощи такой же старостихи (*maitresse*), не бывшей большею частью ни женой его, ни сестрой, заправлялъ всѣмъ хозяйствомъ и представлялъ собою всю общину передъ сеньеромъ. Если община раздѣлялась на отдѣльные дворы и послѣдніе существова-

ли самостоятельно годъ съ днемъ, то это считалось достаточнымъ для того, чтобы парсоннерія утрачивала свои права.

Мы видимъ такимъ образомъ, что если среди земледѣльческаго населенія феодальной сеньеріи существовало нѣсколько класовъ, то это раздѣленіе имѣло характеръ болѣе юридическій, нежели экономическій: въ послѣднемъ отношеніи крестьянская масса была болѣе или менѣе однородна (6), ибо почти всѣ были самостоятельными хозяевами. Экономическое раздѣленіе могло бы имѣть мѣсто, если бы въ величинѣ отдѣльныхъ хозяйствъ существовали крупныя различія, но этого, повидимому, не было, хотя крестьянскіе участки и не были всѣ равны между собою. Были ли они равны или неравны въ древнѣйшую эпоху, позднѣе полного равенства не существовало, какъ это показываютъ многіе памятники феодальной эпохи. Тѣмъ не менѣе есть основаніе утверждать, что въ общемъ не было вовсе и крупнаго неравенства: слишкомъ большіе (нельзя однако сказать и слишкомъ малые) участки представляли изъ себя отдѣльные случаи, исключенія изъ общаго правила. Для серва существовало даже нѣчто въ родѣ нормальнаго надѣла или манса: даже въ позднѣйшую эпоху словомъ *meix*, *meix*—названіемъ мэнмортабельной земли—обозначалось вообще и такое количество почвы, которое было необходимо *pour occuper et nourrir un sujet avec son ménage*. Нѣтъ основаній предполагать, что и цензивныя хозяйства не были болѣе или менѣе одинаковы: они могли колебаться только въ довольно ограниченнхъ предѣлахъ. — Кромѣ того, общее наше положеніе доказывается вѣскими соображеніями. Впервыхъ, въ XVIII вѣкѣ множество лицъ жило почти исключительно наемнымъ трудомъ, что стало возможнымъ только послѣ того, какъ, съ одной стороны, явилась масса народа, не имѣвшаго собственного хозяйства, а съ другой, образовались болѣе крупныя эксплуатаціи почвы, требовавшія наемныхъ рукъ: въ средніе вѣка наемнаго труда почти не было, такъ какъ сеньерьяльныя имѣнія обрабатывались барщиной, а всѣ остальные собственными средствами самихъ хозяевъ и ихъ семей, — отсюда невозможность существованія очень крупныхъ хозяйствъ, помимо господскихъ,

которые обрабатывались барщиннымъ, не наемнымъ трудомъ, а потому и невозможность существованія безземельнымъ рабочихъ, какъ особаго класса. Надобность въ наемномъ трудѣ почувствовалась впервые съ отгнѣной крѣпостной барщины, и первыми наемниками явились крестьяне, собственныя хозяйства которыхъ сдѣлались черезъ-чуръ малы. Вотъ вторыхъ, когда каждый сидѣлъ на своемъ наслѣдственномъ участкѣ и велъ свое хозяйство, не могла имѣть мѣста и краткосрочная аренда: ранѣе всего появилось фермерство въ Нормандіи, да и то только въ XIII и XIV вв., когда оно впервые стало вытѣснять такъ называемую *фьеффу*, или наслѣдственную аренду. Замѣчательно, что и первыми фермерами были горожане (*les bourgeois des villes*), клирики и священники. Впрочемъ, лишь съ VI вѣка начала дѣйствовать конкуренція фермеровъ, имѣвшая своимъ слѣдствіемъ, особенно въ XVIII вѣкѣ соединеніе многихъ мелкихъ фермъ въ одну крупную, бывшее равносильнымъ уничтоженію маленькихъ хозяйствъ для замѣны ихъ большими. Вотъ почему только такимъ путемъ можно объяснить существованіе передъ революціей безземельныхъ батраковъ: по мѣрѣ того, какъ наслѣдственные способы пользованія землей уступали мѣсто непрочнымъ кратковременнымъ арендамъ и происходило соединеніе фермъ, должны были исчезать прежнія, болѣе или менѣе равновелія хозяйства, и крестьянская масса начала распадаться на два экономическіе класса — самостоятельныхъ хозяевъ и наемныхъ батраковъ. Третьихъ, вообще освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сопровождалось ихъ обезземеленіемъ: не говоря уже о томъ, что земледѣльцы иногда бывали вынуждены продавать свои земли (цензивы) и брать ихъ обратно въ качествѣ арендаторовъ; не говоря уже о томъ, что крестьяне иногда *дегертировали* свои земли, т. е. возвращали ихъ сеньеру, если находили ихъ черезъ-чуръ обремененными феодальными повинностями; не говоря о томъ, что въ позднѣйшую эпоху подобнымъ образомъ многіе отдавали свои участки и сборщикамъ податей, — самыя условія эманципаціи были такого рода, что прежняя связь серва съ землей нарушалась. Таково было освобожденіе отъ *servi-*

tude réelle: когда серву дозволялось покинуть свою землю, то онъ не только терялъ на нее право, но иногда долженъ былъ оставить въ пользу сеньера часть движимаго имущества; вотъ почему *la servitude réelle*, отъ которой всегда можно было освободиться, покинувъ мэнмортабельный участокъ, продолжала существовать во Франціи до самой революціи: личная свобода покупалась здѣсь лишеніемъ земли. То же можно сказать о крѣпостныхъ половникахъ: если половничество не исчезло съ прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній, то отношенія половника къ занимаемой имъ землѣ измѣнились, и, наприм., въ XVIII в. землевладѣльцы просто-на-просто прогоняли своихъ половниковъ, когда имъ заблагоразсудится; не иначе поступали иногда и съ фермерами. Вотъ общій отвѣтъ на вопросъ, если бы кто вздумалъ его предложить,—какимъ же путемъ исчезло то состояніе, при которомъ каждый почти крестьянинъ имѣлъ свое хозяйство? Не нужно при этомъ забывать, что въ концѣ концовъ оно и не исчезло окончательно, если и въ XVIII вѣкѣ типическимъ отношеніемъ французскаго крестьянина къ почвѣ было половничество.

Есть еще одно вѣское доказательство въ пользу защищаемаго мною положенія. При каждой деревнѣ были въ средніе вѣка общинныя земли (*les communaux*), и вездѣ существовали общинныя сервитуты, когда, наприм., по уборкѣ хлѣба всѣ жители деревни высылали свой скотъ пасти по разгороженнымъ полямъ отдѣльныхъ хозяевъ (*vaine pâture*). При этомъ держались принципа: *qui n'a labourage, n'a pâturage*, т. е. у кого въ деревнѣ нѣтъ своей пашни, тотъ и скота своего не можетъ пасти на общемъ выгонѣ. Между тѣмъ въ XVIII вѣкѣ этимъ правомъ пользовались и бобыли, безземельные батраки, не имѣвшіе своего хозяйства. Остается для объясненія этого факта принять одно изъ двухъ: или бобыли продолжали только пользоваться старымъ правомъ, которое удержали съ тѣхъ поръ, когда сами были хозяевами и имѣли свою пашню, или же они приобрѣли это право впоследствии. Если остановиться на второмъ предположеніи, то является масса вопросовъ, на которые нельзя дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ: когда произошло это? на

какомъ основаніи отступили отъ правила—*qui n'a labourage, n'a pâturage*? Наоборотъ, первое предположеніе вполне правдоподобно, и само сельское населеніе Франціи наканунѣ революціи выражало тотъ взглядъ, что *le droit de vaine pâture* не сервитутъ какой-нибудь непонятный, а общественная собственность, болѣе древняя, чѣмъ собственность частная. Наконецъ, и возникновеніе самой *vaine pâture* понятно только при приближительной одинаковости хозяйства на отдѣльныхъ участкахъ: когда одинъ имѣлъ поле, не превышавшее значительно своими размѣрами поля другаго, и обрабатывалъ его такъ же, какъ и всѣ сосѣди, тогда легко было послѣ одновременной уборки жатвы выслать всѣмъ свой скотъ пастись на поля деревни. Тогда и голосовъ противъ *vaine pâture* не подымалось: заговорили противъ нея особенно лишь въ XVIII вѣкѣ, когда сельская община раздѣлилась на хозяевъ и батраковъ, и крестьянскіе участки болѣе или менѣе нормальной величины уступили мѣсто двумъ крайностямъ — незначительнымъ клочкамъ земли около дома, часто едва годнымъ для огорода, и такимъ хозяйствамъ, которыя были въ пору семи семьямъ и больше. Собственникъ, фермеръ не понималъ теперь, на какомъ основаніи скотъ его безземельнаго сосѣда, часто у него же работающаго, пасется на его землѣ противъ его собственнаго согласія и большею частью ко вреду его хозяйства, въ которомъ онъ нѣсколько отступилъ отъ рутинны. Поэтому хозяева стремились уничтожить, ограничить ненавистную *vaine pâture*. Можно ли послѣ этого допустить, что былъ такой моментъ, когда они позволили безземельному люду, не имѣвшему прежде права пускать свой скотъ на ихъ земли,—пользоваться этою самою *vaine pâture*? Принятіе же положенія, что было время, когда бобыли XVIII в. не были бобылями, объясняетъ все дѣло.

Итакъ, масса пользовалась землею, — это одно сторона той старины, сохранить которую отъ всякихъ неблагопріятныхъ переменъ пытался народъ и наканунѣ самой революціи, въ то самое время, когда въ эпоху той же революціи онъ поставилъ себѣ главной задачей—уничтожить безъ слѣда другую сторону феодальной

старинны: я разумѣю здѣсь тѣ условія, на которыхъ крестьянину было доступно это пользованіе землею. Условія были самыя неблагопріятныя для земледѣльца: онъ былъ плательщикъ, плательщикъ и плательщикъ, и платилъ онъ своему сеньеру оброки самаго разнообразнаго свойства (7). Желалъ крестьянинъ 1789 года, кромѣ того, уничтоженія разныхъ натуральныхъ повинностей и разнообразныхъ правъ, принадлежавшихъ сеньеру (*droits seigneuriaux*), крайне для крестьянина стѣснительныхъ.

Эти оброки, повинности и права, которымъ подлежало населеніе феодальной сеньеріи, были крайне разнообразны: потребовался бы цѣлый словарь, чтобы только перечислить всѣ термины феодальнаго права, обозначающіе какой-либо платежъ, какой-либо видъ барщины, какую-либо привилегію сеньера. Одни изъ нихъ возникли въ эпоху закрѣпощенія, другіе были цѣною освобожденія, начавшагося впоследствии; одни вышли изъ употребленія довольно рано, существованіе другихъ было превращено только законодательствомъ революціи между 1789 и 1793 г.; происхожденіе и значеніе однихъ совершенно ясно, другіе представляютъ изъ себя загадку; одни существовали потому, что сеньеръ былъ представитель государственной власти, другіе—потому, что отъ него зависѣла земля, третьи—потому, что у него были крѣпостные, четвертые—потому, что сеньеръ былъ силенъ и могъ вымучить у крестьянъ все, что ему было угодно: въ 1200 году, наприм., графиня шампанская обѣщаетъ своимъ людямъ ничего не вымучивать у нихъ силою (*ne aliquid amplius ab eis extorquebo*); въ одномъ актѣ 1363 г. самъ сеньеръ называетъ многіе прежніе свои поборы незаконными и несправедливыми (*indebitae et injustae exactiones*). Недаромъ одна грамота амьенскихъ графовъ конца XI вѣка сравниваетъ положеніе народа съ тѣмъ, въ которомъ находился Израиль подъ властью Фараона, *quasi populus Izraël oppressus in Aegypto ab exactionibus Pharaonis*. Понятно, что особенно подходили подъ это сравненіе полные сервы, которые были *taillables et corvéables à merci*, т. е. на которыхъ сеньеръ имѣлъ право налагать произвольные оброки и барщины.

Исторія повинностей въ эту эпоху, по вѣрному замѣчанію Штейна (8), есть исторія не доходовъ господскихъ, а развитія несвободы: кто платилъ цензъ или другую подать, знакъ зависимости, тотъ лишался свободы, что въ значительной мѣрѣ способствовало смѣшенію съ сервами людей, которые въ сущности ими не были. Здѣсь дѣйствовало то же возрѣніе, что и по отношенію къ жизни на чужой землѣ. Между тѣмъ сеньеры взимали въ свою пользу разные налоги, установленные прежде государствомъ, каковы подушная и поземельная подати, пошлины при продажѣ имѣнія или полученіи наслѣдства, пошлины рыночныя, заставныя, мостовыя и т. п. Эти налоги, при полномъ почти отождествленіи государственнаго и частноправоваго порядковъ, сеньеры не хотѣли отличать отъ тѣхъ, которые платились ему, какъ феодальному сеньеру его вассалами и какъ землевладѣльцу его крестьянами: тутъ были и военная служба, и *taille aux quatre cas* (выкупъ изъ плѣна, пособіе на поминчество, посвященіе старшаго сына въ рыцари и свадьба старшей дочери), и такъ называемые баналитеты, право охоты, гаренны, и разные виды ценза за землю, и барщина, и формарьяжъ, и *mainmorte* и *droit de marquette* и пр. и пр. Въ задачу нашу не входитъ говорить подробно о каждомъ налогѣ, каждой повинности, каждомъ правѣ сеньера: мы остановимся лишь на болѣе общихъ и на самыхъ характерныхъ, выбравъ притомъ преимущественно такіе, которые, имѣя несомнѣнное происхожденіе въ феодальную эпоху, дожили до знаменитой ночи 4 августа 1789 года.

Весьма часто мы встрѣчаемся и въ феодальную эпоху, и позднѣе вплоть до революціи съ оброкомъ, называвшимся *цензомъ* (*сепс*) и раздѣлявшимся на множество видовъ. Позднѣе (главнымъ образомъ съ XVI в.) господствовало убѣжденіе, что всякій цензъ имѣетъ основаніе въ уступкѣ земли за этотъ оброкъ, но такая теорія не объясняетъ всѣхъ особенностей ценза, съ которыми были соединены также *lods et ventes*, т. е. пошлина, платившаяся сеньеру при переходѣ цензивной земли въ другія руки. Эти особенности заставляютъ принять за правило, что не

всякій сень, платившійся крестьяниномъ, былъ слѣдствіемъ земельной уступки (*traditio fundi*), тѣмъ болѣе, что тѣмъ же названіемъ обозначалась и поголовная подать (*сens personnel, с а р а g e, с h e v a g e*), и особый взносъ сеньеру за покровительство (*сens en со ш m e n d e*) и т. п., и тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи въ феодальной подати, которой подлежалъ какой-либо земельный участокъ, различали иногда собственно цензъ и такъ называемую ренту, имѣвшую дѣйствительно происхожденіе въ уступкѣ земли и несоединенную съ продажной пошлиной (*lods et ventes*), и что послѣдняя уплачивалась, случалось, и алодами тамъ, гдѣ они сохранились, — алодами, происходившими не *e x t r a d i t i o n e f u n d i*. Далѣе, цензъ могъ принадлежать, по основному правилу феодальныхъ кутюмъ, только владѣльцу феода: когда кто-либо въ послѣдствіи отдавалъ свою землю другому на условіяхъ цензивы, не будучи самъ сеньеромъ, то въ такомъ случаѣ получалъ простую ренту, а не цензъ. Мало того: исторія новаго времени представляетъ немало примѣровъ наложенія ценза на земли вновь: особенно въ эту эпоху стали накладывать цензъ на пустопорожнія земли, относительно которыхъ неизвѣстно, чтобы онѣ ранѣе отдавались за уплату ценза. Мало-по-малу развилось даже особое право, *droit d'enclave*, по которому участки земли, не платившіе прежде ценза, должны были ему подчиниться въ размѣрѣ, который существовалъ на сосѣднихъ земляхъ. Цензъ былъ иногда очень невеликъ, но только въ томъ случаѣ, когда уплачивался деньгами; когда онъ вносился сеньеру натурою, онъ назывался *шампаромъ* (*с h a m p a r t, с a m p r i p a r s*) и состоялъ изъ весьма значительной части продукта. Шампная часто цензъ, онъ имѣлъ самое разнообразное происхожденіе: то сеньеръ отдавалъ землю за уплату шампара; то онъ былъ условіемъ освобожденія отъ серважа и платился по мѣсту жительства крестьянина: онъ могъ жить въ одной сеньеріи и обрабатывать шампартную землю въ другой; то, наконецъ, онъ былъ мэнмортабельнаго происхожденія и даже носилъ названіе *mainmorte*. Юристы XVIII вѣка обобщили и происхожденіе шампара, а сеньеры, получая его съ

однихъ хозяйствъ сеньерин, старались на основаніи *droit d'enslave* распространить и на другія на томъ основаніи, что прежде вся земля принадлежала имъ и они уступали ее въ цензивное владѣніе на одинаковыхъ условіяхъ. Благодаря этому, земля держалась въ крѣпостной зависимости до самой революціи, и сеньеры, не выпуская изъ своихъ рукъ разныхъ платежей, которыми она несла, находили способы ихъ увеличивать.

Однимъ изъ такихъ способовъ было объясненіе происхожденія всякаго ценза и всякаго шампара изъ земельной уступки и стоявшее съ этимъ въ связи пониманіе правила, что нѣтъ земли, надъ которой бы не было сеньера, *nulle terre sans seigneur*. Во многихъ мѣстностяхъ феодальное право запрещало существованіе алодовъ: *nus (nul)*, говоритъ Бомануаръ (XIII в.), *selonc nostre coutume ne pot (peut) pas tenir d'alueux* (алодовъ), но указанное нами правило имѣло первоначально значеніе судебное: и алоды подчинялись судебной власти сеньера—*tenir en franc aleu*, говорили юристы, *est tenir de Dieu tant seulement, fors quant à la justice*. Съ XVI в. изреченіе *nulle terre sans seigneur* стало толковаться въ томъ смыслѣ, что сеньеръ есть универсальный собственникъ и можетъ наложить цензь или шампаръ на тѣ земли, которыя ихъ прежде не платили. Здѣсь лежала возможность увеличить уже прежде существовавшіе платежи и обременить новыми податями земли, уступленныя раньше за болѣе умѣренныя повинности. Благодаря тому же обстоятельству, въ разрядъ поземельныхъ оброковъ были переведены многія чисто личныя повинности.

Мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе на *сепс*, *champart*, *nulle terre sans seigneur*, какъ на вещахъ, игравшихъ самую выдающуюся роль въ феодальномъ правѣ, особенно позднѣйшаго времени. Другія сеньерьяльныя права, наоборотъ, первенствовали въ болѣе раннюю эпоху, когда населеніе было въ крѣпостномъ состояніи; позднѣе они составляли уже исключенія. Таковы преимущественно личныя повинности крѣпостнаго и подданнаго: произвольныя и абонированныя въ извѣстномъ размѣрѣ *таля* и *барщина* (*taille, corvée à merci, à vo-*

lonté или a bonne), подымный налог (fouage), особая подать за покровительство (avoüerie, sauvegarde и т. д.), налог на скотъ (cognage, charnage и т. п.). Въ той же категоріи нужно отнести le droit de marquette или de cuissage (jus primaе noctis), пользование которымъ въ средніе вѣка не подлежитъ сомнѣнію (9): въ XVIII в. отъ этой гнусной повинности сохранился еще слѣдъ въ разныхъ поцѣлухъ, нѣжныхъ взглядахъ и т. п., которыми новобрачная поселянка должна была дарить сеньера. Но вотъ особый видъ барщины, дотянувшийся до конца феодальнаго режима: когда, напр., люксейльскій аббатъ пріѣзжалъ въ деревню Montureux въ Лотарингіи, крестьяне должны были ночью бить палками по прудамъ, чтобы кваканье лягушекъ не беспокоило аббата.

Pâ, pâ, renotte, pâ!

Veci mr. l'abbé que Dieu gâ,—

обязаны были пѣть отбывавшіе подобную странную барщину *). Item, читаемъ мы въ одномъ наивномъ документѣ болѣе поздняго времени (1507 г.), et a le seigneur droit que quand il couche et pernocte en son chasteau dudit lieu tous les subjets du Drucat sont tenus battre liaue (l'eau) estant auprez dudit chasteau pour empêcher que les raines et les grenoules lui faicent noise.

Баналитетомъ (banalité, bannum) называлось особое право сеньера, по которому крестьяне обязаны были молоть и печь свой хлѣбъ въ господской мельницѣ и печи, отвозить свой виноградъ на господское точило и, конечно, не даромъ. Въ силу того же права сеньерь опредѣлялъ время покоса, жатвы, сбора винограда; ему же принадлежало исключительное право (ban vin) первому продавать свой виноградъ, а иногда только ему могъ крестьянинъ продать свой. Еще въ XVIII в. баналитеты были весьма распространены. Въ связи съ ними стояло право исключительной рыбной ловли и охоты. Последнее право было весьма тяжело: крестья-

*) Тише, тише, лягушечки, тише, — Тутъ г. аббатъ, котораго да хранить Богъ! Pâ = paix.

нинъ не могъ истреблять дичи, портившей его посѣвы, не могъ начинать покоса, пока извѣстнаго рода птицы не выведутъ своихъ птенцовъ, долженъ былъ помогать въ сеньерьяльной охотѣ, которая нерѣдко производила опустошеніе въ его полѣ, и ради той же охоты очень часто лишался пользованія лѣсомъ, когда сеньеръ превращалъ его въ заповѣдную гаренну (*garenne*) для разведенія кроликовъ, отъ коихъ тоже немало страдала крестьянская нива. Не давали ей пощады и голуби, правомъ содержать которыхъ пользовались сеньеры (*droit de colombier*): нерѣдко въ своихъ голубятняхъ они держали массы этихъ птицъ, превосходяція всякія вѣроятія.

Послѣднія привилегіи сеньеровъ связаны были обыкновенно съ ихъ судебнымъ правомъ (*droit de justice*), которымъ они пользовались, какъ господа, по отношенію къ сервамъ, какъ феодальные сеньеры, по отношенію къ вассаламъ и, какъ государи, по отношенію къ подданнымъ. Юрисдикція сеньеровъ распространялась такимъ образомъ на все населеніе сеньеріи, на всѣхъ, *qui sont levans et couchans*, т. е. встаютъ и ложатся спать въ извѣстной территоріи. *De jure* она не была совершенно абсолютной: многія дѣла подлежали церковному суду; право смертной казни (*la haute justice*) принадлежало не всѣмъ сеньерамъ, а только крупнымъ феодаламъ, которые одни могли измѣнять и постановленія обычнаго права; въ принципѣ признавалась даже конфискація феода за жестокое и несправедливое обращеніе съ подданными, а потомъ мало-по-малу установилась и аппеляція отъ низшаго суда въ высшій. *De facto* было иначе: за извѣстную часть населенія сеньеръ никому не отвѣчалъ, кромѣ Бога, закономъ онъ стѣснялся мало, а судьи, которымъ онъ поручалъ отправленіе юстиціи, особой справедливостью не отличались: будь вассаль изъ стали, его на судѣ съѣстъ рыцарь изъ соломы, говорила средневѣковая пословица.

*Chacun à prendre s'abandonne,
Pôvre n'a droit s'il ne donne,*

говорили труверы. Расправа на такомъ судѣ была короткая,

какъ вообще, когда въ средніе вѣка встрѣчался произволь сеньера съ безотвѣтностью серва:

Un sire qui tenoit grant terres
Qui tant haïoit mortel guerre
Et totes gens de maulvèse vie
Que il leur faisoit vilenie
Et tout maintenant les pendoit.

Нѣкоторыя права юстиціи сохранялись за сеньерами въ XVIII вѣкѣ.

ГЛАВА IV.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ, ЦЕРКОВЬ И ГОРОДСКІЯ ОБЩИНЫ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ КРЕСТЬЯНАМЪ.

Гильды. Крестьянскія возстанія. Союзъ королевской власти съ деревнями. Случай съ Бьянкой Кастильской. Божій миръ. Ассоціаціи мира. Поведеніе рыцарей. Крестовые походы. Феодализмъ въ церкви. Десятина. Двойственный характеръ королевской власти. Королевскіе легисты. Отношеніе народа къ королямъ въ XIII в. Анархія въ XIII в. Освобожденіе коммунъ. Общественное неравенство въ городахъ. Приобрѣтеніе буржуазіей земель и сеньерьяльныхъ правъ въ деревняхъ. Отношеніе горожанъ къ крестьянамъ. Генеральныя штаты.

Когда въ 1789 г. приступили къ отмиѣнѣ феодальнаго режима, то сдѣлали различеніе между временемъ *de la féodalité dominante*, когда всякій недворянинъ и недуховный былъ сервомъ, и временемъ *de la féodalité contractante*, когда сеньеры начали заключать договоры уже съ освобожденными сервами. Границей между этими двумя періодами можетъ быть признанъ XIII вѣкъ. Начиная съ IX вѣка, мы постоянно читаемъ въ лѣтописяхъ жалобы на частныя войны, насилія, грабежъ земледѣльцевъ, и намъ уже извѣстно, въ какой мѣрѣ беззащитность населенія способствовала установленію власти сеньеровъ. Но крестьяне, сидѣвшіе такъ смиренно въ продолженіи всей мервингской эпохи, начинали прибѣгать въ то же время и къ самооборонѣ: съ этою цѣлью они стали заключать особые союзы, которые извѣстны подъ именемъ *conjuraciones* или *гильдъ* и которые были, такъ сказать, предюдіей коммунальнаго движенія

XI и XII вв. Капитуларіи каролингской эпохи запрещали образованіе гильдъ, хотя и признавали, что эти скопы (*collectae*) были направлены противъ грабителей, *contra illos qui aliquid garuegint*, какъ сказано въ капитуларіи 884 г. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, жизнь оказалась сильнѣе законовъ, и гильды осилены были не капитуларіями, а развитіемъ сенъерьальной власти: если въ X и XI вв. онѣ окончателно и не исчезли, то все-таки крестьянскія возстанія, бывшія во Франціи въ эту эпоху, потерпѣли пораженіе отъ сенъеровъ. Первое изъ этихъ возстаній произошло въ 997 г., въ Нормандіи, во время молодости герцога Ричарда II, когда управлялъ страной дядя его, дикій графъ Raoul d'Euеux. Дѣло въ томъ, что въ Нормандіи высшее сословіе, принадлежавшее къ другой національности, особенно обижало народъ: по словамъ Ог. Тьерри, достаточно было быть Норманномъ, чтобы имѣть право взимать подати съ горожанъ и поселянъ страны, такъ что „нормандское государственное устройство, какъ выражается Галламъ, болѣе было похоже на борьбу дикихъ звѣрей, въ которой сильнѣйшій захватываетъ лучшій кусокъ.“ Между тѣмъ крестьяне рѣшились жить по своему, говорить лѣтописецъ Вильгельмъ Жюмьежскій, — не слѣдуя установленнымъ законамъ, но по своимъ правиламъ относительно лѣсовъ и водъ. Тогда они устроили крестьянскій союзъ (*сo m m u n i o n*), уже не противъ отдѣльныхъ притѣсненій, а противъ цѣлаго феодальнаго строя и обратились за помощью къ городамъ, которые имъ однако отказали. Одинъ средневѣковой поэтъ (*Robert Wace*) такъ передаетъ намъ ропотъ поселянъ:

Nos sumes homes cum il sunt,
 Tex membres avum cum il unt,
 Et altresi ¹⁾ grands cors avum
 Et altretant ¹⁾ sofrir poum ²⁾.
 Ne nus ³⁾ faut fors cuer ⁴⁾ sulement
 Alium ⁵⁾ nūs par serment,

1) столь же. 2) pouvous. 3) nous. 4) que coeur. 5) allions.

Nos avoir ¹⁾ et nus defendum
 E tuit ensemble nus tenum.
 Es' nus voilent ²⁾ guerroier,
 Bien avum contre un chevalier
 Trente ou quarante paisanz
 Maniables ³⁾ et cumbatans.

„Мы такіе же люди, какъ и они, — говорили крестьяне, — у насъ тѣ же члены и такое же, какъ у нихъ, тѣло, и мы такъ же можемъ страдать. Намъ нужно только быть храбрыми: соединимся клятвенно, чтобы другъ другу помогать, одному другаго защищать и все имѣть сообща. А захотятъ они съ нами драться, вѣдь у насъ противъ одного рыцаря тридцать или сорокъ крестьянъ сильныхъ и умѣющихъ сражаться.“ Расчетъ однако обманулъ крестьянъ: рыцари побѣдили, и возставшіе были жестоко наказаны. Графъ евресскій не поскупился на мученія и *truncatis manibus ac pedibus inutiles suis remisit*, коротко замѣчаетъ лѣтописецъ. Поэтъ даетъ намъ знать, что дѣло не ограничивалось тѣмъ, что рубили руки и ноги:

Tos les fist tristes è dolenz
 À plusieurs fist traire les dents,
 E li altres fist espercer,
 Traire les oils, li puings couper;
 À tels i fist les guarez cuire ⁴⁾,
 Ne li chaut ki s'en muire ⁵⁾,
 Li altres fist tos vifs builir
 Et li altres en plomb builir,—

вырывали, значить, и зубы, и глаза, жарили и варили живьемъ, замучивали до смерти. Пришлось деревенщинѣ покинуть свои сходы и возвратиться къ сохамъ: *concionibus subito omissis ad aratra sunt reversi*, говоритъ лѣтописецъ. Приблизительно такая же судьба постигла бретанское возстаніе 1024 г. и бургундское 1032 г., не говоря о другихъ болѣе мелкихъ. Бромъ этихъ извѣстій

¹⁾ aidous nous. ²⁾ et s'ils nous veulent. ³⁾ vigoureux. ⁴⁾ bruler les jambes.
⁵⁾ s'il en meurt.

о вооруженныхъ сопротивленіяхъ, мы имѣемъ извѣстія и о союзахъ иного рода, когда, напр., алодіальные собственники (на югѣ) заключали между собою договоръ для противодѣйствія притязаніямъ сеньеровъ (1).

Но наконецъ наступила такая пора, когда къ крестьянамъ стали даже прибѣгать за помощью.

Въ 987 г. корона Франціи досталась одному крупному сеньеру, французскому герцогу Гуго Капету. Это былъ моментъ полнѣйшаго униженія королевской власти: первымъ королямъ изъ новой династіи отказывали въ повиновеніи не только другіе могущественные герцоги и графы, бывшіе иногда гораздо сильнѣе своего сюзерена, но и мелкіе бароны, имѣвшіе замки по близости отъ Парижа. Въ XII в. Капетинги начинаютъ однако переходить въ наступательное положеніе, объявивъ войну феодальному своеволію во имя правъ своей короны; въ борьбѣ, которая послѣдовала за переменной политики у преемниковъ Гуго Капета, на сторону королевской власти стала и церковь. При первомъ изъ королей, которые выступили на новой-пути, Людовигъ VI (XII в.) начинается союзъ правительства съ народной массой: Людовигъ во время борьбы съ непокорными вассалами, обратился къ крестьянамъ, и они составили первую независимую отъ феодальныхъ отношеній милицію, которая подъ предводительствомъ священниковъ и подъ знаменемъ короля стала ходить сражаться съ ослушниками власти (2). Помимо того, въ борьбѣ послѣдней съ феодальными сеньерами масса вообще становилась на сторону короны, не смотря на то, что часто приходилось ей разочаровываться въ своихъ упованіяхъ: короли были покровители далеко неискренніе. Но все-таки короли управляли во имя общихъ вѣрованій, не во имя частныхъ интересовъ, какъ сеньеры, и одно то, что они боролись съ феодалами, дѣлало изъ нихъ въ глазахъ массы освободителей отъ гнета и притѣсненій. То немного, что успѣла сдѣлать въ эту эпоху королевская власть для прекращенія анархіи, казалось современникамъ все же весьма значительнымъ, и лѣтописцы XII в. даже прославляли успѣхи земледѣлія и промышленности въ царствованіе Людови-

ка VII. Съ какими однако препятствіями пришлось бы бороться королевской власти, если бы она серьезно вздумала покровительствовать крестьянамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ 1253 году. Капитуль церкви Парижской Богоматери задумалъ наложить новую подать на крестьянъ своихъ деревень. Сервы одной изъ нихъ (Шатенэ) отказались платить, за что были посажены въ тѣсную тюрьму въ Парижѣ, гдѣ многіе изъ нихъ умерли отъ недостатка воздуха и отъ дурной пищи. Мать короля Людовика IX Святаго Бьянка Кастильская, узнавъ объ этомъ, послала освѣдомиться у почтенныхъ канониковъ о причинѣ такой немилости, обѣщая при этомъ заплатить за бѣдныхъ сервовъ. Каноники грубо отвѣтили, что никому нѣтъ дѣла до ихъ поступковъ, и что они вольны въ жизни и смерти своихъ людей, — и какъ бы въ доказательство этого посадили въ ту же тюрьму и женъ сервовъ съ дѣтьми. Оскорбленная королева идетъ сама къ тюрьмѣ и велитъ ломать дверь, за которою были слышны вопли, стоны и дикій ревъ. Никто не хочетъ ей повиноваться: всѣ боятся церковныхъ проклятій. Тогда сама Бьянка показываетъ примѣръ: у одного изъ слугъ вырываетъ она алебарду и ею наноситъ первый ударъ въ дверь; только послѣ поданнаго примѣра слуги королевы бросаются на дверь и начинаютъ ее ломать. Изъ душной тюрьмы вырвалось чуть не все населеніе цѣлой деревни, измученное, грязное и голодное, — вырвалось только благодаря личному вмѣшательству и энергіи королевы. —

Не одна королевская власть прибѣгала къ помощи крестьянъ, какъ это случилось при Людовикѣ VI: дѣлать это начало и духовенство. — Со страхомъ и трепетомъ ожидалъ христіанскій міръ наступленія тысячнаго года, какъ конечнаго срока существованія міра. „Вечеръ міра близокъ, читаемъ мы въ актахъ этой эпохи, каждый день навлекаетъ новыя бѣдствія, поэтому я, такой-то, отдаю въ такую-то церковь то-то и то-то.“ Бѣдствій, дѣйствительно, было много: около этого времени случились голодные годы и всякія моровыя повѣтрія. Духовенство воспользовалось вытекавшимъ отсюда настроеніемъ общества не только

для того, чтобы увеличить свои и безъ того большія владѣнія, но задумало прекратить постоянные грабежи и войны установлеиъмъ Божьяго мира (*trève de Dieu, treuga Dei*) въ дни недѣли, ознаменованные страданіями, смертью и воскресеніемъ Спасителя міра (3). На одномъ провинціальномъ соборѣ 989 г. духовенствомъ было постановлено: „аваема тому, кто грабитъ имущество бѣдныхъ: если кто завладѣетъ овцой, быкомъ, осломъ, коровой, козломъ, поросенкомъ *земледельца или другаго бѣднаго* безъ всякой вины съ его стороны и не вознаградитъ за убытокъ, то да будетъ проклятъ.“ Въ первой половинѣ XI вѣка на разныхъ соборахъ подобныя распоряженія возводятся въ цѣлую систему и даже устраиваются союзы мѣстнаго населенія съ цѣлью защиты Божьяго мира: сами феодальные бароны нанимались иногда къ этимъ союзамъ въ службу, и часто священники, стоя во главѣ такихъ ассоціацій, вооруженной рукой заставляли феодаловъ подчиняться рѣшеніямъ соборовъ. Эти союзы представляютъ изъ себя какъ-бы продолженіе древнихъ гильдъ, ставшихъ теперь подъ покровительство церкви. Въ 1179 г. папа Александръ III утвердилъ Божій миръ, какъ общій законъ церкви, но въ это время духовенство начало уже опасаться прибѣгать къ ассоціаціямъ мира, видя возможность перехода ихъ легальныхъ дѣйствій въ открытыя возстанія, которыя легко могли направиться противъ самого же духовенства. Такъ случилось, напр., съ знаменитымъ братствомъ *Agnus Dei*, основаннымъ дровосѣкомъ Петромъ Дюраномъ и утвержденнымъ въ 1183 г. епископомъ пюискимъ: къ этому братству принадлежали десятки тысячъ человекъ, и оно на время успѣло возстановить порядокъ на всемъ Югѣ, но высшее духовенство скоро отвернулось отъ него, какъ отъ опаснаго скопища, и братство, не находя поддержки у церкви, встрѣчая, наоборотъ, всякія помѣхи со стороны духовныхъ лицъ, скоро распалось на мелкія ассоціаціи, не бывшія въ состояніи выполнить задачу погибшаго союза. Въ сущности Божій миръ оставался въ эту воинственную эпоху утопией. „Миръ не для меня писанъ, поетъ трубадуръ Бертранъ де Борнъ, — мнѣ нравится только война. Я не смотрю ни на поведѣльники, ни

на среды. Для меня всё недѣли, мѣсяцы, годы, одинаково равны: во всякое время я готовъ погубить того, кто мнѣ вреденъ.“ Принадлежа сами къ сословію притѣснителей, рыцари, преслѣдовавшіе въ теоріи возвышенныя задачи защиты справедливости и помощи угнетеннымъ, были гораздо ниже своей миссіи. Вотъ какъ говоритъ о нихъ поэтъ XII в. Арманъ де Марвейль: „Назначенные единственно, чтобы держать землю въ мирѣ, подавать примѣръ справедливости, милосердія и великодушія, они такъ испорчены, что всё зависящіе отъ нихъ люди обречены на притѣсненія и рабство.“ То же было и въ XIII в., и въ XIV: у рыцарей XIV в., говоритъ Мишле, была другая миссія, нежели въ романахъ — давить слабого.

Какъ бы тамъ ни было, обращеніе къ крестьянамъ, сдѣланное королевскою властью и церковью, не могло не оживить деревенскаго люда, не могло не привести его въ движеніе. Не забудемъ, что съ этимъ временемъ совпадаетъ эпоха великаго предпріятія, соединившаго по инициативѣ церкви всё силы средне-вѣковаго міра и взволновавшаго все общество сверху до низу, эпоха крестовыхъ походовъ (1096 — 1270). Въ св. землю двинулась масса сервовъ, которымъ за богоугодный подвигъ обѣщано было царство небесное за гробомъ, а здѣсь освобожденіе изъ крѣпостнаго состоянія; на войнѣ они подвергались общей опасности съ сеньерами, и хотя въ походѣ происходили между господами и крестьянами разные раздоры, все-таки господа начинали смотрѣть на нихъ, какъ на людей; сеньерамъ, дажѣ, нужны были деньги, и они охотно продавали крестьянамъ разныя привилегіи, а безопасность оставляемыхъ дома женъ и дѣтей, кромѣ весьма понятнаго у многихъ религіознаго одушевленія, заставляла сеньеровъ и безъ того нѣсколько смягчать участь сервовъ. Такимъ образомъ и крестовые походы подняли нѣсколько крестьянина въ его собственныхъ глазахъ и внесли нѣкоторую жизнь и нѣкоторое движеніе въ мертвыя и угнетенныя дотолѣ деревни.

Въ дѣлѣ Божьяго міра и крестовыхъ походовъ первенствующая роль принадлежала церкви. Благодѣтельная дѣятельность

духовенства не кончалась на этомъ: оно вмѣшивалось нерѣдко въ частныя отношенія сеньеровъ и сервовъ, содѣйствовало облегченію участи крестьянъ, распоряжалось благотворительными заведеніями. Но это была только одна сторона дѣла: была и другая, изнанка медали (4). Значительная часть территоріи принадлежала церкви; епископы, каноники и аббаты были сеньерами, на земляхъ которыхъ крестьянамъ жилось такъ-же, какъ и на земляхъ свѣтскихъ лицъ; средневѣковые теологи не только признавали въ принципѣ рабство, но освящали еще, какъ актъ благочестія, ведущій къ спасенію, поступленіе въ число церковныхъ сервовъ, такъ что церковныя интересы вызывали не только освободительныя хартіи, но и закрѣпощенія: освобожденія, сдѣланныя церковью, наоборотъ, были очень рѣдки, и послѣдніе сервы, существовавшіе во Франціи передъ революціей, жили какъ разъ на церковныхъ земляхъ. Не въ пользу духовныхъ сеньеровъ говоритъ и то, что первыя возстанія коммунъ были направлены именно противъ нихъ, а какъ способны были обращаться епископы, аббаты, каноники съ своими сервами, мы уже видѣли изъ примѣра столкновенія парижскаго соборнаго капитула съ королевой Бьянкой; про тотъ же капитулъ намъ извѣстно, что онъ грозилъ отлученіемъ отъ церкви сборщикамъ оброковъ въ случаѣ недоимокъ. Между тѣмъ закрѣпощенія въ пользу церкви были явленіемъ весьма нерѣдкимъ: кромѣ нужды, которая вообще гнала бѣдняка въ серважъ, здѣсь оказывалъ свое вліяніе и тотъ взглядъ, по которому сдѣлаться слугою того или другаго святаго — поступокъ, угодный Богу: еще въ XIII в. Бомануаръ утверждалъ, что *grant devotion* была непослѣднимъ источникомъ полнаго рабства, *servitude de cors*.

Былъ еще одинъ пунктъ соприкосновенія духовенства съ народомъ, кромѣ феодальныхъ повинностей и платы за требы, — пунктъ, по которому народъ платилъ духовенству: это — десятина. Уже соборы VI вѣка не только приглашаютъ вѣрныхъ вносить въ церковь десятую часть своихъ доходовъ, по даже начинаютъ громить за нарушеніе этого правила. Черезъ два вѣка Карлъ Великій, желая вознаградить церковь за незадолго

передъ тѣмъ бывшую споліацію ея земель, сдѣлалъ изъ десятины гражданскій законъ, такъ что послѣ него цѣлую тысячу лѣтъ существованіе десятины охранялось и свѣтскимъ, и каноническимъ правомъ. Повинность эта была очень тяжела: она бралась рѣшительно со всего и была крайне произвольна. Изъ-за нея уже въ X в. многіе бросали обработку своей земли, а позднѣе крестьяне иногда, вмѣсто того, чтобы платить десятину съ молока сыромъ, — приходили въ церковь съ молокомъ, которое и выливали передъ алтаремъ. Недаромъ, значитъ, въ извѣстной намъ жалобѣ поселянина говорится между прочимъ:

Hélas! prélats et gens d'Église
Vous nous voyez nuds sans chemise,

и недаромъ одинъ поэтъ XIII в. утверждаетъ, что *ongues la gens vilaine n'aima clerc ni prêtre.*

Та же *complainte d'un pauvre laboureur* указываетъ на то, какъ относились современные ей крестьяне къ королевской власти, къ *très noble roy de France*:

Hélas! comment *ces tailles grans,*
Qu'avez fait, passa quinze ans,
Par chascun an trois fois ou deux,
Et des monnoyes les tombemens,
Et les griefs de vos sergens
Ont bien nos vaches et nos boeufs
Amoindri et tous nos chevaux
Tant qu'ils n'y treuvent que prendre,

Это говорилось въ началѣ XV в.: уже тогда имѣли крестьяне поводы жаловаться и на тягость налоговъ (*ces tailles grans par chascun an trois fois ou deux*), и на дурныя послѣдствія отъ ухудшенія монеты (*des monnoyes les tombemens*), и на обиды, чинимыя низшими агентами королевской администраціи (*et les griefs des sergens*), и на свое разореніе (*tant qu'ils n'y treuvent que prendre*).—Историки, слѣдившіе за возвышеніемъ королевской власти во Франціи и за благотворными слѣдствіями этого возвышенія, обращаютъ вниманіе обыкновенно только на безчестныя, безнравственныя средства, которыя пускались при этомъ

въ ходъ, едва вспоминая о томъ, что, кромѣ Франціи, какъ цѣлаго, объединеннаго королевскою властью, были еще Французы, которымъ очень недешево обошлось это объединеніе (5). „Начало это, говоритъ, напр., о королевской власти въ средневѣковой Европѣ одинъ историкъ (*), — начало это побѣдило, но дорогою заплатилось за свою побѣду: страшныхъ нравственныхъ потерь стоила человѣчеству эта побѣда. Новое начало само не вышло изъ борьбы въ здоровомъ состояніи: вся горечь борьбы на немъ отразилась. Тѣ страшныя средства, которыя употребляло оно, вредило собственной его природѣ; обоюдоостры были его удары; постоянными нравственными потерями сопровождалась его успѣхи; цѣною нравственности доставалась человѣчеству побѣда надъ старымъ порядкомъ вещей“. Короли, говоритъ однако тотъ же историкъ въ другомъ мѣстѣ, „дѣйствовали во имя общихъ народныхъ интересовъ, сражались за единство, самостоятельность своего народа, а между тѣмъ страшная необходимость заставляла ихъ выжимать до послѣдней капли всѣ лучшіе соки этого народа, за который они сражались“. Впрочемъ, пельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Гизо, что до Филиппа IV Красиваго (1285—1314) хорошая сторона въ развитіи королевской власти значительно перевѣшивала дурную. Особенно можно это сказать относительно дѣда Филиппа IV, Людовика Святаго. Правда, онъ уважалъ установленный порядокъ вещей, но понималъ его самъ идеально и хотѣлъ, чтобы и другіе такъ его понимали: въ основу феодальныхъ учрежденій онъ хотѣлъ положить идеи долга, покровительства слабымъ, патріархальнаго отношенія къ низшимъ. На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, онъ подрывалъ реальныя основы феодальнаго общества: исполнители его воли, опытные въ римскомъ правѣ законники (легисты) не отличались щепетильностью короля и имѣли свои особыя, далекія отъ феодальныхъ понятій теоріи общежитія. Они пропитаны были античными идеями и противъ феодальной независимости выставляли прин-

*) Вызинскій,

ципль абсолютной монархической власти: *quod principi placuit, legis habet vigorem*; поэтому главной ихъ заботой было уничтожить самостоятельность сеньярьяльнаго суда подчиненіемъ всѣхъ суду королевскому. Власть феодальныхъ бароновъ въ глазахъ легистовъ была узурпаціей королевской, и, — что для насъ особенно важно, — въ римскомъ правѣ они искали идеи свободы, а не порабощенія, какъ позднѣе дѣлали это нѣмецкіе юристы въ эпоху рецепціи римскаго права. У легистовъ XIII вѣка не было теоретической санкціи рабства: въ немъ видѣли они результатъ насилія, въ лучшемъ случаѣ частной сдѣлки, выраженной Бомануаромъ въ формулѣ: вы мнѣ дадите столько-то и я стану вашимъ сервомъ, *vos me donnez tant et je devinrai vostre hons de cors*. „Большую милостыню оказываютъ господа, освобождая сервовъ изъ рабства, говоритъ, напр., Бомануаръ, ибо великое зло, когда христіанинъ находится въ рабствѣ, *câr c'est grand maus quant uns crestiens est de serve condition*.“ Поэтому въ спорныхъ случаяхъ легисты почти всегда подѣскивали юридическія основанія въ пользу свободы человѣка. Идеи легистовъ не пропадали даромъ: „сервы, говорилъ Людовикъ Св., принадлежать столько же Иисусу Христу, сколько намъ, и въ христіанскомъ королевствѣ мы не должны забывать, что они намъ братья,“ — и король отпускалъ многихъ на волю. Далѣе, цѣлыя выраженія, заимствованныя у легистовъ, встрѣчаемъ мы въ отпускныхъ грамотахъ XIII и XIV вѣковъ.

Людовикъ Св. возвысилъ королевскую власть нравственно въ глазахъ современниковъ: при немъ *lex* и *rex*, *loi* и *roi* сдѣлались синонимами. Да и вообще весь XIII вѣкъ представляетъ изъ себя эпоху наибольшаго упованія народа на новую силу. Всѣ событія, приносящія коронѣ выгоду или ее интересовавшія, были предметомъ народныхъ овацій: битва при Бовинцѣ, доставившая Филиппу Августу побѣду надъ непокорнымъ вассаломъ, герцогомъ нормандскимъ, бывшимъ въ то же время королемъ Англій *), коронація Людовика VIII и т. п. были празд-

*) Иоаннъ Безземельный.

нуемы во всей Франціи, какъ событія въ высшей степени радостныя (6). Наоборотъ, извѣстіе о плѣнѣ Людовика Св. во время его перваго крестоваго похода опечалило народъ и вызвало страшное броженіе среди низшихъ классовъ съ характеромъ соціально-религіознымъ: тогда возстали такъ называемые паствушки (*les pastoureaux*), негодовавшіе и на медленность, съ которою дворянство собиралось идти освободить короля, и на жадность духовенства, не желавшаго дать денегъ на его выкупъ. На сторону *pastoureaux* стали на этотъ разъ мать короля Бьянка Кастильская и горожане Парижа, Орлеана, Этампа, но лишь только *pastoureaux* начали совершать разнаго рода насилія надъ духовными, дворянами и купцами, Бьянка испугалась этого народнаго движенія. Часть примкнувшихъ къ нему отправилась на помощь къ королю, другая должна была покориться своей прежней долѣ: духовенство, выдерживавшее эту борьбу, въ слѣдующемъ же году показало свою силу на сервахъ Шатенэ, — случай, о которомъ упомянуто было выше.

Не смотря на всѣ мѣры, которыя предпринималъ Людовикъ Св. для поддержанія мира внутри Франціи, феодальныя усобицы продолжали свирѣпствовать и въ его царствованіе. Война была обычнымъ явленіемъ XII и XIII вѣковъ, и свои не задумывались разорять своихъ же. Когда, наприм., Генрихъ II англійскій медлилъ принести Филиппу II Августу вассальную присягу по провинціямъ, которыя имѣлъ во Франціи, то началась война: Филиппъ Августъ пошелъ на Берри, „разоряя и опустошая страну.“ Чего стоила, далѣе, одна альбигойская война, уничтожившая богатую цивилизацію Юга, разгромившая не только тамошнія города, но и села, хотя *li villan della terra* принимали участіе въ битвахъ очень рѣдко, — наконецъ, подчинившая болѣе свободный югъ сѣверу съ его суровыми феодальными порядками!

Въ XIII вѣгу вмѣстѣ съ королевской властью выросла еще одна сила, съ которою пришлось считаться крестьянамъ. Эта сила — города съ ихъ свободнымъ и независимымъ населеніемъ, а которые крестьяне также имѣли поводы жаловаться въ своей

complainte начала XV вѣка *). Мы и рассмотримъ теперь вкратцѣ исторію отношеній между городами и деревнями до начала XIV вѣка, когда первые получили даже право участвовать въ національномъ представительствѣ (7).

Во время полнаго господства феодальной системы города, подобно деревнямъ, попали въ подданство разныхъ графовъ, бароновъ, епископовъ, которые низвели населеніе ихъ чуть не на степень своихъ крѣпостныхъ. Въ XI вѣкѣ жители многихъ городовъ берутся за оружіе, чтобы завоевать себѣ свободу, чисто матеріальную свободу уходить и приходиться, продавать и покупать, быть у себя дома хозяиномъ и оставлять наслѣдство своимъ дѣтямъ, — и ведутъ они эту борьбу не противъ королевской власти, а противъ бароновъ и духовныхъ господъ, во власти которыхъ была большая часть городовъ и бурговъ. Часто дѣло шло только о самыхъ элементарныхъ принципахъ, подобныхъ слѣдующимъ: каждая услуга требуетъ платы; никто ни у кого не имѣетъ права брать предметовъ потребленія безъ соотвѣтственнаго вознагражденія и безъ согласія, какъ продавца, такъ и покупателя: „подобныя правила, замѣчаетъ Прудонъ, въ XII в. христіанской эры были мятежными, революціонными.“ Въ самомъ дѣлѣ, наприм., въ первой статьѣ уступогъ, сдѣланныхъ бургундскимъ герцогомъ Стефаномъ II жителямъ города Аишоппе сказано, что онъ, герцогъ, долженъ платить за все, что возьметъ

*) *Hélas! bourgeois qui de noz rentes,
De noz labeurs et de noz plantes
Avez vescu au temps passé,
Vous voyez nos chieres dolentes
Et les poux qui nous chéent les tempes,
De languer et de povreté...
Mains jours nous avez abuzé
Et recuillis en vostre hostel
Quand voz rentes nous doubloient;
Mais, quan-i vous nous voyez en debte
Et que n'avons ne vin ne bled,
Plus ne faictes compte de nous;
Pour ce souvent nous faictes-vous
Braire et crier haut et bas:
Que fer ons nous chétifs, hélas!*

на огородахъ для своей кухни и для своихъ лошадей. Подобный характеръ имѣеть и 17 статья знаменитыхъ *Customes de Lorris en Gatinais*. Съ цѣлью добиться такой свободы, горожане начали составлять коммуны. Коммуна, говорить въ XII вѣкѣ Гибертъ Ножантскій, есть новое и ненавистное слово (*resimium novum*) и вотъ что оно значить: люди, обязанные платить талию, только разъ въ годъ платятъ сеньеру то, что обязаны платить. Если они совершаютъ какое-либо преступленіе, то освобождаются отъ наказанія за законно опредѣленный штрафъ, а что касается до поборовъ, которымъ обыкновенно подлежатъ сервы, то эти люди совсѣмъ отъ нихъ избавлены.“ Духовенство особенно ненавидѣло такія поштыки горожанъ ограничить и опредѣлить сеньерьальныя права и добиться нѣкоторой самостоятельности. Тотъ же авторъ, который аттестовалъ коммуны съ такой дурной стороны, рассказываетъ, напр., о проповѣди архіепископа реймскаго „противъ этихъ презрѣнныхъ коммунъ, въ которыхъ сервы вопреки всякому праву и справедливости вырываются изъ подъ власти сеньеровъ.“ При неуступчивости сеньеровъ борьба должна была выступить на путь революціонный и сдѣлаться весьма упорной: наприм., городъ Ланъ (Laon) боролся съ своимъ епископомъ въ продолженіи 19 лѣтъ. Неравны были при этомъ силы враговъ: противъ смѣлыхъ буржуа были и цѣлый строй общественныхъ отношеній, освященныхъ вѣковыми преданіями, и военная сила, и огромное поземельное богатство, и взаимная помощь феодаловъ, часто даже цѣлая система церковнаго строя, духовное оружіе отлученій и интердиктовъ и всесильное слово папы, если сеньерь, противъ котораго возмущались, былъ духовной особой. Горожане искали помощи у короля, который за деньги готовъ былъ сначала всегда утвердить коммунальную хартію, но если только не былъ въ союзѣ съ сеньеромъ и не получалъ отъ него большей суммы денегъ за отмѣну коммуны. Первые отношенія королевской власти къ коммунамъ были вообще безцѣльны и несистематичны: Людовикъ VI наприм., воевалъ съ жителями Лана и призваннымъ ими Өомою Марнскимъ, отъ котораго въ то же время защищалъ общину въ

Амьенъ. Только позднѣе короли увидѣли, что въ оказаніи поддержки коммунамъ заключается средство ослабить феодаловъ и стали все чаще и чаще утверждать общинныя грамоты „по причинѣ страшнаго притѣсненія (pro nimia oppressione) бѣднаго народа“ (въ Мантѣ), „по причинѣ грабительства духовенства“ (propter enormitates clericorum — въ Компьенѣ), „по причинѣ несправедливостей и злоупотребленій со стороны сеньеровъ по отношенію къ горожанамъ“ (propter injurias et molestias a potentibus terrae frequenter illatas — въ Аббевиллѣ и Дурланѣ) и т. д. Многія общины съ гражданскими правами получили и политическія, организовавшись совершенно пореспублкански, но особенно интересно для насъ должна быть грамота, данная Людовикомъ Толстымъ королевскому бургу *Lorris en Gatinais*. Политическихъ правъ, которыя превратили бы этотъ городокъ въ республику, какъ это случалось съ другими городами, грамота ему не давала; она имѣла характеръ исключительно гражданскій и вслѣдствіе этого стала мало-по-малу распространяться и на другіе города, такъ что ею начало опредѣляться положеніе ротюрье-ровъ въ цѣлыхъ провинціяхъ: въ XVII в. ея кутюма распространялась почти на 300 городковъ. Эта хартія обезпечивала именно за буржуа спокойное пользованіе своимъ имуществомъ, жилищемъ, личною свободою, а также и лучшею администраціей. Всякій слѣдъ *mainmorte* и *droit de poursuite* исчезъ. Натуральныя повинности ограничены двумя въ годъ поѣздками въ Орлеанъ для продажи королевскаго вина и привозкою дровъ на королевскую кухню. Банальныя права сведены на запрещеніе продавать вино, пока король не продастъ своего. *Droit de guet* (обязанность охранять сеньерьяльный замокъ) уничтоженъ, а въ случаѣ войны буржуа *Lorris* тогда лишь обязанъ былъ идти въ походъ, если экспедиція отдаляла его не болѣе, какъ на одинъ день пути отъ дома. Всѣ чрезвычайныя поборы были отмѣнены, и горожанинъ платилъ лишь шесть денье въ годъ съ дома или арпана земли и мѣру ржи во время жатвы съ каждой сохи въ пользу сержантовъ. Нѣкоторые штрафы были уменьшены въ 12 разъ. Вообще это была эпоха полной отмѣны серважа

въ городахъ (наприм. въ Ланѣ въ 1128 году, въ Орлеанѣ въ 1147 г., въ Tournaи въ 1171 г.). Словомъ, результатомъ освобожденія городскихъ общинъ (обходя возникновеніе коммунъ съ политическими правами) было уничтоженіе серважа и сеньерьяльнаго произвола въ городахъ. Среди феодальнаго міра здѣсь впервые возникла гражданская свобода новаго общества, и уже въ XII вѣкѣ исчезли такія феодальныя права, отмѣна которыхъ для деревень произошла только въ 1789—93 годахъ. Поэтому Мауреръ справедливо называетъ средневѣковые города *die Verläufer der neuen Zeit*.

Впрочемъ, французскія коммуны не были полнымъ осуществленіемъ демократіи: вопервыхъ, внутри городовъ не было равенства съ самаго начала ихъ освобожденія (8); вовторыхъ, города представляли изъ себя „нѣчто въ родѣ дворянства въ сравненіи съ деревнями,“ какъ выражается Мишле. Правда, французскія коммуны были демократичнѣе итальянскихъ и въ самой Франціи сѣверныя демократичнѣе южныхъ; но вообще только для феодальной аристократіи даже такія городовыя республики, какъ итальянскія, казались черезъ-чуръ демократичными: извѣстна, наприм., жалоба Оттона Фрейзингенскаго (XII в.) на то, что въ итальянскихъ городахъ люди самаго низкаго происхожденія, которыхъ остальные народы, какъ чумы, не допускаютъ до свободныхъ и благородныхъ занятій (*quos caeterae gentes ab honestioribus et liberalioribus studiis tamquam pestem propellunt*), могутъ достигать высокаго почета. Во всякомъ случаѣ коммунальная революція была дѣломъ болѣе зажиточной части городского населенія, къ которой мало-по-малу и начинается исключительно приурочиваться терминъ *bourgeois*. Поэтому уже въ самыхъ старыхъ памятникахъ, относящихся до исторіи городовъ, мы находимъ дѣленіе населенія ихъ на свободныхъ, купцовъ, добрыхъ людей (*ingenui, mercatores et boni homines*), съ одной стороны, и на народъ или чернь (*populus, plebs*), съ другой. Мало того: къ нѣкоторымъ городамъ, добившимся политическихъ правъ, перешли многія сеньерьяльныя права надъ окрестнымъ деревенскимъ населеніемъ, которое теперь такимъ

образомъ могло очутиться подчасъ въ подданствѣ и у коммуны. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ богатѣла городская буржуазія, она начинала мало-по-малу переносить дѣятельность свою и въ деревни, гдѣ нерѣдко покупала цѣлыя подфеоды (*retrofeoda, arrière-fiefs*, т. е. такіе, которые вассалами отдавались подвассаламъ) или брать на откупъ феодальныя права какой-либо сеньеріи, вслѣдствіе чего и такимъ путемъ у крестьянъ явились новые господа неблагогороднаго происхожденія.

Съ другой стороны, горожане, бывшіе только вчера чуть не сервами, освободившись отъ произвольной власти сеньеровъ и даже достигши независимости, совершенно почти отвернулись отъ деревень. Вообще мы замѣчаемъ нѣкоторый антагонизмъ между ними (9). Еще въ 997 году крестьянская *communion* въ Нормандіи просила помощи у жителей городовъ, но получила отказъ: то же случилось и впослѣдствіи. Дѣло не ограничивалось этимъ: воюя съ феодалами, города нерѣдко опустошали деревни своихъ непріятелей, вовсе и не думая о союзѣ съ ихъ крестьянами. Равнымъ образомъ и сеньеры старались разъединять горожанъ и поселянъ, внося въ грамоты, которыми утверждалось освобожденіе первыхъ, особые параграфы въ родѣ того, что коммуна не должна вмѣшиваться въ дѣла сеньеровъ, не должна включатьъ въ себя внѣшнія селенія (*villas extrinsecas*), не должна принимать къ себѣ сервовъ дворянства и духовенства безъ согласія ихъ господъ; нѣкоторые города, особенно на югѣ пользовались, впрочемъ, правомъ, по которому бѣглеы крѣпостные, проживши тамъ годъ съ днемъ, получали свободу, тогда какъ въ другихъ (напр., въ Ланъ) могли еще существовать сервы, хотя и въ видѣ исключенія. Этотъ отказъ коммуна въ правѣ принимать къ себѣ сервовъ шелъ не всегда со стороны сеньеровъ,—часто грамоту утверждалъ король, который нуждался въ сеньерахъ, такъ какъ они составляли его главную военную силу, и потому включалъ такое запрещеніе въ грамоту, но иногда и сами горожане стояли за это условіе, не желая имѣть ничего общаго съ деревенщиной. Это пренебреженіе къ крестьянамъ со стороны новорожденной буржуазіи часто бросается

намъ въ глаза. „Сервъ“ было самое бранное слово у горожанъ Амьена. Или, наприм., жители Реймса, которые должны были нанимать у архіепископа разныя угодыя, просили его, получая деньги, дѣлать огорожку, что деньги эти ему даются не какъ рабская повинность, а просто по ихъ самихъ, горожанъ, щедрости: такъ не хотѣли они хоть чѣмъ-нибудь походить на окрестное полубрабское населеніе деревень.

Немудрено поэтому, что съ освобожденіемъ городовъ могли начаться притѣсненія крестьянъ и съ этой стороны. Поселянину, явившемуся въ городъ на рынокъ, чинили здѣсь иногда всякія обиды и отпускали его только за выкупъ. Въ войнахъ съ баронами и епископами города прежде всего опустошали деревни непріятеля, такъ какъ онѣ, не имѣя укрѣпленій, представляли самыя удобныя мѣста для нападенія. Въ Лионѣ, наприм., шла постоянная борьба горожанъ съ капитуломъ, и горожане устроили на рѣкѣ цѣлую флотилію, специальной задачей которой было опустошать земли канониковъ, грабить ихъ крестьянъ, сжигать ихъ деревни. Свои враждебныя отношенія къ господамъ буржуа распространяли и на ихъ людей: такъ въ Реймсѣ никто изъ жителей города не могъ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ людьми канониковъ. Случалось даже, что насилія въ родѣ лионскихъ были нѣкоторымъ образомъ узаконены. Такъ въ хартии города Бовэ мы читаемъ слѣдующія строки, которыя воспроизводятся иногда и въ другихъ: „если виновный противъ члена коммуны спрячется въ какомъ-нибудь замкѣ, мэръ и цѣры должны обратиться къ господину замка или его представителю, и если на ихъ заявленіе оказано будетъ удовлетвореніе, то этого достаточно; но если сеньерь откажетъ въ удовлетвореніи, *то они сами взыщутъ на его имѣніяхъ и его людяхъ*. Если кто-либо, читаемъ мы еще, похититъ деньги у члена коммуны и убѣжитъ въ укрѣпленный замокъ, то онъ будетъ наказанъ, буде отыщется, или же *будутъ наказаны люди господина замка*, если, по крайней мѣрѣ, деньги не будутъ возвращены.“ Это не оставалось мертвой буквой: „кто можетъ, писалъ, наприм., однажды шартрскій епископъ Ивонъ къ брессскому епископу, — кто мо-

жетъ безъ слезъ читать разсказъ о вашемъ изгнаніи, о притѣсненіяхъ, которымъ вы подвергались отъ горожанъ, о грабежѣ вашихъ домовъ и *разореніи вашихъ земель?*“ Иногда короли находили здѣсь претекстъ для уничтоженія коммунальных хартій,—въ этихъ притѣсненіяхъ, которымъ горожане подвергали крестьянъ. Въ ордоннансѣ Филлипа Августа (1199 г.), уничтожавшемъ коммуну въ Этампѣ, сказано, на примѣръ: „да будетъ вѣдомо всѣмъ и на будущее время, что, принимая во вниманіе обиды, притѣсненія и насилія, которыя коммуна въ Этампѣ чинила надъ церквами или *ихъ владѣніями* и рыцарями или *ихъ владѣніями*, мы уничтожаемъ эту коммуну.“ Вотъ почему нѣкоторые писатели имѣли извѣстное право произнести строгій приговоръ надъ освободившимися городскими общинами, какъ надъ мѣстами, изъ которыхъ вышла новая аристократія, сѣвшая всею своею тяжестью на народъ (10).

Въ началѣ XIV вѣка является наконецъ новый пунктъ различія между городами и деревнями. Еще въ XII вѣкѣ короли и феодалыне владѣльцы стали призывать представителей городовъ въ свои совѣты наряду съ духовными лицами и дворянствомъ своихъ владѣній. Это участіе городовъ въ представительствѣ отъ всей Франціи дѣлается постояннымъ и правильнымъ съ 1302 г., когда Филиппъ IV впервые собралъ такъ называемые Генеральныя штаты (*États généraux*), въ которыхъ рядомъ съ прелатами и феодалными владѣльцами явился и „третій штатъ, третье сословіе“, названный такъ (*tertius status, tiers état*), впрочемъ, позднѣе. Это третье сословіе въ собраніи государственныхъ чиновъ около двухсотъ лѣтъ состояло изъ однихъ горожанъ, ибо только около 1500 г. получили сюда доступъ и выборные отъ деревень да и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Понятно, что города воспользовались этимъ правомъ для заявленія правительству о своихъ нуждахъ и для полученія разныхъ привилегій: нужды крестьянъ буквально забывались на Генеральныхъ штатахъ, которые, кромѣ того, всегда имѣли тенденцію сваливать всю массу налоговъ на деревенскій людъ. То же можно сказать и о собраніяхъ чиновъ, существовавшихъ

въ отдѣльныхъ провинціяхъ, о такъ называемыхъ провинціаль-
ныхъ штатахъ, въ которыхъ даже въ XVIII в. не было предста-
вителей сельскаго населенія.

Мы довели такимъ образомъ нашъ очеркъ исторіи француз-
скаго крестьянина до начала XIV в., когда призывомъ горожанъ
въ Генеральныя штаты была положена новая черта различія ме-
жду буржуазіей и деревенщиной. Около того же времени было
провозглашено съ высоты трона, что свобода есть естественное
право и что въ королевствѣ Франковъ всѣ должны быть свобод-
ны (*francs*), дабы *la chose en vérité soit accordant au nom*. Теперь
мы и перейдемъ къ очерку освобожденія деревень отъ того фео-
дальнаго гнета, который тяготѣлъ надъ ними въ самыя мрачныя
времена средневѣковья.

ГЛАВА V.

ЭПОХА ОСВОБОЖДЕНІЯ ДЕРЕВЕНЬ.

Движеніе въ деревняхъ въ XI—XIII вв. Объявленіе рабства незаконнымъ. Экономическія соображенія сеньеровъ. Новыя льготныя поселенія. Суммарныя освобожденія сервовъ въ XII, XIII и началѣ XIV в. Ордоннансъ Людовика X. Разборъ этого документа. Бессиліе королевской власти. Условія освобожденія. Общій характеръ мѣры Людовика X. Сущность освобожденныхъ въ XIII и слѣд. вѣкахъ. Равнообразіе въ положеніи освобожденныхъ крестьянъ. Первые признаки экономического раздѣленія въ земледѣльческомъ сословіи. Неблагопріятныя условія, замедлявшія освобожденіе деревень. Общій характеръ исторіи XIV вѣка. Жакерія.

Мы уже видѣли, что въ XI вѣкѣ въ деревняхъ начинается обнаруживаться нѣкоторое движеніе, явно стремившееся къ ослабленію феодальнаго гнета: за норманнскимъ возстаніемъ 997 года слѣдовали возмущенія въ Бретани (1024 г.) и Бургундіи (1032); въ томъ же XI вѣкѣ совершается установленіе Божьяго мира, для защиты котораго возникаютъ особые союзы; въ концѣ столѣтія начинаются крестовые походы, въ коихъ, кромѣ благородныхъ, принимаютъ участіе и вилланы и во время которыхъ сеньеры должны были отчасти измѣнить свои отношенія къ сервамъ. Слѣдующій, XII вѣкъ ознаменованъ возвышеніемъ королевской власти и освобожденіемъ городовъ: подъ знаменами короля противъ феодаловъ ходятъ иногда крестьяне, а за городами, добывавшимися лучшей доли, должны были потянуться и деревни. Въ XIII, на конецъ, вѣкъ заговорили легисты о прирожденной че-

ловѣку свободѣ, и все чаще сдѣлались отпущенія сервовъ на волю.

Вліяніе коммунальной революціи на деревни несомнѣнно, хотя доселѣ почти не изслѣдовано (1). Указывая на его существованіе, мы должны отмѣтить его, какъ одинъ изъ величайшихъ фактовъ европейской исторіи. „Однимъ изъ характеристическихъ признаковъ древней цивилизаціи, говоритъ Гизо, было то, что тогда освобождались только индивидуумы, но масса рабовъ оставалась всегда въ прежнемъ положеніи, всегда находилась на степени соціального ничтожества. Въ новой Европѣ соціальныя условія пребывали въ постоянномъ движеніи; громадныя массы народа впали въ рабство, другія изъ него вышли; эта подвижность свободы и рабства была новымъ и важнымъ фактомъ въ исторіи цивилизаціи.“ Не смотря на то, что это движеніе не было бесплоднымъ для деревень, результаты его однако далеко отстали отъ результатовъ революціи городскихъ коммуналь: въ то время, какъ эти послѣднія не только освобождались отъ крѣпостной зависимости, но и приобрѣтали часто политическія права на своихъ территоріяхъ, деревни лишь слегка стряхнули съ себя феодальный гнетъ. Далеко не всѣ деревни получили льготныя грамоты, и далеко не во всѣхъ такихъ грамотахъ мы находимъ статьи, отмѣняющія крѣпостное состояніе, такъ что серважъ внѣ городовъ нѣсколькими столѣтіями долженъ былъ пережить полное исчезновеніе свое внутри городовъ. Равнымъ образомъ сельское землевладѣніе до самой революціи продолжало находиться въ феодальной зависимости, тогда какъ города мало-по-малу и въ этомъ отношеніи сьумѣли освободить себя отъ сеньерьяльной власти.

Наверху общества также произошла маленькая перемѣна во взглядахъ на серважъ. Легисты были самыми выдающимися представителями освободительной тенденціи, но и нелегисты говорили уже въ томъ же духѣ (2). „По естественному праву, пишетъ въ XIII вѣкѣ Бомануаръ, во Франціи всякій свободенъ — *selon le droit naturel chascun est franc en France.*“ Во второй половинѣ XII вѣка папа Александръ III объявилъ отъ лица лате-

ранскаго собора, что всё христіане должны быть изъяты отъ всякаго рабства, а полвѣка спустя другой папа провозглашалъ, что только неразуміе людское (*humana imprudentia*) сдѣлало неравными тѣхъ, кого сравнивалъ самъ Богъ. Подъ влияніемъ подобныхъ идей отпущенія сервовъ на волю начались довольно рано. Именно въ эпоху ожиданія кончины міра бароны охотно давали свободу своимъ сервамъ (очень, впрочемъ, немногимъ), и въ такихъ случаяхъ въ своихъ отпускныхъ грамотахъ особенно часто разсуждали, что „рабство противно христіанской свободѣ.“ Въ 1311 году Филиппъ Красивый, освобождая за деньги сервовъ Валуа, писалъ какъ-бы подъ диктовку легистовъ, что „всякое человѣческое существо, созданное по образу нашего Господа, должно быть свободно по естественному праву.“—Но сеньеры пришли, помимо этого, и къ тому заключенію, что освобожденіе сервовъ представляетъ нѣкоторыя выгоды. Наприм., арх. Безансонскій въ одной грамотѣ 1347 году мотивировалъ отпущеніе своихъ сервовъ на волю тѣмъ, что „мэнмортабли работаютъ нерадиво, говоря, что они работаютъ для другаго,—будь они увѣрены, что они кое-что оставятъ своимъ роднымъ, они трудились бы и приобрѣтали бы съ ббльшею охотою.“ Подобныя разсужденія мы встрѣчаемъ и въ другихъ грамотахъ. И того не нужно забывать, что отпущеніе на волю производилось за выкупъ или съ превращеніемъ уничтожаемыхъ правъ господина надъ сервомъ на новыя оброки. Сеньеры и не думаютъ ничего скрывать: они очень даже наивно признаются въ своихъ побужденіяхъ: я взялъ, гласитъ грамота одного сеньера, за это отпущеніе и за эту свободу столько-то денегъ, *которыя и обратилъ въ свою пользу* (*et pro hac manumissione et franchesia habui et recepi octodecim libras vienensium bonorum, quas in utilitatem meam et commodum meum posui*); мы дали эту свободу, говорится въ другой грамотѣ, *ради нашей выгоды* (*pro nostre proffit*). Такъ какъ, кромѣ того, сеньерамъ бросается въ глаза (особенно въ XIV* и XV* вв.), что самыми бѣдными и малонаселенными мѣстностями являются тѣ, которыя подчинены *мэнморту*, то они начинаютъ замѣнять послѣдній *виленажемъ*. Далѣе, со времени освобожденія ком-

мунъ, когда броженіе проникло и въ деревни, крестьяне массами стали уходить въ города, и вотъ чтобы удерживать ихъ на старыхъ мѣстахъ и привлекать къ себѣ новыхъ переселенцевъ, короли и сеньеры стали основывать новыя поселенія съ разными льготами для ихъ будущихъ жителей и облегчать положеніе старыхъ деревень. Наприм., Людовикъ VII положилъ начало нѣсколькимъ городамъ, вслѣдствіе чего „лишилъ, по словамъ одного современника, многія церкви и рыцарей ихъ собственныхъ людей, сбѣгавшихся въ эти города.“ Подобнымъ образомъ графъ шампанскій Генрихъ населилъ около 1175 г. новый городъ (*ma ville neuve*, сказано въ грамотѣ) около Pont-sur-Seine. Въ 1144 году графъ тулузскій сманиваетъ къ себѣ крестьянъ аббатства Montauriol, обѣщая имъ свое покровительство и право „дѣлать завѣщанія и другія посмертныя распоряженія.“

Все вмѣстѣ взятое,—крестовые походы и освобожденіе коммунъ, возвышеніе королевской власти и броженіе въ деревняхъ, отвлеченная теорія легистовъ и хозяйственныя соображенія сеньеровъ, — все это одинаково способствовало тому, что сеньеры стали отпускать своихъ сервовъ на волю цѣлыми деревнями и заключать съ ними новые договоры (3). Королевская власть шла въ этомъ отношеніи впереди духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ: значеніе ея все болѣе и болѣе начинало покоиться на иныхъ основахъ, нежели феодальное землевладѣніе съ крѣпостнымъ населеніемъ; короли мало-по-малу либо обогащаются настолько, либо настолько находятъ новыхъ источниковъ доходовъ, что не нуждаются болѣе въ строгомъ примѣненіи правъ своихъ надъ сервами; наконецъ, политикой королей все-таки руководила извѣстная тенденція, въ образованіи которой участвовали, какъ мы видѣли, и легисты. Въ 1125 г. аббатъ Сугерій, сподвижникъ Людовиковъ VI и VII, освободилъ людей аббатства С. Дени; въ 1180 г. Людовикъ VII далъ отпускную грамоту сервамъ (*hommes-de corps*), жившимъ около Орлеана; въ 1196 году Филиппъ Августъ освободилъ крестьянъ одной своей деревни, а 1208 тотъ же король отпустилъ на волю такъ называемыхъ *servi forenses*, представлявшихъ изъ себя нѣчто въ родѣ ан-

тичныхъ рабовъ, вскорѣ послѣ чего (1212) послѣдовала эманципация жителей Beaumont-sur-Oise и Chambly; Людовикъ VIII прекратилъ серважъ на земляхъ феода Этампа; въ 1246 г. Людовикъ Святой сдѣлалъ то же по отношенію въ Вильневу; Филиппъ III и Филиппъ IV освободили отъ *servage de corps* всѣхъ, находившихся въ этомъ положеніи въ королевскихъ доменахъ сенешальства Тулузы и Альби (1298), — и дали свободу сервамъ Валуа (1311). Но съ XIII вѣка и многіе сеньеры поступали также *).

Наконецъ въ 1315 г. Людовикъ X издалъ знаменитый ордоннансъ, который такъ часто приводился историками и такъ часто ими комментировался, причемъ нѣкоторые писали ему даже панегирики. Вотъ этотъ ордоннансъ цѣликомъ:

„Людовикъ, милостію божіею король Франціи и Наварры, нашимъ возлюбленнымъ и вѣрнымъ *mestre Saince de Beaumont* и *mestre Nicole de Braue* привѣтъ и любовь.

„Такъ какъ *по естественному праву каждый долженъ родиться свободнымъ* (*selon le droit de nature chacun doit nestre franc*), а по нѣкоторымъ обычаямъ и кутюмамъ, которые съ самыхъ древнихъ временъ были введены и доселѣ сохранялись въ нашемъ королевствѣ, и случайно за проступки предковъ великое множество нашего простаго народа впало въ рабство и разныя несвободныя состоянія, что намъ весьма не нравится, — мы, принимая во вниманіе, что наше королевство названо королевствомъ Франковъ, и желая, чтобы *вещь дѣйствительно соответствовала названію* и чтобы *положеніе народа было исправлено нами съ началамъ нашего новаго царствованія* (*et que la condition des gens amende de nous en la venue de nostre nouvel gouvernement*), по совѣщаніи съ нашимъ великимъ совѣтомъ, повелѣли и повелѣваемъ, чтобы по всему нашему королевству и повсюду, гдѣ можетъ распространиться власть наша и нашихъ преемниковъ,

*) Сеньерь до Монтаги 1224 г., Генрихъ II брабантскій 1247, Гильомъ де С. Дени 1248, Тома де С. Жермень-де-Пре 1250, капитулъ Notre Dame de Paris 1258 г. и т. д.

такія рабскія состоянія были замѣнены свободой (telles servitudes soient ramenées à franchise), и чтобы тѣмъ, которые по происхожденію или по давности, либо вновь по формарьяжу или пребыванію на рабской землѣ впади или могли бы впасть въ состояніе сервовъ, была дана свобода на хорошихъ и приличныхъ условіяхъ (franchise soit donnée à bonnes et louables conditions). Ради этого и въ частности ради того, чтобы не обижали нашего простаго народа и не приносили ему убытка сборщики, сержанты и другіе служащіе, которые прежде посылались къ нему въ случаяхъ *мэнморта* или *формарьяжа*, какъ это было доселѣ, что намъ весьма не нравится, — а также ради того, чтобы другіе сеньеры, владѣющіе сервами (*hommes de corps*) взяли примѣръ съ насъ въ возвращеніи имъ свободы, мы, надѣясь вполне на ваше доброе расположеніе, вамъ поручаемъ и приказываемъ этой грамотой отправиться въ *la baillie de Senlis* и ея вѣдомство и во всѣ мѣста, города, общины и къ отдѣльнымъ лицамъ, которые будутъ требовать у васъ вышесказанной свободы, условливайтесь и договаривайтесь съ ними *относительно выкуповъ, посредствомъ которыхъ мы были бы достаточно вознаграждены (suffisante récompensation nous soit faite) за тѣ выгоды, которыя эти рабскія состоянія могли бы доставить намъ и преемникамъ нашимъ,* и давайте имъ, насколько касается насъ и преемниковъ нашихъ, общую и постоянную свободу и по вышеуказанному правилу и такъ, какъ подробнѣе мы вамъ говорили, объясняли и поручали словесно. И мы торжественно обѣщаемъ за себя и своихъ наслѣдниковъ, что мы подтвердимъ и одобримъ, соблюдемъ и прикажемъ соблюдать и охранять все, что вы сдѣлаете и дадите въ этомъ отношеніи, и что всѣ документы, которые вы выдадите на наши трактаты, выкупы и согласія на свободу городамъ, общинамъ, имѣніямъ или отдѣльнымъ лицамъ, мы благосклонно будемъ принимать отнынѣ, какъ право, а имъ станемъ выдавать на него грамоты, всякій разъ, какъ насъ о томъ будутъ просить. И мы приказываемъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, касающихся этого дѣла, всѣ наши судьи и подданные слушались васъ и повиновались вамъ безпрекословно.

Данъ въ Парижѣ 3 іюля 1315 года по Р. Х.“

Разсмотримъ документъ этотъ подробнѣе.

Первое, на что мы должны обратить вниманіе, это то, что король только приглашаетъ другихъ сеньеровъ, владѣющихъ сервами, послѣдовать его примѣру. Причина этого въ томъ, что въ началѣ XIV вѣка королевская власть еще не имѣла права издавать законовъ во владѣніяхъ своихъ вассаловъ безъ ихъ согласія: самъ же Людовикъ X и въ томъ же 1315 году раздавалъ щедрою рукою такъ называемые *privilèges des nobles* возвращая дворянству многія права, отнятыя при его отцѣ, и возстановляя сеньерьальную юрисдикцію чуть-что не въ прежнемъ ея объемѣ. Замѣчательно, что даже черезъ 464 года Людовикъ XVI, освобождая сервовъ въ своихъ доменахъ, писалъ такъ въ эдиктѣ своемъ отъ 8 августа 1779 г.: „такъ какъ мы будемъ во всѣ времена питать уваженіе къ законамъ собственности,... то мы можемъ осуществить только часть блага, которое имѣемъ въ виду, уничтожая рабское право лишь въ нашихъ доменахъ;“ всѣ другіе сеньеры только приглашались послѣдовать примѣру, поданному королемъ, который, „чтобы поощрить ихъ *насколько это отъ него зависѣло*, въ слѣдованіи этому примѣру, съ своей стороны, изъяслялъ отпущенія на волю отъ взноса разныхъ пошлинъ.“ Если Людовикъ XVI такимъ образомъ не пошелъ дальше Людовика X, то чего же могли бы мы ждать отъ послѣдняго? А до какой степени знаменитый ордоннансъ 1315 г. не имѣлъ надлежащаго дѣйствія даже въ королевскихъ доменахъ, можно видѣть изъ того, что черезъ четыре съ половиной вѣка, за десять лѣтъ до революціи Людовику XVI нужно было еще окончивать это дѣло: что же говорить послѣ этого о дѣйствіи ордоннанса Людовика X во всей Франціи?

Объясненіе послѣдняго обстоятельства заключается между прочимъ въ томъ, что условія, на которыхъ короли соглашались давать свободу своимъ сервамъ, только для нихъ самихъ были *bonnes et louables*. Прежде всего предлагавшееся имъ освобожденіе было скорѣе только смягченіемъ ихъ положенія, и самъ же Людовикъ X, чувствуя, что немногіе польстятся на *такую* свободу, писалъ потомъ комиссарамъ, которымъ было поручено

это дѣло: „такъ какъ можетъ случиться, что нѣкоторые вслѣдствіе дурнаго совѣта или недостатка благоразумія не увидятъ въ этомъ великаго благодѣянія и великой милости, такъ что скорѣе захотятъ оставаться въ бѣдности рабскаго состоянія, чѣмъ освободиться, — то мы приказываемъ и поручаемъ вамъ, рассмотрѣвши имущество такихъ лицъ и условія рабства каждого, взять для покрытія расходовъ нашей настоящей войны *) съ каждого столько, сколько можно безъ обиды взять и сколько потребно для нуждъ нашей войны.“ Такихъ *нѣкоторыхъ*, слушавшихъ дурные совѣты и не имѣвшихъ никакого благоразумія, было весьма много: они предпочитали оставаться *taillables et corvéables à merci* и не платить денегъ, которыхъ у нихъ и не было, для того лишь, чтобы все-таки отбывать потомъ разныя повинности, быть можетъ, въ размѣрѣ, превышавшемъ даже прежніе произвольные оброкъ и барщину. Принимая это въ соображеніе, мы можемъ хорошо понять факты, подобные слѣдующему. Филиппъ III освободилъ сервовъ Пьерфона отъ *мэнморта* и *формарьяжа* за ежегодный оброкъ въ 20 ливровъ, поставивъ условіемъ, что женившійся на несвободной самъ дѣлается сервомъ. Многіе прибѣгали къ послѣднему средству, чтобы возвратиться въ прежнее положеніе и такимъ образомъ избавиться отъ своей части выкупнаго оброка.

Такимъ образомъ въ основѣ ордоннанса 1315 г. лежатъ финансовыя соображенія: это было тоже своего рода наложеніе таліи на сельское населеніе, напоминающей таліи 1296, 1303, 1319 и 1322 гг., и уже успѣвшей сдѣлать для крестьянъ тяжелымъ содѣйствіе политическимъ предпріятіямъ королевской власти. Поэтому едва ли заслуживаетъ особаго вниманія мнѣніе *Дарестъ де ля Шаванна*, что ордоннансъ 1315 году былъ мѣрой политической, облегчавшей переходъ крестьянъ въ буржуазію, — экономической, указывающей на то, что уже начали принимать выгоду свободнаго труда, — и такъ сказать, уступкой об-

*) Съ Фландріей.

щественному мнѣнію, требовавшему отмѣны крѣпостничества. Все это невѣрно и вотъ почему: вопервыхъ, для королей выгодно было, когда *сенъерьяльный крестьянинъ* дѣлался королевскимъ буржуа, а тутъ рѣчь шла объ освобожденіи *королевскихъ сервовъ*; вторыхъ, Людовикъ X заботился болѣе всего о томъ, какъ бы получить побольше денегъ отъ этой операціи для своей войны, и вовсе не думалъ достигнуть этимъ большей производительности хозяйства; третьихъ, общественное мнѣніе, требовавшее уничтоженія серважа, въ XIV вѣкѣ—это совершенный мифъ. Едва ли также тутъ значилъ что-либо и примѣръ Швейцаріи, прогнавшей около этого времени (1308 г.) своихъ господъ: если бы боялись, что французскіе крестьяне пойдутъ по стопамъ швейцарцевъ, придумали бы что-нибудь подѣйствительнѣе такой мѣры, какъ ордонансъ 1315 г. Одно постороннее вліяніе несомнѣнно: это вліяніе легистовъ съ ихъ теоріей о прирожденной челоувѣку свободѣ.

Тѣмъ не менѣе мы далеки отъ мысли не придавать никакого значенія акту Людовика X: въ связи съ другими фактами подобнаго рода это одинъ изъ симптомовъ той перемѣны, которая совершалась уже въ деревняхъ и исторію которой, къ сожалѣнію, такъ трудно прослѣдить. Конечно, повторяемъ, перемѣна эта не была такъ значительна, какъ перемѣна въ судьбѣ городовъ въ эпоху ихъ освобожденія. „Какъ бы велико ни было, говоритъ *О. Тьерри*, размноженіе, въ продолженіи XIII и XIV вв., деревенскихъ общинъ (*de communes rurales*), оно не принесло земледѣльческимъ классамъ того единства гражданскаго состоянія, которое существовало для буржуазіи съ одного конца королевства до другаго; положеніе крестьянъ, вытекавшее изъ всякаго рода сдѣлокъ относительно различныхъ сенъерьяльныхъ правъ, осталось неодинаковымъ въ разныхъ мѣстностяхъ и разнообразнымъ до безконечности.“ — „Ничто, также и по словамъ *Зуенгейма*, не можетъ быть ошибочнѣе мнѣнія, что отпущенные на волю приобрѣтали постоянно абсолютную свободу въ смыслѣ теперешнемъ или въ смыслѣ римскаго права.“

Сущность освобожденій въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ заключалась именно въ превращеніи сервовъ въ виллановъ, крѣ-

постныхъ въ зависимыхъ крестьянъ, причемъ процессъ совершался такъ медленно, что еще въ XVIII вѣкѣ онъ былъ оконченъ только благодаря революціи (4). Другая особенность этихъ освобожденій, отличающая ихъ отъ тѣхъ, которыя случались въ предыдущихъ вѣкахъ, та, что это не были единичныя *manumissiones*, послѣ коихъ вольноотпущенные обыкновенно снова впадали въ рабство, а было нѣчто иное. Въ эпоху полного господства феодализма крѣпостные одного сеньера соединялись въ деревеньки, въ которыхъ около XII вѣка являются старосты (меры) изъ крѣпостныхъ же; обязанность ихъ состояла въ соблюденіи господскихъ интересовъ. Такія-то деревни, сдѣлавшіяся впоследствии административными единицами, и стали приоб- рѣтать себѣ льготныя грамоты. Одинъ изъ историковъ французскаго крестьянства *), чтобы показать, какіе были исходный пунктъ и конецъ этой, такъ сказать, подземной работы сельскаго люда, — сравниваетъ два документа XI и XIII вѣковъ: одинъ (отъ 1085 г.) представляетъ соглашеніе аббата de Nouailles съ графомъ *де Мортемаромъ*, отказывающимся отъ дурныхъ кутюмъ, которыми онъ пользовался по отношенію къ жителямъ церковной земли; другой — грамота, данная аббатомъ С. Жерменъ-де-Пре жителямъ Вильнева въ 1249 г. Разница между грамотами очевидная и, дѣйствительно, характеризующая прогрессъ въ юридическомъ положеніи крестьянъ, — съ одной стороны, переходъ ихъ самихъ изъ состоянія полныхъ сервовъ въ положеніе виллановъ, съ другой, переводъ произвольныхъ оброковъ и барщинъ на опредѣленные денежные и натуральные повинности. Сеньерамъ просто нужно было продавать подобныя льготы: сервы бѣжали съ своихъ земель, которыя оставались необработанными, а сеньеры такъ нуждались въ деньгахъ.

Но при этомъ обыкновенно они старались удержать въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе власти и перенести на землю всѣ тягости, которыя лежали прежде на личности серва. Они были

*) Лемари.

весьма мало склонны къ тому, чтобы ихъ прежніе сервы составляли независимыя отъ административной опеки помѣщика селенія или заключали союзы съ какими-нибудь коммунами; поэтому въ условіяхъ освобожденія сервовъ мы встрѣчаемъ такія статьи, по которыхъ освобожденные *non poterunt facere communias in jam dictis villis sive communiam in aliqua dictarum... nec esse de communia quamdiu in dicta villa vel in villis manebunt*. Право суда обыкновенно оставалось за сеньеромъ же, а не передавалось общинѣ, какъ это дѣлали хартіи, установившія коммуны въ городахъ. Повинности и оброки, правда, были теперь опредѣлены въ особыхъ грамотахъ и кутюмахъ, но большею частью односторонне самимъ сеньеромъ, дѣлавшимъ ту или другую уступку своимъ крестьянамъ, а не по взаимному соглашенію сторонъ. Далѣе, сеньеры удерживали право на рабскую землю за собою и отдавали ее освобожденнымъ на волю уже въ видѣ цензивы, шампартнаго участка, половнической аренды и т. п. Намъ уже пришлось указать на то обстоятельство, что въ условіяхъ освобожденія массы лежала возможность ея обезземеленія, и дѣйствительно, съ этой эпохи все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться извѣстія о людяхъ, живущихъ поденной работой.—Кромѣ доходовъ, которые уже приносили сеньеру крестьянскія земли (разнаго рода цензъ, шампаръ, талии и т. д.), многія новыя повинности легли теперь на самыя крестьянскія семейства или на цѣлыя общины, какъ вѣчная плата за освобожденіе отъ мѣнморта, формарьяжа, произвольной талии и барщины, ибо сервы не могли же выкупаться единовременнымъ взносомъ большой суммы денегъ: послѣднее въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ случалось только въ королевскихъ доменахъ. Эти выкупные оброки и повинности были крайне разнообразны, состоя то изъ денегъ, то изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, то изъ разнаго рода работы, распредѣляясь либо поголовно, либо по количеству занимаемой каждымъ земли, либо, напр., падая на скоть, на дома (подымная подать) и т. д., то наконецъ существуя, какъ самостоятельный оброкъ, то сливаясь съ поземельными платежами.—Освобожденія не снимали, далѣе, съ крестьянъ тѣхъ огра-

ниченій въ пользованіи гражданскими правами, которыя феодальныя кутюмы въ силу болѣе или менѣе опредѣленныхъ принциповъ дѣлали почти всегда для лицъ неблагороднаго происхожденія. Равнымъ образомъ сеньеры сохраняли исключительное право охоты и рыбной ловли, а баналитеты иногда заводились вновь, въ видѣ вознагражденія за уничтоженіе мѣнморта и другихъ подобныхъ правъ.

Къ концу XIV вѣка, около двухъ третей сервовъ превратились въ виллановъ. Перемѣна эта не была однообразна во всемъ государствѣ. Впервыхъ, экономическія отношенія въ разныхъ мѣстностяхъ были различны, вслѣдствіе чего потребность въ измѣненіи феодальнаго *statu quo* не чувствовалась каждымъ заинтересованнымъ въ одно и то же время, въ одной и той же степени, однимъ и тѣмъ же образомъ. Поэтому-то въ Нормандіи, наприм., гдѣ ранѣе всего начались освобожденія, еще въ XVI в. существуютъ сервы (*les bordiers*), когда въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ суммарныя отпущенія крестьянъ на волю начались позднѣе, въ это время уже не было совсѣмъ сервовъ. Вовторыхъ, сама переменна была результатомъ не общей государственной мѣры, а частныхъ сдѣлокъ до того разнообразныхъ, что не только деревни одной и той же сеньеріи не пользовались одинаковыми правами, но даже въ одномъ и томъ же селеніи существовало иногда крайнее разнообразіе положеній: вѣдь и городамъ давались привилегіи каждому по одиночкѣ, а не одинаковыя какому-либо классу городовъ или городамъ какой-либо области. Это характерная черта средневѣковья, которую мы встрѣчаемъ во всѣхъ европейскихъ странахъ. Къ исторіи эманципаціи французскихъ деревень можно вполнѣ приложить то, что говоритъ Вайцъ о переменнахъ, совершившихся въ политическомъ строѣ Германіи въ XI вѣкѣ: „измѣненія, которыя произошли здѣсь, разнообразны и значительны; но они вступали въ жизнь постепенно, не вслѣдствіе какого-либо закона или опредѣленнаго порядка вещей, часто неодинаково и даже неодновременно у разныхъ племенъ: все было предоставлено жизни, обычаямъ, силѣ обстоятельствъ; многое находилось въ постоянномъ измѣненіи и броженіи, такъ что

сами современники часто только въ слабой степени сознавали, что происходило или должно было происходить вокругъ нихъ.“ Такимъ образомъ для историка не менѣ затруднительно представить въ общихъ чертахъ положеніе крестьянства въ эту эпоху, нежели было классифицировать крѣпостное населеніе въ предъидущій періодъ. Одно только обстоятельство необходимо отмѣтить при этомъ: въ феодальную эпоху раздѣленія, существовавшія среди земледѣльческаго сословія, были характера главнымъ образомъ юридическаго, тогда какъ въ XIV вѣкѣ появляются первые признаки экономическаго раздѣленія. Наемный трудъ начинаетъ играть нѣкоторую роль, и въ серединѣ вѣка происходитъ даже попытка регулировать рабочую плату. Съ Филиппа IV, въ продолженіи всей столѣтней войны безпрестанно мѣнялся вѣсъ монеты, что дѣлало заработокъ наемнаго человека весьма ненадежнымъ, и рабочіе часто набивали себѣ цѣну; тотъ же результатъ должна была имѣть и *черная смерть*, свирѣпствовавшая въ Европѣ въ 1348 году: для Италіи, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что этотъ моръ вызвалъ тамъ увеличеніе рабочей платы. И вотъ въ томъ самомъ году (1350), когда въ Англіи Эдуардъ III подъ вліяніемъ подобныхъ же обстоятельствъ издаетъ свой ordinance of labourers, во Франціи сходный съ нимъ ордоннансъ (въ 252 параграфѣ) издается королемъ Иоанномъ: въ немъ опредѣлялась именно та плата, которую каждый земледѣльческій рабочій могъ требовать за свой дневной трудъ. Тотъ же король первый долженъ былъ предпринять и мѣры противъ бродяжничества и нищенства, этихъ постоянныхъ спутниковъ экспропріаціи.

Говоря объ освобожденіи сервовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, необходимо указать на тѣ внѣшнія неблагопріятныя для него условія, при которыхъ ему приходилось совершаться. Прежде всего въ самомъ феодальномъ правѣ было одно постановленіе, крайне затруднявшее разсматриваемый нами процессъ (5). „Никакой вавассоръ или дворянинъ, говорятъ памятники, не можетъ освободить своего серва (hons de corg) безъ согласія барона или главнаго сеньера.“ — „Нельзя, говоритъ Бомануаръ, освободить

своего серва безъ позволенія того, отъ кого имѣешь феодеъ. Ибо права, которыя я имѣю надъ сервомъ, принадлежатъ къ моему феодеу: слѣдовательно, если я освобождаю серва, я уменьшаю мой феодеъ.“ Вслѣдствіе этого, если вассаль освобождалъ своего крѣпостнаго, то высшій феодалный сеньеръ сохранялъ свое право на него и могъ взять его себѣ, какъ бы оставленнаго вассаломъ, не говоря уже о томъ, что послѣднему, если сюзеренъ хотѣлъ ужь совсѣмъ придираиться, за уменьшеніе феода могла грозить конфискація. Епископъ точно также не могъ отпустить кого-либо на волю *sine voluntate regis*, — королевское право, только позднѣе начавшее выходить изъ употребленія. Примѣненіе этого принципа во всей строгости весьма затрудняло освобожденія, такъ что въ лучшемъ только случаѣ освобождавшійся платилъ одному своему непосредственному сеньеру. Сервы Шенья (*Chaigne*), отпущенные на волю графомъ Монтегю, платятъ ему сто ливровъ и 640 ливровъ герцогу Бургундскому за его согласіе, не говоря о томъ, что шенскіе крестьяне продолжали и въ новомъ состояніи платить разные оброги. Подобнымъ образомъ деканъ и капитулъ въ Орлеанѣ испрашиваютъ позволеніе у Людовика VIII (1224 г.) на освобожденіе своихъ людей. Часто нужно было доходить до короля посредствомъ цѣлой іерархіи: графъ Тоннерскій былъ сюзереномъ многихъ шателеновъ и въ то же время вассаломъ трехъ епископовъ (лангрскаго, шалонскаго и бургундскаго), — трудно было серву самаго послѣдняго изъ упомянутыхъ дворянчиковъ дойти до короля. Но подданные сеньеровъ, ставшіе наконецъ въ непосредственное подданство къ королю или такъ называемыми *bourgeois du roi*, не были гарантированы, что не попадутъ снова въ феодалныя путы: король могъ продать кому-либо право на своихъ буржуа.

Другія неблагоприятныя обстоятельства заключала въ себѣ вся исторія XIV вѣка. На крестьянъ накладывается гнетъ королевскихъ податей; новая династія, вступившая на престолъ Франціи въ 1328 г., Валуа—становится во главѣ ультра-феодалнаго движенія противъ легистовъ, дѣйствовавшихъ при сыно-

вяхъ Филиппа Красиваго; скоро начинается несчастная столѣтняя война съ Англичанами, разоряющая крестьянъ увеличеніемъ налоговъ и выкупами, которые они должны были дѣлать для сеньеровъ, попавшихъ въ плѣнъ, не упоминая ужь о непосредственномъ вредѣ отъ войны для тѣхъ мѣстностей, которыя были ея театромъ; въ половинѣ вѣка страшныхъ бѣдъ надѣлала, наконецъ, моровая язва. Недовольство крестьянъ, давно уже проявлявшееся въ мелкихъ вспышкахъ и въ религіозныхъ броженіяхъ, разразилось тогда цѣлымъ возстаніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *жакеріи* (la Jacquerie), и было затоплено только въ рѣкахъ крови бунтовщиковъ.

Жакерія (6) представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ исторіи XIV в. Броженіе, возникшее въ половинѣ этого столѣтія въ буржуазіи, во главѣ которой сталъ извѣстный Этьенъ Марсель, проникло и въ деревни, нашедшія въ Марселѣ человѣка, который относился къ нимъ весьма сочувственно. Крестьяне отчасти примкнули даже къ этому политическому движенію, хорошенько не понимая его программы. Послѣ пораженія, нанесеннаго французскому дворянству Англичами при Пуатье, страсти разгорѣлись еще болѣе, а дворяне стали увеличивать поборы съ крестьянъ. Въ одномъ литературномъ произведеніи такъ отразилось недовольство народа, считавшаго себя храбрымъ, на столь постыдное пораженіе дворянства: одинъ вилланъ говоритъ о королѣ, что

S'il est bien conseillé, il n'oubliera mie
Mener Jacques Bonhomme en sa grand compaignie:
Guères ne s'enfuira pour ne perdre sa vie.

По одному извѣстію, ближайшимъ поводомъ возстанія былъ § 5 компьенскаго ордоннанса, въ коемъ повелѣвалось à ce u x à qui il appartient droit, т. е. крестьянамъ поправлять замки въ виду опасности отъ непріятели. Приходилось, кромѣ того, уплачивать выкупы за плѣнныхъ сеньеровъ, а тутъ наступала такая удобная минута идти по стопамъ самихъ же сеньеровъ и буржуазіи, которые пользовались затрудненіями правительства, чтобы вынудить у него уступки. Да и сама королев-

ская власть въ одномъ отношеніи, такъ сказать, давала крестьянамъ косвенное дозволеніе прибѣгнуть къ силѣ: въ первой половинѣ XIV вѣка происходили во Франціи страшныя частныя войны, противъ которыхъ правительство обѣщало употребить самыя энергичныя мѣры, дозволяя въ то же время крестьянамъ самимъ отражать силою нападенія. Лѣтомъ 1358 г. и вспыхнуло возстаніе въ Бовези, откуда оно распространилось по Иль-де-Франсу, Шампани, Пикардіи. Возставшихъ *Жаковъ Простяковъ* (Jacques Bonhomme — такъ привыкли рыцари звать крестьянъ) было около ста тысячъ. Для дворянства такое выступленіе деревенщины было неожиданностью. У дворянина составилъ было особый взглядъ на *Жака Простяка*, взглядъ выразившійся въ пословицѣ: Oignez vilain il vous poindra, poignez vilain il vous oindra. „*Жакъ Простякъ*, говорили еще дворяне, не выпускаетъ изъ рукъ денегъ, пока его не поколотятъ; но *Жакъ Простякъ* заплатитъ, ибо будетъ бить.“ Это было не красное слово: такова была, по отзыву Этьена Марсея, „обыкновенная привычка благородныхъ вообще относительно неблагородныхъ.“ Теперь этотъ-то самый *Жакъ Простякъ* и возсталъ.

Жакерія была, разумѣется, простымъ взрывомъ стихійной силы: крестьяне собирались, по словамъ Фруассара, безъ предводителей, безъ опредѣленныхъ плановъ, и когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они это дѣлаютъ, то они отвѣчали, что сами не знаютъ и дѣлаютъ то, что дѣлаютъ другіе. Въ этомъ главное отличіе жакеріи отъ возстанія, бывшаго въ томъ же вѣгѣ въ Англіи подъ начальствомъ Вата Тэйлера: въ сравненіе съ послѣднимъ вождемъ народа не можетъ идти предводитель жаковъ, о которомъ „Хроника первыхъ четырехъ Валуа“ выражается такъ: entre eulx estoit ung homme bien sachant et bien parlant de belle figure et fourme, — cestui avoit nom Guillaume Charles. Мы даже мало что о немъ и знаемъ. Къ жакамъ сначала примкнули было нѣкоторые горожане, но скоро, испугавшись размѣровъ, которые приняло возстаніе, и насилій, коими оно сопровождалось, они отстали отъ движенія, тѣмъ болѣе, что дворяне не безъ успѣха приложили свои старанія, чтобы разъединить буржуазію и жа-

ковъ. А самимъ имъ удалось между тѣмъ соединить противъ возставшихъ самыя разнородныя силы: въ союзъ французскаго дворянства вступили дворяне Фландрии, Брабанта и Геннегау; съ ними соединились даже англійскіе дворяне, и непримиримые враги въ родѣ короля Наваррскаго и герцога Нормандскаго становились рядомъ, чтобы дѣйствовать противъ жаковъ. Ужасно было мщеніе: дворяне не разбирали ни правыхъ, ни виноватыхъ, убивали мирныхъ поселянъ во время работы, зажигали тѣ деревни, въ которыхъ крестьяне оставались спокойными. Подъ конецъ у возставшихъ ослабѣла энергія, и не думая ни о чемъ, кромѣ жатвы, время которой подходило, они торопились возвратиться къ своимъ полямъ. Горежь былъ для жаковъ урокъ: послѣ подавленія возстанія 1358 года крестьяне не осмѣливаются тотчасъ же взяться опять за оружіе, а сеньеры еще менѣе стѣсняются съ *Простякома*. Если и преувеличено мнѣніе одного писателя *), что жакерія на полтора ста лѣтъ отодвинула освобожденіе крестьянъ въ большей части Франціи, во всякомъ случаѣ произошла вслѣдствіе нея нѣкоторая пріостановка въ достиженіи крестьянами юридической свободы. Послѣдствія событій 1358 г. вообще были самыя печальныя, и Петрарка, посѣтившій Парижъ въ 1360 г., едва узнаеть то королевство, которое онъ прежде видѣлъ цвѣтущимъ и богатымъ.

*) Г. Скребицкаго.

ГЛАВА VI.

КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ПЕРЕХОДѢ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Тяжесть государственныхъ налоговъ. Грабежи мальтозеровъ. Взиманіе недоимокъ. Общественныя бѣдствія XIV и XV вѣковъ. Возрожденіе феодальной анархіи. Новыя возстанія. Редакція кутюмъ. Характеръ новой королевской власти. Значеніе Генеральныхъ штатовъ. Генеральные штаты 1484 г. Представительство отъ деревень въ XVI вѣкѣ, Положеніе крестьянъ на основаніи новыхъ кутюмъ. Сервы. Несвобода крестьянской собственности. Поборы съ крестьянъ. Узурпаціи сеньеровъ. Сеньерьяльная юстиція. Незамѣняемость феодальнаго права въ XVI, XVII и XVIII вв. Народныя возстанія XVI вѣка. Общественныя бѣдствія въ XVI вѣкѣ.

Однимъ изъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ пришлось совершаться освобожденію крестьянъ, было то обстоятельство, что съ расширеніемъ королевской власти ко всѣмъ прежнимъ платежамъ, лежавшимъ на сельскомъ населеніи, присоединились еще казенные налоги (1). Въ концѣ XIV вѣка, они достигли уже значительной для того времени цифры. Первымъ налогомъ, установленнымъ королями, была *королевская талія*, съ начала необычайная, взимавшаяся на военныя издержки, но со времени Филиппа IV Красиваго, начавшая собираться довольно правильно, чтобы сдѣлаться постоянною въ царствованіе Карла VII (1422—1461). Филиппъ Красивый особенно часто и подъ самыми разнообразными предлогами назначалъ новые поборы, такъ что одинъ изъ нихъ заслужилъ даже названіе *мальтоты* (*maltôte, mala tolta*), которое внослѣдствіи получило болѣе широкое значеніе тяжелой подати вообще. При сыновьяхъ Филиппа сеньеры даже требуютъ себѣ привилегіи, по которой король не имѣлъ бы права облагать податями ихъ подданныхъ: дѣло

въ томъ, что когда король взималъ свою талию, сеньеры на цѣ-
 лый годъ лишались талии, получаемой ими, хотя они и умѣли об-
 ходитъ это постановленіе, если только послѣ короля оставалось
 что-либо у крестьянъ. Далѣе, когда король налагалъ на своихъ
 вассаловъ извѣстную феодальную *taille aux quatre cas*
 (плѣнъ, посвященіе въ рыцари старшаго сына, замужество стар-
 шей дочери и участіе въ крестовомъ походѣ), то, само собою ра-
 зумѣется, эти деньги выжимались вассалами опять-таки изъ
 крестьянъ же. Взиманіе этой случайной талии было крайне про-
 извольно: въ 1397 году графъ Неверскій, сынъ герцога Бургунд-
 скаго, попался въ плѣнъ къ султану Баязету, который за его
 возвращеніе потребовалъ двѣ тысячи дукатовъ; герцогъ воспользо-
 вался плѣномъ сына, чтобы сдѣлать выгодную аферу: онъ
 взялъ съ своихъ вассаловъ болѣе, нежели вдвое противъ требуе-
 мой суммы.

Съ XIV вѣка ведутъ свое начало и разные косвенные нало-
 ги, изъ которыхъ самый тяжелый былъ соляной, называвшійся
gabellю (*la gabelle*). Впервые упоминается габель при Лю-
 довикѣ Св. (1246 г.); нѣкоторые приписываютъ происхожденіе
 ея царствованію Филиппа Красиваго (1286 г.), но только Фи-
 липпъ VI (1328—1350) окончательно ее регламентировалъ. Тя-
 жело ложилось на крестьянъ и такъ называемое *droit de prise*
 (иначе *droit de gîte, de pourvoirie*), имѣвшее происхожде-
 ніе въ правѣ сеньера и его людей пользоваться даровымъ про-
 довольствіемъ во время своихъ поѣздокъ. Напрасно сама власть
 (ордоннансъ Карла V въ 1367 г.) пытается ограничить число
 лицъ, которыя могутъ пользоваться этимъ правомъ; напрасно
 жителямъ деревень дозволяется даже (ордоннансъ дофина-реген-
 та въ 1357 г.) оказывать вооруженное сопротивленіе грабите-
 лямъ: королевскимъ солдатамъ часто нечѣмъ было кормиться,
 а короли совѣмъ не могли отказаться отъ этого вида натуральной
 повинности, въ лучшемъ случаѣ замѣняя ее опредѣленными пла-
 тежами или заставляя отъ нихъ выкупаться.

Одновременно съ установленіемъ государственныхъ нало-
 говъ вводилась и откупная система. Первый, примѣнившій ее

въ широкихъ размѣрахъ, былъ Филиппъ Красивый, отдавшій разные сборы на откупъ Евреямъ, ломбардскимъ и итальянскимъ банкирамъ: въ ихъ рукахъ оставалась значительная доля того, что собиралось съ народа, который поэтому называлъ ихъ *mal-totier*'ами. Грабежъ откупщиковъ доходилъ иногда до того, что власть грозила имъ висѣлицами, заставляя ихъ откупаться отъ казни только дѣлжомъ прибрѣтенныхъ богатствъ.

Въ началѣ XV в. уже сказываются результаты финансовой системы монархii: правительство начинаетъ сильно беспокоиться по поводу умножающихся недоимокъ. Ордоннансомъ 3 июля 1410 года, напр., назначены были самыя строгія мѣры противъ недоимщиковъ, *en mettant mangeurs et gasteurs en leurs maisons et sur leurs biens, decouvrant leurs maisons et par la plus grande et rigoureuse maniere que se peut faire et à force d'armes si besoin est*. Это было какъ разъ въ то время, когда въ „жалобѣ бѣднаго земледѣльца“ высказывалось неудовольствiе по поводу тяжести королевской талии, по поводу обидъ, чинимыхъ сержантами, и по поводу совершеннаго обнищанiя *). Въ 1439 году Карлъ VII, при которомъ возникла постоянная армiя съ постоянной талией на ея содержанiе,—думалъ было помочъ дѣлу запрещенiемъ сеньерамъ налагать на крѣпостныхъ новыя подати, но могла ли имѣть какой-либо результатъ подобная мѣра, когда сама королевская талия возрастала почти съ каждымъ новымъ царствованiемъ? Съ 1,800,000 ливровъ при Карлѣ VII она при Людовикѣ XI (1461—1483) возрасла до 4,800,000, чтобы почти удвоиться при Францискѣ I (1515—1547), при которомъ она превышала уже 9 милiоновъ. Только въ царствованiе Людовика XII (1498—1515) сдѣлана была серьезная попытка облегчить тяжесть налоговъ уменьшенiемъ талии до 1,200,000 и добыванiемъ необходимыхъ для казны денегъ изъ королевскихъ доменовъ. Но съ Франциска I начинается эпоха быстрого и постояннаго, безостановочна-

*) См. выше, стр. 69.

го возрастанія налоговъ вплоть до самой революціи, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Этому возрастанію тяготы, которую несъ на себѣ крестьянинъ, не соответствовало такого же возрастанія благосостоянія. Напротивъ, XIV и XV вѣка были полны общественными бѣдствіями, которыя разоряли крестьянъ въ конецъ (2). Все XIV столѣтіе состояло изъ періодическихъ повтореній голодныхъ годовъ и эпидемій (особенно 1315, 1338, 1348, 1361 и 1399 гг.). Къ этому присоединялась война съ Англіей, тянувшаяся черезъ всю вторую половину XIV вѣка до середины слѣдующаго, такъ что и въ XV вѣкѣ народъ не выходилъ изъ заколдованнаго круга голода и эпидемій, особенно въ промежутокъ между 1418 и 1422 гг. Можно подумать, говоритъ Мишле, рассказывая о событіяхъ этого времени, — что читаемъ въ книгѣ Исхода о той ночи, когда ангелъ проходилъ между домами, касаясь каждаго мечемъ смерти *). И не Англичане одни грабили и обижали крестьянъ: свои собственные сеньеры и королевскіе солдаты были нелучше неприятеля. Англійскій король объяснялъ свою побѣду надъ Французами при Азинкурѣ (1415), какъ кару Бога, „который наказывалъ французскихъ дворянъ за ихъ клятвopеступленія, за ихъ насилія и жестокость къ бѣдному народу, обижаемому и грабимому ими безъ пощады.“ Наемныя войска были еще хуже *et toujours gangnoient*, говоритъ о нихъ Фруассаръ, *rouges brigands à piller villes et châteaux*. Генеральные штаты 1355 г. сильно жаловались на *droit de prise*, которымъ прикрывались часто грабежи солдатъ, такъ что правительство дозволило крестьянамъ даже отражать силу силою. Ко всему этому присоединились повтореніе жакеріи, извѣстное подъ названіемъ возстанія *тюшеновъ* (*les tuschins*) въ Севернахъ, Оверни, Лимузенѣ и Пуату (въ 1384 г.), и междоусобіе политическихъ партій, раздѣлившее даже крестьянъ на враждебные лагеря.

Въ это печальное столѣтіе, протекшее съ вступленія на престолъ династіи Валуа до окончанія англійской войны, феода-

*) См. дополненіе I.

лизмъ, казалось, начиналъ воскресать. Еще при Людовикѣ X дворяне просили правительство, чтобы имъ дозволены были частныя войны, *que tous les gentilshommes pussent guerroyer les uns aux autres sans donner trespas (trêve), mais chevaucher, aller, venir et estre en guerre et forfaire les uns aux autres.* Правительству впослѣдствіи ничего не оставалось дѣлать, какъ только опредѣлять, по крайней мѣрѣ, условія частныхъ войнъ и приглашать крестьянъ къ самозащитѣ *). Крестьяне вынуждены были такимъ образомъ отбиваться разомъ отъ сеньеровъ, королевскихъ солдатъ и Англичанъ: тамъ вспыхнетъ возстаніе противъ внѣшнихъ враговъ, здѣсь повторится жакерія противъ дворянъ и духовныхъ (въ Маконнѣ и Форезѣ въ 1430 г.), въ другомъ мѣстѣ возмутьятся противъ сборщиковъ податей (въ Лангедокѣ):

*Sur vous tomberont les maisons,
Vos chasteaux et vos tenements,
Car nous sommes vos fondemens.*

говорилъ при этомъ „бѣдный земледѣлецъ“ въ своей *Жалобѣ*. Если благородные хотятъ ѣсть, то пусть работаютъ,—требовали крестьяне, возмутьившіеся въ Маконнѣ и Форезѣ,—Богъ въ лицѣ Адама все человѣчество обрекъ на добываніе хлѣба въ потѣ лица.

Наконецъ при Карлѣ VII прекратилась внутренняя анархія и внѣшняя война. Положеніе государства было бѣдственное: общественные нравы одичали, многія мѣстности запустили. „Я видѣлъ, говоритъ одинъ современникъ, долины Шампани, Гатинэ, Мэна, Бовези и другія провинціи отъ Сены до Амьена и Аббевиля совершенно пустыми и необработанными. Жителей не было, въ поляхъ росли сорныя травы.“

Не при такихъ условіяхъ, повторяю, могло совершаться освобожденіе и улучшеніе быта крестьянъ. Нѣсколько болѣе благопріятныя условія представляла изъ себя вторая по-

*) Ср. ордоннансы 8 февр. 1330, 20 марта и 5 апр. 1350, 17 дек. 1352, 5 дек. 1362, 20 іюля 1367 и ордоннансы 1412 и 1413 гг.

ловина XV в., эпоха окончательной побѣды королевской власти надъ силами феодальнаго міра. Но во время борьбы съ ними эта власть, начиная съ XIV в., все болѣе и болѣе упускала изъ виду интересы низшихъ классовъ, а потому при окончательномъ пораженіи сеньеровъ законодательство стало стремиться лишь къ тому, чтобы положить предѣлы ихъ произволу записываніемъ кутюмъ, примѣненіе которыхъ осталось однако въ рукахъ тѣхъ же сеньеровъ. Болѣе ста лѣтъ одною изъ главныхъ задачъ королевской власти и юристовъ было именно это приведеніе въ порядокъ кутюмнаго права (3). Въ 1453 г. было предписано Карломъ VII приступить къ этой работѣ, но она началась не тотчасъ же, совершалась весьма медленно, съ перерывами, ибо сеньеры дѣлали всякія препятствія изданію законовъ, связывавшихъ ихъ произволь. Многія мѣстности получили писанныя кутюмы очень поздно: Saintonge еще въ концѣ XVI вѣка не имѣла кутюмы; кутюма Barège et Bigorre издана только въ 1778 г. Огромное ихъ большинство составлено было все-таки передъ исходомъ XVI вѣка, къ концу царствованія Генриха III. Хотя ордоннансъ 1497 года и предписывалъ нѣкоторое участіе народа въ этомъ составленіи законовъ на основаніи обычнаго права, однако сборники кутюмъ утверждались помимо всякаго его участія, какъ прежде, такъ и послѣ указаннаго ордоннанса. Такъ, наприм., вотированы были кутюмы парижская и орлеанская par les gens de trois états, но безъ крестьянъ. Эти законы, закрѣпившіе въ XV и XVI вв. отношенія, которыя возникли еще въ XI—XIII столѣтіяхъ, сохраняли свою силу во Франціи впродолженіи XVII и XVIII вѣковъ, пока разбитыя сначала по частямъ во время революціи, они не были замѣнены потомъ цѣликомъ Наполеоновымъ кодексомъ.

Итакъ, королевская власть не пошла далѣе регулированія уже установившихся отношеній, нисколько не думая о ихъ реформѣ (4). Французскіе короли не забыли своего происхожденія въ средѣ феодальной аристократіи и не научились смотрѣть на свою власть, какъ на нѣчто иное, нежели частная собственность извѣстнаго аристократическаго рода; они до самой революціи про-

должали смотрѣть на себя, какъ на первыхъ дворянъ Франціи, и на свою власть, какъ на собственность, которая зиждется на тѣхъ же основахъ, на которыхъ покоились всѣ права феодальныхъ сеньеровъ. Они сломили, правда, политическую силу послѣднихъ, но едва только это было сдѣлано, какъ королевская власть какъ-бы остановилась въ своей борьбѣ съ феодализмомъ: насколько феодализмъ былъ препятствіемъ для ея собственнаго развитія, онъ былъ ей враждебенъ; поскольку онъ существовалъ въ сферѣ социальныхъ отношеній, королевская власть сама-по-себѣ могла относиться къ нему индифферентно. Правъ собственности сеньеровъ она нарушать не хотѣла и, смотря на себя, какъ на первыхъ дворянъ, имѣя сами много феодальныхъ правъ частнаго характера, постоянно окруженные дворянами, короли даже имѣли какъ-бы нѣкоторый интересъ оставить все попрежнему. Вотъ почему королевская власть, сломивъ феодализмъ въ политическомъ отношеніи, оставила его нетронутымъ въ социальномъ, и вотъ почему никуда такъ мало не вмѣшивалось государство въ новое время, какъ въ эти феодальныя отношенія. Редакціей гутюмъ ограничилась королевская власть въ сферѣ вопросовъ частнаго феодальнаго права.

Тѣмъ же характеромъ отличалось отношеніе и Генеральныхъ штатовъ къ крестьянамъ. Состоя изъ представителей дворянства, духовенства и горожанъ, они сравнительно очень мало заботились объ интересахъ поселянъ: доказательство этому можно найти въ любой исторіи этого учрежденія, именно въ томъ молчаніи о крестьянскихъ дѣлахъ на Генеральныхъ штатахъ, которое мы находимъ у каждаго изъ историковъ, слѣдившихъ за развитіемъ и дѣятельностью національнаго представительства въ старой Франціи. Это не значитъ, чтобы о крестьянахъ такъ-таки ничего не говорили: вопросъ въ томъ, что для нихъ дѣлали, особенно въ виду того, что говорили. „Теперь народъ этотъ, читаемъ мы въ *cahier des doléances du commerce* на Генеральныхъ штатахъ въ Турѣ въ 1484 г., — народъ, названный нѣкогда французскимъ, находится въ положеніи худшемъ, нежели сервы: серва хотя кормятъ, а народъ обремененъ невыноси-

мыми тяжестями... Многие крестьяне бѣжали въ Бретань или въ Англію, иные умерли отъ нищеты, иные убили своихъ женъ и дѣтей и потомъ себя на ихъ трупахъ. Многие мужчины, женщины и даже дѣти, за недостаткомъ рабочаго скота, сами принуждены были запрячься въ плугъ, чтобы пахать землю; другіе работали ночью, боясь, что днемъ ихъ схватятъ и посадятъ подъ стражу за недоимки въ талиі.“ Такъ говорилось, а дѣлалось такъ, какъ совѣтовалъ на тѣхъ-же штатахъ коннетабль Бурбонъ: „я знаю привычки виллановъ — таковы были его слова — если ихъ не сдерживаютъ чрезмѣрнымъ бременемъ налоговъ (*en les surchargeant*), то скоро они дѣлаются дерзки: слѣдовательно, если вы совсѣмъ снимете съ нихъ талию, то, безъ всякаго сомнѣнія, они тотчасъ же окажутся какъ въ отношеніи къ сеньерамъ, такъ и въ отношеніи другъ къ другу мятежниками и безпокойными людьми. Они не должны поѣтому знать свободы, для нихъ нужна только зависимость. Что касается до меня, то я думаю, что эта контрибуція самая крѣпкая цѣнь, которая можетъ ихъ сдерживать“ *).

Мы не знаемъ, когда впервые сельскіе жители получили право представительства въ Генеральныхъ штатахъ: многіе указываютъ на этотъ самый 1484 годъ, но несомнѣнно только то, что въ XVI вѣкѣ деревни посылали своихъ депутатовъ вмѣстѣ съ городами, и что въ нѣкоторыхъ Генеральныхъ штатахъ были депутатами и земледѣльцы (рѣдко и мало). Мы не знаемъ также, повсемѣстно ли производились сельскіе выборы, какія были основанія избирательнаго права и пр. и пр. Но это допущеніе представительства селъ въ общее собраніе государственныхъ чиновъ сущности дѣла не измѣняло, ибо представителями сельскихъ жителей сдѣлались все-таки буржуа: въ Генеральныхъ штатахъ 1789 года, когда деревни пользовались самымъ широкимъ избирательнымъ правомъ, изъ 577 депутатовъ третьяго сословія было только 36 сельскихъ хозяевъ и земледѣльцевъ, не

*) Генеральные штаты 1484 г., впрочемъ, нѣкоторое исключеніе изъ общаго правила.

однихъ крестьянъ, конечно. Въ провинціальныхъ же штатахъ даже въ XVIII вѣкѣ деревни представителей не имѣли. Это отсутствіе крестьянъ на мѣстныхъ собраніяхъ играло особенно важную роль въ тѣхъ случаяхъ, когда тремя сословіями обсуждались старыя кутюмы: сельскій людъ не могъ подавать своего голоса. Указанное нами къ другомъ мѣстѣ толкованіе правила *nille terre sans seigneur*, исключавшее возможность алодіальной собственности во многихъ провинціяхъ и налагавшее часто на крестьянскія земли новые платежи, относится именно къ XVI в., когда пересматривались, записывались, редижировались, комментировались старыя кутюмы. Некому было защитить интересы крестьянина.

Новыя кутюмы могутъ служить однимъ изъ источниковъ для составленія себѣ понятія о положеніи крестьянъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ (5). Поэтому большая часть того, что можетъ быть сказано, по крайней мѣрѣ, о юридическихъ отношеніяхъ земледѣльческаго быта въ XVI вѣкѣ, относится одинаково и къ самому кануну революціи. Прежде всего при разсмотрѣніи кутюмъ намъ бросаются въ глаза, такъ сказать, однородность ихъ основы и крайнее разнообразіе въ подробностяхъ, дѣлающее изученіе феодальнаго права весьма труднымъ. По отношенію къ серважу, впрочемъ, кутюмы раздѣлялись на *свободныя* (*franches*) и *рабскія* (*serves*): въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ дѣйствовали первыя, крѣпостнаго состоянія не допускалось болѣе, тогда какъ провинціи, въ которыхъ дѣйствующее право составляли *les coutumes serves*, насчитывали въ своемъ населеніи еще довольно значительное количество сервовъ. Между этими сервами было сравнительно немного полныхъ, или такъ называемыхъ *serfs de corps*, которые хотя и отличались отъ крѣпостныхъ, носившихъ такое имя въ XII в., все-таки не могли выйти изъ-подъ зависимости отъ своего господина: большинство несвободныхъ крестьянъ принадлежало къ категоріи *serfs d'héritages* или *serfs réels*, которые могли освободиться, покинувъ свои земли. Далѣе идутъ уже подробности: не только сервы одной провинціи изъ тѣхъ, въ

которыхъ они продолжали существовать *), не были во всемъ сходны съ сервами другой, но даже въ одной и той же мѣстности существовало крайнее разнообразіе положеній: въ Оверни они, наприм., не носили рабскаго имени, а назывались *emphytéotes conditionnés*; въ Нивернэ они могли завѣщать до 60 су, въ Шомонѣ, Труа, Витри и Шалонѣ на Сонѣ только до 5 су, а въ С. Северѣ имъ было запрещено всякое завѣщаніе. Наибольшее количество чертъ средневѣковаго быта сохранила кутюма бургундская: *mainmortalé*, жившій подъ этимъ правомъ, находился въ томъ же юридическомъ положеніи, въ какомъ былъ *mainmortalé* XII вѣка.—Намъ неизвѣстно число сервовъ въ XVI в. и трудно сказать, много ли ихъ освободилось отъ крѣпостной зависимости въ продолженіи XVII и XVIII столѣтій. Дѣло въ томъ, что, начиная съ XV в. свободные крестьяне переходили иногда на мѣнмортабельныя земли, и само освобожденіе шло туго вслѣдствіе сопротивленія сеньеровъ. Въ концѣ XVI вѣка былъ, наприм., возможенъ такой случай: въ 1574 г. Генрихъ III освободилъ отъ *мѣнморта* за умѣренный выкупъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей Берри, но маршалъ d'Autmont и другіе сеньеры этой провинціи не дали осуществиться этой мѣрѣ короля. Хлопоты нѣкоторыхъ депутатовъ третьяго сословія на Генеральныхъ штатахъ 1576 и 1614 гг. объ отмѣнѣ крѣпостничества не имѣли никакого успѣха, и передъ самой революціей во Франціи было еще такъ много мѣнмортаблей, что въ отдѣльныхъ провинціяхъ ихъ считали тысячами, а для всей Франціи нѣкоторые не задумывались опредѣлять число ихъ въ милліонъ и даже въ полтора милліона.

Вторымъ крупнымъ дѣленіемъ кутюмъ было дѣленіе ихъ на алодіальныя и не допускавшія алода, т. е. державшіяся правила *puille terre sans seigneur*: вторыя составляли общее правило, первыя незначительное исключеніе. Въ нѣкоторыхъ областяхъ даже тогда закономъ не допускалась свободная

*) Бургундія, Франшъ-Конте, Бретань, Шампань (Troyes, Sens, Vitry), Берри, Нивернэ, Бурбоннэ, Овернь (pays de Combrailles), Маршъ и др.

собственность, если бы и владѣлец доказалъ ея алодіальность какими-либо документами. Въ силу этого правила почти всё земли Франціи, которыми только владѣли крестьяне, были цензивами, и на всѣхъ лежали разные платежи въ пользу сеньеровъ въ родѣ ценза, шампара, разныхъ рентъ и пр. и пр., а вмѣстѣ съ платежами и разныя ограниченія въ свободномъ распоряженіи землею, вытекавшія-либо изъ необходимости обезпечить правильный взносъ повинностей, либо изъ разныхъ правъ сеньера, права охоты, напимѣръ. Можно принять, что, начиная съ XV вѣка, цензива была самымъ распространеннымъ видомъ крестьянскаго землевладѣнія, начавши даже вытѣснять половничество, пока не стала водворяться система фермерства.

Помимо сеньерьяльныхъ поборовъ, которые кутюмы опредѣляли, какъ плату за отданную крестьянамъ землю, существовала масса другихъ, не вытекавшихъ изъ поземельныхъ отношеній. Крестьяне несли старыя, средневѣковыя повинности, отъ которыхъ не успѣли откупиться; они несли повинности и сравнительно болѣе поздняго происхожденія, представлявшія выкупъ за уничтоженіе *мэнморта*, *формарьяжа* и т. п. Въ одномъ мѣстѣ они присягали сеньеру въ вѣрности, въ другомъ въ знакъ покорности дѣлали разныя символическія приношенія въ родѣ заячьей лапки, куриной ножки и т. п., или исполняли какія-либо унижительныя и смѣшныя дѣйствія. Для примѣра можно указать на *поцѣлуй* или *взглядъ новобрачной* или на лучшее свадебное блюдо, составлявшія изъ себя выкупъ права первой ночи *). Разныя барщины, талии, банальныя права и т. д. продолжали существовать. На Генеральныхъ штатахъ XVI в. третье сословіе безпрестанно жалуется, что дворяне дурно обращаются съ крестьянами и требуютъ съ нихъ гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ. Жа-

*) Въ одномъ документѣ 1507 года читаемъ: Et quant aucun des subgiets ou subgiettes dudit lieu de Drucat se marye, le maryé ne peult couchier la premiere nuyt avec sa de noeupche, sans le congié licence et autorité dudit seigneur ou quel ledit seigneur ayt ceuchié avec ladite dame de noeupce; pour lequel congié obtenir le dit maryé est tenu bailler un plat de viande.

лобы на произвольные увеличеніе старыхъ поборовъ и установленіе новыхъ не переставали раздаваться и въ слѣдующихъ двухъ вѣкахъ, потому что вызывавшія ихъ дѣйствія сеньеровъ были явленіемъ постояннымъ: дворянство не только не думало о какой-либо реформѣ феодальныхъ отношеній, не только не выпускало изъ своихъ рукъ того, что уже имѣло, но, наоборотъ, хлопотало о томъ, какъ бы удержать *status quo* и забрать въ свои руки то, что не было забрано. Примѣненіе правила *nulle terre sans seigneur* и права *d'enslaver*, по которому сеньерь могъ наложить на всѣ земли извѣстной территоріи цензъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ платили его только нѣкоторые участки, — представляло для этого самое удобное средство. Принципъ *nulle terre sans seigneur* явился средствомъ, которое было пущено въ ходъ, чтобы начать споляцію и общинныхъ земель: сеньерь передъ закономъ дѣлался всеобщимъ собственникомъ, общинныя земли превращались въ его собственность, уступленную нѣкогда въ пользованіе крестьянъ; онъ могъ даже по закону отобрать у крестьянъ часть ихъ угодій въ полное свое владѣніе, не говоря уже о возможности различныхъ злоупотребленій, не основанныхъ ни на какомъ законѣ. Письменные наказы (*cahier s*) депутатовъ третьяго сословія на Генеральныхъ штатахъ XVI в. полны жалобъ на дворянъ, отбирающихъ у крестьянъ общинныя земли; въ XVII вѣкѣ, при Кольберѣ на это было обращено вниманіе самого правительства и изданъ былъ эдиктъ, запрещавшій *déroguiller les communautes*. Эта узурпація продолжалась и въ XVIII столѣтіи вплоть до самой революціи, какъ это видно изъ многочисленныхъ крестьянскихъ жалобъ (*cahier s*) 1789 года. Мы говорили уже, что королевская власть съумѣла обуздать своеволіе сеньеровъ только съ той стороны, съ которой оно являлось неприятымъ, вреднымъ или опаснымъ для самой королевской власти, въ другихъ отношеніяхъ сеньеры не потерпѣли такихъ пораженій.

Не смотря однако на то, что судебное право сеньера ограничивало верховную власть короля, не смотря на то, что съ са-

маго XIII вѣка королевскіе судьи преслѣдовали одну задачу — уничтожить соперничество съ ихъ юрисдикціей юрисдикціи сеньерььяльной, послѣдняя продолжала существовать, хотя и разсматриваемая, какъ делегированная сеньерамъ функція, хотя и ограниченная какъ кутюмами, такъ, начиная съ XVI в., и специальными распоряженіями королевской власти: въ XVII вѣкѣ уже въ полномъ ходу былъ принципъ—*toute justice émane du roi*, и въ теоріи признавалось возвращеніе королю делегированнаго имъ судебного права въ случаѣ злоупотребленія сеньера этимъ правомъ. Практика шла своимъ путемъ, и соединеніе въ рукахъ помѣщиковъ съ властью судебною и полицейскою властью дѣлало ихъ произволъ еще болѣе возможнымъ и еще менѣе чѣмъ-либо ограниченнымъ. Не безъ основанія назвалъ Луазо (Loyseau, авторъ сочиненія *Justices de village*, XVI в.) сеньерььяльные суды *mangeries de village*. Почти всѣ дворяне, владѣнія которыхъ состояли, наприм., изъ скотнаго двора или мельницы, претендовали на право суда надъ своимъ скотникомъ или мельникомъ. Мало того: сеньеры устанавливали иногда цѣлую градацію судебныхъ инстанцій, и, наприм., дѣло о поправѣ, произведенной короной въ чужомъ полѣ, иногда судилось въ шести послѣдовательныхъ инстанціяхъ. „Что удивительнаго, замѣчаетъ Луазо, если въ такомъ случаѣ съѣдалась нетолько корова, но и владѣлецъ ея.“ Сеньерь, далѣе, былъ хозяиномъ деревенскаго суда, и заводить съ нимъ какую-либо тяжбу было нелѣпо, особенно если писарь, выполнѣ отъ него зависѣвшій, составлялъ для него какой-либо документъ, помѣченный заднимъ числомъ. Ко всему этому нужно прибавить, что при всей своей неправдѣ эти *mangeries* были весьма дороги, тѣмъ болѣе, что главнымъ мѣстомъ, гдѣ судебный персоналъ переговаривался съ истцами и отвѣтчиками, былъ большею частью мѣстный кабачекъ. Съ тѣми же характерными чертами просуществовала эта юстиція до 1789 года, когда крестьяне, жалуясь, на несправедливость и разорительность сеньерььяльныхъ судовъ, говорили между прочимъ, что въ нихъ „чаще всего Оемида бываетъ жертвой Бахуса.“ Съ помощью своей судебной власти дворяне

могли производить и свои узурпаціи: и изъ XVIII вѣка мы имѣемъ извѣстія о подложныхъ документахъ, посредствомъ которыхъ они налагали цензъ или шампаръ на алодіальные участки или возвращали подъ свою зависимость такіе, которые отъ нея откупились, если только выкупъ былъ дозволенъ.

Такимъ образомъ зависимость крестьянина отъ помѣщика при переходѣ въ новое время была еще весьма велика: виллантъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ сеньерьяльною властью: ибо на немъ нрѣдко лежали повинности личныя; земля его почти всегда подлежала цензу, шампару и пр. и пр.; для его хлѣба и винограда существовали разныя монопольныя мельницы, печи, точила землевладѣльца; онъ платилъ разныя пошлины заставныя, мостовыя, паромныя; онъ находился подъ административной опекой сеньерьяльныхъ агентовъ; онъ подчинялся его суду и пр. и пр. Много еще средневѣковаго сохранили кутюмы XVI в. въ социальныхъ отношеніяхъ сельскаго люда, и „все то, говоритъ *Дюселе*, что оставалось отъ среднихъ вѣковъ въ 1453 году, существовало еще и въ 1789.“ Казалось, редація кутюмъ должна была лишь увѣковѣчить *status quo*, и нѣкоторыя ихъ постановленія, дѣйствительно, носятъ такой характеръ. Такъ, тамъ, гдѣ дѣйствовало правило *nulle terre sans seigneur* (а это была почти вся Франція), несвобода почвы была признана вѣчнымъ принципомъ землевладѣнія, ибо отъ ценза и замѣняющихъ его повинностей со всѣми ихъ атрибутами въ родѣ пошлины при продажѣ цензивнаго участка его владѣльцемъ другому лицу (*lods et ventes*), — большею частью нельзя было освободиться никакимъ образомъ. *Le cens n'est point rachetable*, говоритъ кутюмное право, и если цейзитарій выкупалъ свою землю, то тѣмъ переводилъ ее только изъ-подъ зависимости отъ непосредственнаго своего сеньера подъ *dominium directum* другаго, высшаго сеньера.—Понятно, что государственные налоги и феодальные поборы, возраставшіе въ продолженіи всего XVI вѣка, должны были крайне неблагоприятнымъ образомъ отражаться на матеріальномъ бытѣ крестьянъ. Имъ жилось плохо, и они возставали то тамъ, то сямъ, то противъ

гнета налоговъ, то противъ попытокъ сеньеровъ возвратить старый феодальный порядокъ во всей цѣлости (6). Крестьянская война въ Германіи, собственно говоря, не коснулась тогдашнихъ французскихъ областей, ибо не распространилась далѣе Эльзаса и Лотарингіи, но въ сосѣднихъ провинціяхъ, въ Шампани, Франшъ-Конте и странѣ Монбельяра, мы видимъ все-таки одновременно съ крестьянской войной (1525) возмущеніе сельскаго люда противъ тамошнихъ сеньеровъ. Чѣмъ ближе подвигаемся мы къ концу вѣка, тѣмъ многочисленнѣе дѣлаются извѣстія о подобныхъ возстаніяхъ: въ 1548 году во многихъ мѣстностяхъ взбунтовались крестьяне (*les piteaux, les guitres*) противъ сборщиковъ солянаго налога, или *табели*, которая при Францискѣ I достигла громаднхъ размѣровъ и была въ нихъ удержана Генрихомъ II; въ 1556 году около десяти тысячъ сельскаго люда изъ Нормандіи и Пикардіи оставляетъ свои жилища и переселяется въ Франшъ-Конте, гдѣ всѣ переселенцы получаютъ земли на основаніи *манморта*; въ 1586 году въ Нормандіи вспыхнуло возстаніе *готьеровъ* (*les gauthiers*), направленное противъ грабежа военныхъ, сеньерьяльныхъ узурпацій и притѣсненій сборщиковъ податей; въ 1593 году такой же характеръ имѣлъ бунтъ *крокановъ* (*les croquants*) въ Пуату, Сентонжѣ, Лимузенѣ и др. мѣстахъ: крестьяне съ криками *aux croquants! aux croquants!* нападали на дворянъ, на солдатъ и на сборщиковъ податей, объявляя, что они возстали *contre les pernicious desseins des ennemis du roy, notre sire et les notres, mesmement aux griffes des inventeurs des subsides, voleurs, leurs receveurs et commis, fauteurs et adhérens*. Съ своей стороны, благородные" выпустили во время возстанія крокановъ особую прокламацію, въ которой говорилось, что крестьяне, захотѣвши вырваться изъ-подъ ихъ власти, возстали противъ всякаго божескаго и человѣческаго права, такъ какъ замыслили низвергнуть религію, не платя болѣе десятинъ, назначенныхъ съ сотворенія міра для службы божіей, а вмѣстѣ съ религіей низвергнуть и монархію, чтобы установить у себя демократію по образцу Швейцарцевъ. Въ одномъ Перигорѣ насчитывали до 40 тысячъ

бродановъ, и тамъ, гдѣ нельзя было усмирить ихъ силой, какъ въ Лимузенѣ и Сентонжѣ, пришлось дѣлать имъ уступки въ родѣ сбавки талии. Только въ 1595 году улеглось движеніе бродановъ, но ни сбавка талии для Перигора; ни сложеніе 20 милліоновъ недоимокъ по талии, сдѣланное Сюлли при его вступленіи въ министерство, не могли предотвратить новыхъ волненій въ Перигорѣ, Керси и Лимузенѣ, происшедшихъ четыре года спустя и безъ особыхъ хлопотъ скоро подавленныхъ.

Эти народныя вспышки вызывались, съ другой стороны, тяжкими временами анархіи, которая сопровождала религіозныя войны второй половины XVI вѣка. Уже въ началѣ этого періода, на Генеральныхъ штатахъ 1560 года въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описывалось положеніе королевства: налоги крайне тяжелы, грабежи солдатъ невыносимы, сеньеры не прекращаютъ своихъ злоупотребленій, своихъ узурпацій, своихъ нововведеній, крестьяне бѣдствуютъ и голодаютъ: не имѣя рабочаго скота, проданнаго за недоимки, многіе сами запрягаются въ плуги; отъ нищеты и голода другіе налагаютъ на себя руки или бѣгутъ изъ государства. Что же должно было произойти, когда послѣ этого цѣлыя тридцать лѣтъ раздирали Францію религіозно-политическія войны, когда всякая попытка сопротивленія грабежу войскъ католической лиги или гугенотской партіи кончалась пожаромъ, изнасилованіемъ женщинъ, рѣзней, опустошеніемъ полей, когда война дѣлала голодъ и эпидеміи постоянными, когда, наконецъ, на ея потребности нужно было еще увеличить налоги! Даже дворянство на Генеральныхъ штатахъ 1576 г., собравшихся въ Блуа, соглашалось, что страданія народа были невыносимы. Подъ вліяніемъ этого военнаго времени снова стали появляться тѣ средневѣковые типы дворянъ-разбойниковъ, образчикъ которыхъ представляетъ изъ себя Rieux въ извѣстной сатирѣ Mepirée. „Вокругъ меня на десять лье нѣтъ ни одного крестьянина, которой не прошелъ бы черезъ мои руки,—говоритъ онъ, наприм., — и которой не заплатилъ бы мнѣ оброка или выкупа. У меня есть средство заставить ихъ быть благоразумными: у меня есть для нихъ головныя повязки изъ канатовъ, я вѣшаю ихъ

подъ мышки, я подогрѣваю ихъ ноги на раскаленной лопатѣ, я заковываю ихъ въ кандалы, — словомъ, у меня тысяча хорошенъкихъ средствъ, чтобы выжать всѣ соки изъ ихъ кошелька и отобрать, что у нихъ есть, а ихъ и все ихъ отродье пустить по міру. У меня хорошая шпага и славный пистолеть, и нѣтъ такого чиновника, который посмѣлъ бы потребовать меня къ суду: судъ не для такихъ вѣдь дворянъ, какъ я. Я возьму куръ и коровъ моего сосѣда, когда вздумается; я отрѣжу у него землицы и огорожу ее вмѣстѣ съ моею, и попробуй тогда кто-либо заворчать только!“ Другія извѣстія той эпохи (напр., *Essais* Монтеня) показываютъ, что это изображеніе не было преувеличеніемъ.

Какъ въ прежнія времена, такъ и теперь крестьянамъ оставалось прибѣгать къ самозащитѣ, которую правительство и разрѣшало имъ, вызванное на это одинъ разъ (въ 1589 г.) просьбою Генеральныхъ штатовъ. Одно изъ подобныхъ правительственныхъ распоряженій относится къ 1598 году, когда были уже окончены и вѣшняя война, и внутренняя усобица.

ГЛАВА VII

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХІЯ БУРБУНОВЪ.

Экономическія мѣры Сюлли. Генеральныя штаты 1614 г. Возстанія, бродяжничество, эмиграція. Меркантилизмъ. Ришелье. Кольберъ. Мѣры противъ нищенства. Общественныя бѣдствія при Людовикѣ XIV. Свидѣтельства о печальномъ положеніи народа. Конецъ царствованія Людовика XIV. Возрастаніе налоговъ и нищета народа въ XVIII вѣкѣ. Упадокъ земледѣлія, голодные годы, вырожденіе народа. Голодные бунты. *Reste de famine*. Монархія Бурбуновъ и крестьяне. Произволь администраціи.

Слѣдя за судьбами французскаго крестьянства, мы до сихъ поръ ниразу не встрѣчались съ какой-либо сколько-нибудь крупной попыткой улучшить ихъ матеріальный бытъ: такихъ попытокъ и не было. Впервые возникла мысль о необходимости обратить вниманіе на экономическую сторону общественной жизни, чтобы поднять общее благосостояніе страны, только въ царствованіе Генриха IV, родоначальника бурбонской династіи (1589—1793), при его знаменитомъ министрѣ Сюлли. Сюлли является первымъ творцомъ систематической политики въ дѣлѣ народнаго хозяйства, провозглашая въ теоріи земледѣліе и скотоводство главными источниками національнаго богатства и требуя на практикѣ, чтобы правительство покровительствовало этимъ двумъ занятіямъ (1). Въ этомъ отношеніи Сюлли прямой предшественникъ физиократовъ, однихъ изъ главныхъ теоретиковъ крестьянскаго вопроса во второй половинѣ XVIII в. Для насъ однако важна не теорія Сюлли, какъ извѣстная ступень въ исто-

рическомъ развитіи политической экономіи, а характеръ его мѣропріятій, обусловленный общимъ его социальнымъ міровозрѣніемъ. Для него одною изъ главныхъ обязанностей правительства было покровительствовать земледѣлію и скотоводству, т. е. вообще сельскому хозяйству. Нѣтъ сомнѣнія, что, руководимый своею идеей, министръ долженъ былъ давать поддержку мирному труду, защищая работника и его трудъ отъ черезъ-чуръ воинственныхъ наклонностей тогдашняго высшаго въ сравненіи съ крестьяниномъ общества: безъ этого невозможенъ былъ какой-либо успѣхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Взятая съ этой стороны, теорія его была въ высшей степени благодѣтельна для крестьянъ, ставя ихъ подъ особое покровительство государства. Много приходилось терпѣть сельскому люду въ XVII и XVIII вв., но уже не отъ той анархіи, которая свирѣпствовала въ худшіе годы столѣтней войны, чтобы повториться, хотя и не въ такихъ уже размѣрахъ, во время религіозныхъ войнъ, раздиравшихъ Францію при послѣднихъ Валуа. По крайней мѣрѣ, съ этой стороны крестьянскій трудъ былъ обезпеченъ, если нельзя было отмѣнить феодальныхъ повинностей и уменьшить тяжесть казенныхъ налоговъ. Но дѣло не въ одномъ этомъ: возрожденіе сельскаго хозяйства, которое началось при Сюлли и по примѣру, показанному имъ на королевскихъ доменахъ, стало обнаруживаться въ частныхъ имѣніяхъ, — сопровождалось такой переимѣной въ самой системѣ хозяйства, какая не могла быть желательна для большинства сельскаго люда. Имѣя въ виду главнымъ образомъ улучшеніе національнаго хозяйства и увеличеніе національнаго дохода, Сюлли не задавался вопросомъ о крупномъ и мелкомъ хозяйствахъ съ точки зрѣнія выгоды или невыгоды того или другаго для массы крестьянъ. Между тѣмъ это была эпоха, когда сеньеры, желавшіе получать побольше доходовъ, начинали все болѣе и болѣе прибѣгать къ системѣ свободныхъ, но краткосрочныхъ контрактовъ на землю и съ этою цѣлью уничтожать даже, насколько это было возможно, цензивы: теперь, при новомъ фермерствѣ возможнымъ сдѣлалось увеличивать ренту каждый разъ, какъ возобновлялся контрактъ на землю.

Не скоро могъ, конечно, совершиться такой переворотъ, и не Сюлли является его главнымъ виновникомъ: пока онъ стоялъ во главѣ управленія, крестьяне испытывали на себѣ только благотѣльное вліяніе системы знаменитаго министра. Но, говоря словами Мишле, „романъ Генриха IV, Сюлли и Оливье де Серра (агронимическаго писателя эпохи) не осуществился. Они мечтали о добромъ господинѣ, живущемъ въ своемъ помѣстьѣ и вслѣдствіе разумнаго расчета благотѣльствующемъ своимъ крестьянамъ. Они полагали, что волкъ сдѣлается пастухомъ, вышло наоборотъ“, прибавляетъ Мишле. Прошло четыре года со смерти Генриха IV, когда на собранныхъ въ послѣдній разъ Генеральныхъ штатахъ (2), снова посыпались обвиненія на дворянъ, которые, по словамъ оратора третьяго сословія, хуже „тигровъ, львовъ и другихъ болѣе дикихъ звѣрей, произведенныхъ природою, вѣроятно, во время гнѣва на людей“,—и снова раздались жалобы на тяжелое положеніе народа, обремененнаго податями. „Если ваше величество, говорилъ ораторъ третьяго сословія,—если ваше величество не приметъ мѣръ, то отчаяніе, можно бояться, подскажетъ бѣдному народу, что солдатъ — тотъ же крестьянинъ, только вооруженный, и что когда виноградарь возьметъ за пицаль, онъ сдѣлается изъ наковальни молотомъ.“

Послѣднія слова оказались пророчествомъ, такъ какъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ крестьяне бунтовали постарому, хотя не всѣ народныя вспышки принимали размѣры того возстанія *босоножекъ* (*les nu-pieds*), которое было въ 1638 г. въ Нормандіи. Но это былъ только одинъ изъ симптомовъ ненормальнаго положенія дѣлъ: одновременно съ этимъ мы видимъ развитіе бродяжничества, которое во второй половинѣ вѣка достигло такихъ размѣровъ, что въ самомъ Парижѣ не знали, какъ отдѣлываться отъ бродягъ и нищихъ, являвшихся сюда изъ деревень, особенно въ голодные годы. Съ другой стороны, никогда не была такъ сильна эмиграція изъ Франціи въ Швейцарію, какъ въ XVII вѣкѣ. Впослѣдствіи она прекратилась, но нищенство и бродяжничество продолжали процвѣтать до самыхъ послѣднихъ дней бурбонской монархіи, какъ не превращались и на-

родные бунты, все чаще и чаще происходившіе изъ-за налоговъ пока къ нимъ въ XVIII в. не присоединились особаго рода безпорядки по поводу голодобою или дороговизны хлѣба. Романъ Генриха IV, Сюлли и Оливье де Серра, дѣйствительно, не осуществился.

Между временемъ Сюлли и появленіемъ фізіократовъ впродолженіи цѣлыхъ полутора вѣка отношеніе правительства къ земледѣлію было неособенно выгодно для послѣдняго. Со времени Ришелье во Франціи устанавливается система постановки на первый планъ интересовъ государства (3). Понимались эти интересы очень просто: государство, слава, могущество, богатство націи—были цѣлью всей общественной дѣятельности. *Salus populi* (послѣдній не въ смыслѣ агрегата единицъ, а въ смыслѣ высшаго недѣлимаго), *suprema lex*, — вотъ девизъ этого пониманія, а вотъ примѣненіе этого девиза къ жизни, какъ оно значитъ въ политическомъ завѣщаніи Ришелье: „народъ долженъ быть содержимъ въ покорности; подати служить къ тому, *чтобы ему не было слишкомъ хорошо*, чтобъ онъ не перешелъ границъ своихъ обязанностей... Усиленное занятіе науками повредитъ *торговль, обогащающей государства*, и земледѣлію, питающему народы, и произведетъ опустошеніе въ рядахъ солдатъ, которымъ приличнѣе грубое невѣжество, чѣмъ тонкость знанія.“ Такое пониманіе интересовъ государства создало цѣлую систему и въ экономической политикѣ XVII и XVIII ст. Она, эта политика опредѣляется словомъ *меркантилизмъ*, а достигнувъ наибольшаго развитія во Франціи при министрѣ Людовика XIV Больберрѣ, стала вполнѣ извѣстна также подъ названіемъ *кольбертизма*. Разсматривая эту систему по отношенію къ земледѣльческимъ классамъ, мы видимъ прежде всего, что она относилась очень неблагопріятно къ земледѣлію, оказывая особое покровительство государства обрабатывающей промышленности и торговлѣ, которыя, какъ говорили люди этой школы, особенно благопріятны для увеличенія доходовъ государства. Полагая, что богатство заключается въ деньгахъ, они такъ разсуждали о занятіи сельскимъ хозяйствомъ: хотя земледѣліе и необходимо для

существованія націи, но занятіе имъ не подымаеть національнаго богатства, ибо продукты его весьма скоро потребляются, а при вывозѣ на границу доставляютъ мало денегъ и вымѣниваются большею частью за фабрикатъ; чтобы получать съ иностранцевъ какъ можно болѣе денегъ, нужно обратить главное вниманіе на переработку этихъ продуктовъ для вывоза ихъ за границу. Позднѣйшимъ критикамъ меркантилизма казалось даже, будто бы въ виды этой системы входило умышленное разореніе деревень для того, чтобы поднять благосостояніе городовъ: въ этомъ, наприм., Ад. Смитъ обвиняетъ Кольбера, который, по его мнѣнію, сознательно давилъ деревню. Но это невѣрно: стоитъ только поближе познакомиться съ политикой Кольбера и Ришелье, который во многихъ отношеніяхъ является его предшественникомъ, — чтобы снять съ меркантилизма подобное обвиненіе. Знаменитый министръ Людовика XIII подумывалъ и о томъ, какъ бы сдѣлать таію полегче, и о томъ, какъ бы защитить земледѣльцовъ отъ разныхъ обидъ: однимъ изъ ордонансовъ 1633 года онъ запретилъ войскамъ останавливаться гдѣ-либо, кромѣ городовъ и бурговъ; въ другой разъ онъ предписалъ не употреблять варварскихъ способовъ при взиманіи податей, не описывать для продажи съ аукціона самага необходимаго, особенно скота и земледѣльческихъ орудій, не выносить изъ хижинъ оковныхъ рамъ и дверей. Но эти и другія подобныя распоряженія всемогущаго министра были бессильны передъ городской буржуазіей, не желавшей видѣть у себя плохо дисциплинированныхъ солдатъ, и передъ откупщиками налоговъ, считавшими позволительнымъ всякое средство, которое можно было только изыскать для полученія денегъ изъ крестьянскаго кармана. Когда Ришелье умеръ, когда въ малолѣтство Людовика XIV народъ снова сталъ терпѣть разныя бѣдствія отъ новыхъ попытокъ аристократіи возвратитъ доброе старое время, распоряженія великаго кардинала были окончательно забыты: на покрытіе податныхъ недоимокъ продавали скотъ, земледѣльческія орудія, а вѣгда нечего было продавать, недоимщика сажали въ тюрьму.

Подобный неуспѣхъ испытали и нѣкоторыя распоряженія Кольбера, которыми онъ думалъ спасти деревни отъ окончательнаго разоренія, каковы, напр., запрещеніе продажи скота за недоимки, удешевленіе соли, улучшеніе породъ домашнихъ животныхъ, защита сельскихъ общинъ отъ узурпаціи ихъ земель сеньерами. Впрочемъ, и самыя мѣры, которыми Кольберъ пытался поднять благосостояніе деревень, были чисто-палліативныя и не могли достигнуть своей цѣли уже не одному тому, что главныя хлопоты Кольбера были направлены къ цѣлямъ, противоположнымъ интересамъ земледѣлія. Каково бы тамъ ни было сознательное отношеніе Кольбера къ земледѣлію, общимъ результатомъ его системы должно было быть паденіе земледѣлія, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ. Ради поощренія мануфактуръ и торговли Кольберъ и его послѣдователи готовы были дѣлать все, и сколько бы повидимому ни стремились къ улучшенію земледѣлія, они не понимали, что сама система должна была разрушать мѣры, направленные къ послѣдней цѣли. Чтобы держать хлѣбъ въ низкой цѣнѣ для поощренія мануфактуръ, Кольберъ запретилъ вывозъ хлѣба за границу и этимъ отвлекъ капиталы въ города, а за капиталами потянулись туда и рабочіе, оставляя земледѣліе безъ достаточнаго количества рукъ, не говоря уже о томъ, что постоянная регламентація заставляла многихъ сельскихъ хозяевъ просто-на-просто бросать обработку своихъ земель. То же дѣйствіе имѣли и постоянныя пособія, которыя дѣлались изъ казны разнымъ фабрикантамъ, несмотря даже на то, что казна была бѣдна, а народъ разоренъ налогами. Кромѣ того, семьи, изъ коихъ трое дѣтей работали на фабрикахъ, освобождались отъ талин; для мануфактурныхъ городовъ происходило уменьшеніе налоговъ; негоціантамъ, которые должны были въ казну, дѣлались отсрочки съ тѣмъ, чтобы расширялось ихъ производство. Торговля компаніи равнымъ образомъ пользовались всевозможными субсидіями. Словомъ, дѣлалось все для развитія тѣхъ общественныхъ классовъ, которые являются представителями промышленности и торговли. Писатели весьма различныхъ направленій достаточно уже установили связь меркан-

тилизма съ развитіемъ буржуазіи, и напр., Каутцъ, восхваляющій меркантилизмъ за его содѣйствіе замѣнѣ феодально-средневѣковыхъ отношеній и первобытнаго хозяйства мощью капитала, промышленности и торговли, самъ замѣчаетъ однако, что при этомъ счастье и благосостояніе однихъ классовъ воздвигалось на несчастіи и нищетѣ другихъ. Понятно поѣтому, что при Кольберѣ, не смотря на совершенное умиротвореніе страны послѣ смутъ первыхъ годовъ царствованія Людовика XIV* и не смотря на сравнительную съ послѣдующимъ временемъ бережливость казны, положеніе государства было весьма плачевное, и съ именемъ Кольбера современники связывали нерѣдко представленіе о народныхъ бѣдствіяхъ. Извѣстна, напр., такая шарада:

venance France fer Colbert
g de la k la France *);

извѣстны и такіе стихи, обращенные къ Кольберу:

Prétends-tu, maudit partisan,
Le ciel pour récompense
Du vol du pauvre paysan
Et de toute la France.

Но къ чему долженъ былъ вести этотъ *vol du pauvre paysan*, какъ не къ тому, что обезземеленные крестьяне, не будучи въ состояніи стольже быстро поглощаться создававшимися мануфактурами, какъ являлись на свѣтъ, и будучи выброшены изъ обычной жизненной колеи, превращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ, которыхъ, какъ имѣющихъ свободную волю, наказывали за нежеланіе работать: такъ ордоннансъ 1677 года посылалъ на галеры каждаго взрослого здороваго мужчину отъ 16 до 60 лѣтъ, если у него не было занятій и средствъ къ существованію, а одинъ изъ позднѣйшихъ эдиктовъ (1685 г.) давалъ властямъ право присуждать къ разнымъ наказаніямъ *sans autre forme ni figure de procès* людей, пойманныхъ въ нищенствѣ. Это была пора, когда правительство весьма было озабочено развитіемъ

* J'ai souvenance de la souffrance, qu'a souffert la France sous Colbert.

флота: для галеръ покупали Турокъ, Русскихъ, Петровъ; предписывалось ссылать на галеры наибольшее количество подсудимыхъ; при усмирении бунтовавшихъ крестьянъ властямъ заранѣе назначали цифру, сколько присудить къ каторгѣ,—тогда-то одинъ интендантъ и посовѣтоваль Кольберу воспользоваться для той же цѣли нищими, на что министръ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на неимѣніе на это особаго закона. Законъ такой, какъ мы видимъ, былъ изданъ, и въ XVIII вѣкѣ королевскіе ординансы его не разъ возобновляли.

Какъ бы мы ни судили однако о Кольберѣ, управление финансами въ его министерство все-таки отличалось нѣкоторою бережливостью, насколько, по крайней мѣрѣ, это зависѣло отъ самого министра. Послѣ его удаленія въ частную жизнь Францію ожидала самая безумная расточительность Людовика XIV, разаръ тратившаго на свои увеселенія столько, сколько могла стоить цѣлая кампанія, и бывшаго готовымъ воевать съ цѣлымъ свѣтомъ. Налоги росли. Голодъ дѣлался хроническимъ (4). Голодные годы чередовались съ эпидеміями. По временамъ вспыхивали бунты. „Спѣшимъ прибавить, говоритъ историкъ эпохи, Клеманъ, рассказывая объ этихъ бунтахъ,—что всѣ эти возстанія, кромѣ печальнаго событія въ Севеннахъ, были вызваны увеличеніемъ налоговъ.“ Въ своихъ *Instructions au dauphin* Людовикъ XIV такъ самъ рассказываетъ о причинахъ одного бунта въ Булоннѣ: „я хотѣлъ наложить на него очень маленькую сумму только для того, чтобы тамъ знали, что я на это имѣю власть и право. Простой народъ, испуганный вещью, которая показала ему новшествомъ, или изподтишка возбуждаемый дворянствомъ, взволновался, противясь моимъ приказаніямъ. Увѣщанія и кротость тѣхъ, кому я поручилъ приведеніе въ исполненіе моихъ приказаній, будучи приняты за робость или за слабость, еще болѣе увеличили ропотъ, вмѣсто того, чтобы его утишить.“ Чуть не постоянная война, постоянное возрастаніе налоговъ, голодъ, эпидеміи, частое повтореніе бунтовъ и экзекуціи надъ недовольными, — такова оборотная сторона блестящаго „вѣка Людовика XIV.“ Всѣ сколько-нибудь правдивые источни-

ки для исторіи эпохи свидѣтельствуютъ о поразительной нищѣтѣ народа въ царствованіе Людовика XIV. Около 1700 года по мысли герцога бургундскаго были собраны донесенія интендантовъ о современномъ состояніи Франціи. Невеселую картину рисуютъ они, и все, что ни говорятъ эти документы, находитъ подтвержденіе въ массѣ другихъ свидѣтельствъ. „Нѣтъ болѣе дикой націи, говоритъ интендантъ Буржа, нежели эти народы: часто можно видѣть въ деревнѣ толпы, сидяція кружками на поляхъ, всегда далеко отъ дороги; стоитъ лишь къ нимъ подойти, и эта шайка тотчасъ разбѣгается въ разныя стороны.“ Мадамъ де Севинье описываетъ бретонцевъ, какъ какихъ-то идиотовъ, и удивляется, какъ могъ дю-Гекленъ сдѣлать изъ нихъ прежде лучшихъ для своего времени солдатъ Франціи. „Въ деревнѣ, пишетъ Лабрюйеръ, вы увидите множество дикихъ животныхъ, самцовъ и самокъ, черныхъ, посинѣвшихъ, сожженныхъ солнцемъ, вѣчно съ какимъ-то непобѣдимымъ упорствомъ копающихся въ землѣ; у нихъ какъ-будто есть членораздѣльная рѣчь, и когда они поднимаются на ноги, они показываютъ человѣческій обликъ, да и на самомъ дѣлѣ это — люди; на ночь они уходятъ въ свои берлоги, въ которыхъ и живутъ, питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями“. — „Ваши народы умираютъ съ голода, читалъ король въ анонимной запискѣ, вышедшей, вѣроятно, изъ-подъ пера архіепископа камбрѣйскаго, — земледѣліе почти оставлено, города и деревни пустѣютъ, ремесла въ упадкѣ и не прокармливаютъ болѣе работниковъ.... Цѣлая Франція не что иное, какъ громадный госпиталь, печальный и безъ средствъ. Народныя волненія, которыхъ давно уже не было слышно, дѣлаются частыми.“ — „Нищета дошла до послѣдней крайности, читаемъ мы еще въ одномъ современномъ свидѣтельствѣ, — королевство, истощенное безконечными поборами людьми и деньгами, теперь только обширная и печальная пустыня; слезы, жалобы, возраженія народа, запрещены и наказываются наравнѣ съ преступленіями. Вельможи, которые одни могли бы воспротивиться этимъ насиліямъ, раздѣляя добычу, взятую съ націи и выгоды тиранніи, думаютъ только о ея утвержденіи.“ —

„Невозможно, писать въ первой половинѣ XVIII вѣка аббатъ С. Пьеръ, — невозможно побывать въ деревнѣ, не сдѣлавшись свидѣтелемъ вопіющихъ несправедливостей... Невозможно имѣть хотя немного человѣколюбія и не огорчаться глубоко, видя страшныя притѣсненія, видя, какъ сборщики податей безъ жалости отнимаютъ у отцовъ и матерей самую возможность одѣвать и кормить своихъ маленькихъ дѣтей.“

Но особенно печаленъ былъ конецъ царствованія Людовика XIV, когда происходила трудная и несчастная для Франціи война за испанское наслѣдство, во время которой королевство посѣтилъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ голодныхъ годовъ (1709 г.). Напрасно съ церковной кафедрой раздавался въ это время въ присутствіи короля и двора могучій голосъ Массильона, говорившаго такія рѣчи: „когда города и деревни поражены бѣдствіями, когда люди, созданные по образу и подобию Бога и искупленные Его кровью, ѣдятъ траву, какъ скотина, и въ послѣдней крайности бѣгаютъ по полямъ, ища пищи, которую земля не назначала для человѣка, и которая для нихъ—пища смерти, — можете ли вы одни быть счастливы? Когда измѣнился видъ всего королевства и когда вокругъ вашего пышнаго жилища повеюду раздаются крики и стоны, неужели вы сохраните внутри его тотъ же признакъ радости, великолѣпія, спокойствія и изобилія?“—Это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: въ то самое время, какъ по дороговизнѣ хлѣба въ самомъ Парижѣ происходили безпорядки, „никогда, по словамъ современниковъ, не было столько удовольствій, гуляній и развлеченій“. Къ той же несчастной эпохѣ относится и слѣдующій эпизодъ изъ финансовой исторіи Франціи: казна была пуста, налоги возросли до *pes plus ultra*, платежныя силы страны истощились, а Людовику нужны были деньги. Кто-то посовѣтовалъ королю воспользоваться проектомъ маршала Вобана о *королевской десятинѣ*, которою маршалъ думалъ замѣнить всѣ существовавшіе дотолѣ налоги: только новый совѣтникъ предлагалъ прибавить эту десятину ко всѣмъ прежнимъ податямъ. Король долго сомнѣвался, можетъ ли онъ безъ грѣха поступить такимъ образомъ, пока духовникъ

его Летелье его не успокоилъ справкою у непогрѣшимыхъ авторитетовъ Сорбонны: когда король, абсолютный господинъ своихъ подданныхъ, беретъ у нихъ деньги, онъ только присвоиваетъ себѣ то, что уже и такъ ему принадлежитъ. „Вы очень меня облегчили, сказалъ Людовикъ своему духовнику, — и я теперь спокоенъ.“ И новый налогъ былъ установленъ!

Въ 1715 году старый король умеръ, оставивъ своему наслѣднику королевство, „терзаемое волками и пожираемое вшами,“ какъ выразился герцогъ С. Симонъ. Даже население Франціи въ 1715 г. было меньше, нежели за сто лѣтъ передъ тѣмъ: съ 1700 г. оно уменьшилось, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, на цѣлую пятую часть.

Три четверти вѣка, протекшія со смерти Людовика XIV до начала революціи, точно также наполнены извѣстіями какъ о возрастаніи налоговъ, такъ и о разореніи деревень (5). Напр., талія, которая въ 1439 г., доставляла въ казну менѣе двухъ милліоновъ ливровъ и при Кольберѣ дошла уже до сорока милліоновъ, — за столѣтіе, протекшее между управленіемъ Кольбера и министерствомъ Неккера возросла болѣе, чѣмъ въ два раза, достигши 91 милліона. Это увеличеніе налоговъ не было равномерно для всѣхъ мѣстностей: въ одной деревнѣ Женвилье, напр., талія съ 1715 по 1789 г. возросла болѣе, чѣмъ въ 8½ разъ, въ Вермантонѣ за періодъ съ 1687 по 1780 съ 7,897 ливровъ до 12,768, но едва ли не самый замѣчательный примѣръ представляетъ деревня Pierreville, которая въ 1775 году платила 1,915 ливровъ, а въ 1782 г. уже 4,783 ливра. Такъ возрастали старыя подати, но дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ возникали и новыя: въ 1695 г. Людовикъ XIV установилъ капитацію, которая вмѣстѣ съ таліей въ началѣ XVIII вѣка давала казнѣ 66 милліоновъ, а въ 1789 г. уже 110. Въ 1710 г. возникли *двадцатины* (*vingtièmes*). Это была та самая *королевская десятина* Вобана, которую такъ искажилъ Людовикъ XIV. Исторія этого подоходнаго налога довольно сложная: его то отмѣняли для извѣстнаго рода доходовъ, то возстановляли снова; въ 1756 г. двадцатины были удвоены, а въ періоды отъ 1760 до 1763

и отъ 1783 до 1786 г. онѣ даже утроивались. Въ 1789 г. каждая двадцатина давала болѣе 25 милліоновъ ливровъ (55 милл. двѣ двадцатины), не считая третьей, устанавливаемой временно только и дававшей до $21\frac{1}{2}$ милліона. А косвенные налоги! Одна *габель* (соляной налогъ) чего стоила, когда въ 1787 году доходъ съ нея возросъ уже до $76\frac{1}{2}$ мил. ливровъ. Нѣсколько бунтовъ вызвано было этимъ налогомъ, и когда онъ не былъ еще такъ великъ, въ 1675 году, во время бунта въ Бордо даже дѣти кричали: *vive le roy sans gabelle!* Помимо того, что онъ былъ очень тяжелъ, взиманіе его было крайне произвольно: законъ обязывалъ cadaго купить извѣстное количество соли, досмотрщики откупщиковъ дѣлали обыски въ домахъ поселянъ, разыскивая контрабандную соль, и за одно царствованіе Людовика XIV 80 тысячъ человекъ пошло на галеры по обвиненію въ этомъ преступленіи. По вычисленію же одного официальнаго документа 1787 г., ежегодно по случаю неисправности въ габели бывало 4,000 конфискацій, 3,400 приговоровъ къ тюремному заключенію, 500 приговоровъ къ плети, изгнанію, галерамъ! Наконецъ, на крестьянахъ лежали разныя натуральныя повинности по исправленію дорогъ, перевозкѣ войскъ и каторжниковъ и пр. и пр. Слѣдующая табличка лучше всего можетъ показать, какъ возросли налоги менѣе, чѣмъ въ двѣсти лѣтъ съ 1607 по 1786 годъ:

	1607	1645	1690	1715	1786
Прямые налоги	16	54	41	96	229
Косвенные	11,5	35	70	60	311
Итого	27,5	89	111	156	540

(Цифры показываютъ милліоны ливровъ).

Всѣ эти налоги были распределены между отдѣльными сословіями крайне неравномѣрно. Передъ революціей духовенство уплачивало государству въ видѣ налоговъ никакъ не больше четверти своего дохода, дворянство только одну шестую, а третье сословіе приблизительно двѣ трети.

Одною изъ главныхъ привилегій духовенства и дворянства было полное или частное изъятіе изъ податей, такъ что почти

вся ихъ масса лежала на третьемъ сословіи. Но и здѣсь была та же неравномѣрность: были привилегированныя положенія отдѣльныхъ лицъ, дѣйствовала протекція, существовали привилегіи мѣстныхъ, и ко всему этому прибавьте какой-то непонятный беспорядокъ въ обложеніи: въ генеральствѣ руанскомъ нѣкоторые приходы платили налогъ въ четыре раза болѣе тяжелый, чѣмъ другіе; въ Шампани одни приходы на 100 ливровъ дохода платили 54 ливра 15 су, а въ другихъ налогъ доходилъ до 71 ливра 13 су. Особенно чудовищная несообразность существовала въ отбываніи габели: вся Франція была раздѣлена на 6 областей, и въ одной изъ нихъ, наприм., каждый житель должезъ былъ купить $6\frac{1}{2}$ фунтовъ соли, платя по 62 ливра за квинталь, а въ другой $19\frac{1}{2}$ фунтовъ соли, платя по 16 ливровъ за квинталь. Какой-нибудь несчастный поденщикъ, на котораго по бѣдности не могли наложить болѣе 10 су талии и капитаціи, въ видѣ габели платилъ 21 ливръ 11 су за себя и за 4 дѣтей. Понятно, какою большою процентъ крестьянскаго дохода уходилъ иногда на эти платежи: 42% представляютъ еще отношеніе благопріятное, бывало, что налогъ составлялъ 55%, 70% и даже 85% дохода! Но вѣдь, кромѣ того, существовали еще феодалныя повинности, которыя въ соединеніи съ казенными податями превышали иногда доходъ съ земли: приходилось тогда *дегертировать* свои земли, т. е. отгаиваться отъ нихъ въ пользу сеньера или отдавать ихъ въ пользованіе сборщика податей съ приплатою еще 10% талии. При всемъ томъ недоимки разоряли окончательно не только плательщиковъ, но и сборщиковъ податей: въ 1785 году въ одномъ небольшомъ округѣ Шампани было посажено въ тюрьму 95 сборщиковъ, въ 1777 г. въ 179 приходахъ округа Буржа было 1392 случая принудительныхъ мѣръ противъ сборщиковъ талии. А казна все-таки была пуста: дефицитъ, явившійся впервые въ 1635 г., доходилъ въ 1789 г. до 56. слишкомъ милліоновъ ливровъ при долгѣ въ $4\frac{1}{2}$ милліарда.

И новыхъ доходовъ ждать было неоткуда: земледѣліе приходило въ упадокъ. Множество извѣстій изъ XVIII вѣка повторяетъ одно и то же: громадныя пространства земли остаются

безъ всякой обработки; земли, прежде пахавшіяся, теперь запускаются, а тѣ, на которыхъ ведется еще хозяйство, обрабатываются такъ же дурно, какъ обрабатывались, можетъ быть, въ десятомъ вѣкѣ. Голодные годы то и дѣло посѣщали страну: за страшнымъ 1709 годомъ идутъ не менѣе страшные 1725, 1740—42, 1745, 1767—8, 1775—6, 1784 годы, въ которые голодала то та, то другая провинція. Въ 1740 г. Массильонъ, бывший епископомъ клермонскимъ, писалъ кардиналу Флери, управлявшему Франціей: „Народъ нашихъ деревень *) живетъ въ страшной бѣдности, безъ постелей, безъ домашней утвари; у большей части цѣлые полгода нѣтъ даже ячменнаго или овсянаго хлѣба, ихъ единственной пищи, которую они должны вырывать изо рта у себя и у своихъ дѣтей, чтобы платить подати... Народъ доведенъ до такой крайности, что Негры нашихъ острововъ въ тысячу разъ счастливѣе, ибо, работая, они съ женами и дѣтьми получаютъ пищу и платье, тогда какъ наши крестьяне, самые трудолюбивые въ королевствѣ, не могутъ даже при помощи самаго упornaго труда, имѣть хлѣбъ для себя и для своихъ семействъ и уплачивать подати.“ Таково было положеніе Оверни, когда она платила шесть милліоновъ налога: черезъ полвѣка на ней уже лежало болѣе 12 милліоновъ.

Когда нѣтъ хлѣба, думать о чемъ-нибудь другомъ некогда. Крестьянскія жилища имѣли самый плачевный видъ: во многихъ не было даже оконъ, нѣкоторыя хижины не имѣли печей, и жители ихъ должны были въ холодное время года грѣться въ хлѣвахъ. Одежда крестьянская была самая жалкая, и даже для зимы они не имѣли часто ничего, кромѣ полотняной блузы и пеньковаго плаща; обувь иногда совершенно отсутствовала въ костюмѣ поселанина или состояла изъ тяжелыхъ деревянныхъ башмаковъ. Жилью и одеждѣ соответствовала и ѣда: овесъ, ячмень, рѣпа, каштаны и хлѣбъ самаго плохаго каче-

*) Въ Оверни.

ства, составляли исключительную пищу сельскаго населенія. Такой режимъ велъ къ вырожденію народа. Свидѣтельства XVIII вѣка говорятъ о страшной смертности дѣтей, о слабости, худобѣ, малорослости крестьянъ. Гдѣ было думать о какомъ-либо благосостояніи, когда одежда и пища семьи поденщика должны были стоить около 400 ливровъ въ годъ, а ея заработокъ рѣдко превышалъ 300 ливровъ? Немудрено поэтому, если извѣстія о бытѣ крестьянъ въ XVIII в. говорятъ только о крайней нищетѣ, въ которой находились послѣдніе. Вотъ, напр., что писалъ графу Панину нашъ Фонвизинъ изъ своего заграничнаго путешествія: „Я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофинэ, Лионъ, Бургонь, Шампань. Первые двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ... Въ семъ плодороднѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду.“

Но пусть говорятъ цифры. Въ Аржантрэ, въ Бретани, изъ 2,300 жителей болѣе 500 доведено было до нищенства; изъ 1500 жителей С. Патриса, въ Нормандіи, до 400 жило милостыней; въ деревняхъ округа *Carhaix* существовали такія отношенія: *Frégogan*: 10 достаточныхъ семей, 10 бѣдныхъ, 10 нищенствуютъ; *Mortref*: 47 зажиточныхъ семей, 74 менѣе достаточныхъ, 64 нищихъ и поденщиковъ. Въ городахъ не лучше: въ Лионѣ въ 1787 г. нищенствовало 30 т. рабочихъ; въ Парижѣ на 650 т. жителей приходилось 118,784 бѣдняковъ (*indigents*). Во время революціи число нищихъ опредѣляли даже цѣлыми миліонами, и уже задолго до ея начала были зловѣщіе признаки будущихъ потрясеній отъ безработицы, нищеты и голода. Города наполнялись праздными людьми, искавшими тамъ работы, спасенія отъ налоговъ, отъ милиціи и т. д.: всюду жаловались на опустѣніе деревень, на недостатокъ рабочихъ рукъ, а въ

городахъ не знали, какъ отдѣлаться отъ нищихъ. И въ городахъ, и въ деревняхъ эти голодные и полуголодные люди предавались грабежу, производили беспорядки, бунтовали. XVIII вѣкъ является даже съ своей особой причиной возстаній: ихъ вызываютъ не феодальныя притѣсненія, не возростаніе налоговъ, не обиды со стороны солдатъ, вызываетъ ихъ просто-на-просто голодъ, наиболѣе рельефнымъ примѣромъ чего была такъ называемая мучная война (*la guerre des farines*), происшедшая во время министерства Тюрго (1775). Можно сказать, что отъ каждаго года прошлаго вѣка существуетъ одно или нѣсколько извѣстій о скопищахъ и возмущеніяхъ изъ-за хлѣба, о грабежахъ хлѣбныхъ обозовъ, о нападеніяхъ на амбары, склады, магазины, о сопротивленіи властямъ и пр. и пр. Дѣло въ томъ, что у громаднаго большинства крестьянъ не было и не могло быть никакихъ запасовъ хлѣба: половники, напр., должны были нерѣдко занимать хлѣбъ для своего пропитанія отъ жатвы до жатвы, и случилось, что, не имѣя возможности достать хлѣба, крестьяне преждевременно снимали жатву. Все зерно и вся мука находились въ рукахъ разныхъ барышниковъ, наживавшихъ большія деньги на своихъ спекуляціяхъ. Они-то и были главнымъ предметомъ народной ненависти во время беспорядковъ, носившихъ названіе *des troubles à cause des gains*. Что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ дѣлали малкіе барышники, то въ цѣлыхъ провинціяхъ совершали крупныя спекулянты, составлявшіе изъ себя цѣлыя компаніи. Самая замѣчательная изъ нихъ извѣстна подъ названіемъ голоднаго договора, *расте de famine*. Дѣло было вотъ въ чемъ: для наблюденія за правильнымъ распредѣленіемъ хлѣба во Франціи существовала при Людовикѣ XV особая коммиссія, члены которой стали спекулировать на свои и на королевскія деньги, такъ что съ этой компаніей, ведшей обширную хлѣбную торговлю *pour le compte du roi*, не рѣшался вступить въ конкуренцію ни одинъ торговецъ. Зная нерасположеніе народа ко всякаго рода монополіямъ, администрація хранила вообще въ тайнѣ даже существованіе этой компаніи, но о голодномъ договорѣ всѣ

знали и рассказывали самыя невѣроятныя вещи. Несомнѣнно однако то, что королевскимъ правомъ дозволить и запрещать свободную торговлю хлѣбомъ компанія пользовались, — не безъ вѣдома самого короля, по всей вѣроятности, — въ интересахъ постыдной спекуляціи: запретивъ вывозъ хлѣба изъ провинціи, гдѣ его было много, понижали его цѣну и по удешевленной цѣнѣ покупали его „для короля,“ чтобы потомъ перепродать по дорогой цѣнѣ въ провинціяхъ, гдѣ хлѣба было мало. Въ пасквильной эпитафіи, которую приклеивали на улицахъ по смерти Людовика XV, намекалось на эту королевскую спекуляцію.

Ci gît le bien aimé Bourbon,
Monarque d'assez bonne mine
Et qui paye sur le charbon
Ce qu'il gagnait sur la farine.

Самъ Людовикъ XV хорошо понималъ однако положеніе дѣлъ: „будь я на мѣстѣ моихъ подданныхъ, говорилъ онъ, я непремѣнно возмутился бы.“ Но ему въ сущности не было никакого до этого дѣла: *après nous le déluge!*

Въ такое состояніе привела Францію бурбонская монархія XVII и XVIII вѣковъ. Но иныхъ результатовъ и невозможно было бы ждать отъ королевской власти, вышедшей изъ нѣдръ феодальной аристократіи и сохранившей съ нею особую связь, отъ государственной системы, созданной Ришелье и развитой его политическими преемниками, системы, направлявшей всѣ силы страны на служеніе государству и подвергавшей сильному сомнѣнію выгоду для государства зажиточности массы, и отъ экономическаго режима, наконецъ, созданнаго потребностями новаго государства, изъ этого покровительства промышленности на счетъ земледѣлія, крупныхъ предпріятій на счетъ мелкаго производства, — не забывая при этомъ о существованіи такихъ представителей власти, каковы Людовики XIV и XV, цѣликомъ охарактеризовавшіеся въ двухъ знаменитыхъ фразахъ: *l'état—c'est moi* и *après nous le déluge*. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря феодальному характеру королевской власти, государство не освободило окончательно массы отъ феодальной зависимости

и оставило за дворянствомъ и духовенствомъ тягостныя для народа привилегіи; нуждаясь все въ большемъ и большемъ количествѣ денегъ, оно видѣло въ народъ только податную массу, существующую для служенія государству; находя выгоду для развитія національнаго могущества и богатства въ поощреніи крупной промышленности и торговли, оно глядѣло на трудъ земледѣльца глазами крупнаго промышленника. До послѣднихъ дней своего существованія старая монархія сохраняла этотъ характеръ, и Людовикъ XVI, не осмѣлившійся освободить сеньерьяльныхъ сервовъ въ 1778 году, оказалъ въ 1789—90 годахъ нѣкоторую храбрость, сопротивляясь декретамъ національнаго собранія, отмѣнявшимъ феодальный режимъ. Даже хорошей и справедливой администраціи не сумѣло устроить это правительство: главные хозяева областного управленія интенданты, установленные первоначально „для немедленнаго и быстрого взыванія податей“ и сдѣлавшіеся, какъ говорили въ прошломъ вѣкѣ, визирями и пашами, подавали самый дурной примѣръ своимъ подчиненнымъ. Вотъ что писалъ, наприм., о нихъ нашъ путешественникъ по Франціи въ 1778 г., Фонвизинъ въ одномъ письмѣ къ графу Панину: „Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта, но что есть интендантъ? *Воръ, имлющій полномочіе грабить провинцію безотчетно...* Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастанія, и принуждаетъ чрезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлитъ заблаго-разсуждаетъ. — Здѣшніе злоупотребленія и грабежи, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, конечно, не менѣе у насъ случающихся.“

ГЛАВА VIII

ПОСТАНОВКА КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Вобанъ и Буагильберъ. Происхожденіе крестьянскаго вопроса. Особенности его постановки въ XVIII вѣкѣ. Общій характеръ реформъ Людовика XVI. Феодальный режимъ. Отношеніе къ нему сеньеровъ, юристовъ, экономистовъ. Тюрго и Бонсерфъ. Вопросъ о сервахъ при Людовикѣ XVI. Агрономическая мода. Характеръ агрономическаго направленія. Вредныя сельскохозяйственныя мѣры. Физіократія. Проповѣдь фермерской обработки земли наемными рабочими. Мелкая собственность, фермерство, половничество, безземельные рабочіе во Франціи наканунѣ революціи. Экономическій переворотъ, совершавшійся въ деревняхъ въ XVIII в. Реформа сельскихъ сходовъ. Отношенія къ крестьянамъ разныхъ общественныхъ состояній до-революціонной Франціи. Вопросъ о финансовыхъ привилегіяхъ. Отношеніе правительства къ крестьянскому вопросу. Критики постановки крестьянскаго вопроса и сельскіе cahiers 1789 г. Общее значеніе революціи.

Не всѣ въ царствованіе Людовика XIV были согласны съ мыслью, выраженной въ извѣстномъ стихѣ Буало:

L'univers sous ton règne a-t-il des malheureux? Въ концѣ этого долгаго царствованія славословія поэтовъ стали смѣняться отношеніями совсѣмъ иного рода, и на вопросъ, поставленный Буало, посыпались отвѣты, далеко не отрицательнаго свойства: съ начала XVIII вѣка все болѣе и болѣе ощущается потребность въ реформѣ, пока наконецъ эта потребность, не бывши удовлетворена во время, не разразилась революціей (1). Первыми писателями, обратившими вниманіе правительства и общества на бѣдственное положеніе народа, были маршалъ Вобанъ и Буагильберъ (2). Вобану принадлежатъ извѣстное сочиненіе о *королевской десятинѣ* (La dime royale, 1707 г.), въ которомъ онъ выставилъ слѣдующіе тезисы: 1) естественная обя-

занность всѣхъ подданныхъ всякаго состоянія платить подать пропорціонально своему доходу или заработку (*industrie*), такъ чтобы никто отъ этого не уклонялся; 2) всякая привилегія, стремящаяся къ изъятію отъ этой подати, есть несправедливость и злоупотребленіе и не должна и не можетъ существовать, такъ какъ наноситъ ущербъ обществу. Собственный финансовый планъ Вобана состоялъ въ замѣнѣ всѣхъ налоговъ однимъ, королевскою десятиною. „Я считаю, пишетъ между прочимъ Вобанъ,—я считаю своимъ долгомъ и своею нравственною обязанностию доложить его величеству, что, какъ мнѣ кажется, во всѣ времена во Франціи *не обращали достаточно вниманія на простой народъ* и что *его всегда ни въ грошъ не ставили*. Это самая разоренная и самая жалкая часть королевства, и однако это та часть, которая наиболѣе значительна по своей численности, по важнымъ и дѣйствительнымъ услугамъ, ею оказываемымъ, ибо она несетъ на себѣ всякія тяжести и болѣе всѣхъ страдаетъ.“ Напрасно изучалъ Вобанъ около двадцати лѣтъ экономическое состояніе королевства, чтобы имѣть возможность давать хорошіе совѣты своему государю: всѣ прежнія его заслуги, какъ маршала, были забыты, онъ впалъ въ немилость, а проектомъ его воспользовались только для того, чтобы, исказивъ его сущность, создать новый налогъ, двадцатину. Подобная же судьба постигла и другаго автора, осмѣлившагося представить настоящее положеніе дѣлъ въ государствѣ: за свою книгу *Le détail de la France sous le règne de Louis XIV* онъ былъ высланъ въ самую глушь Оверни, а его планы такъ и остались планами. Впрочемъ, сочиненія Вобана и Буагильбера имѣли характеръ чисто фискальный: главная ихъ мысль та, что всѣ бѣды происходятъ отъ чрезмѣрнаго и неравномѣрнаго обложенія народа податями, мысль, которая не умирала до самой революціи, породивъ множество плановъ облегченія положенія народа посредствомъ финансовой реформы.

Не надолго однако удалось заставить молчать людей, подобныхъ Вобану и Буагильберу: невозможно было постоянно закрывать глаза на вѣчный дефицитъ, на вѣчныя недоимки, на

ослабленіе платежныхъ силъ страны, на упадокъ земледѣлія и промышленности, на недостатокъ рабочихъ рукъ, на развитіе нищенства, на частое повтореніе голодныхъ годовъ, на умноженіе преступленій, на безпрестанныя бунты; „просвѣщенный“ вѣкъ не могъ не обратить вниманія на тѣ внутреннія противорѣчія, которыми страдала общественная жизнь; не доставало хлѣба, а земли пустовали за недостаткомъ рукъ, которыя ихъ обработали бы; не было рабочихъ рукъ, а города и деревни были переполнены разными праздношатающимися, не находившими себѣ работы и потому нищенствовавшими, и наконецъ, тѣ, силы которыхъ были приложены къ производству хлѣба, кормились не, своимъ, а взятымъ въ долгъ или купленнымъ на рынкѣ хлѣбомъ. Эти патологическія явленія, эти противорѣчія, дѣйствительно, обратили на себя вниманіе общества и правительства, которыя сами такъ или иначе терпѣли отъ общаго разстройства. Искорененіе нищенства дѣлается вопросомъ, разсматривавшимся во множествѣ произведеній тогдашней публицистики, предметомъ желанія всѣхъ сословій и особеннаго вниманія со стороны правительственныхъ органовъ. Улучшеніе сельскаго хозяйства становится другою задачею времени, о которой толкуетъ пресса. общество, которая дѣлается предметомъ особой заботливости правительства. Потомъ идутъ проекты реформъ финансовыхъ, разсужденія о хлѣбной торговлѣ, о привлеченіи рабочихъ рукъ къ земледѣлію и пр. и пр. Но все это совершалось какъ-то разрозненно: на искорененіе нищенства смотрѣли съ точки зрѣнія полиціи нравовъ; въ вопросахъ сельскаго хозяйства господствовала одна техника; экономисты не обращали вниманія на отношенія юридическія; юристы игнорировали хозяйственную сторону правовыхъ отношеній,—словомъ, не было ничего объединяющаго: *крестьянскій вопросъ* ставился и рѣшался по частямъ. Понятно, что при такой постановкѣ вопроса сами крестьяне являлись чѣмъ-то второстепеннымъ при рѣшеніи специальныхъ вопросовъ: для финансистовъ это были плательщики налоговъ, для агрономовъ рабочая сила и т. д. Какъ причина возникновенія *крестьянскаго вопроса*, такъ и сущность вообще социологичес-

каго метода, господствовавшего въ XVIII в., и особенность въ частности фізіократической политической экономіи, какъ реакціи противъ меркантилизма, были такого рода, что ни политики, ни экономисты не могли поставить крестьянскаго вопроса во всей его полнотѣ: одни были слишкомъ отвлечены, слишкомъ мало думали о практическомъ примѣненіи своихъ ученій, чтобы не только сѣумѣть поставить крестьянскій вопросъ, но хотя бы оказать своими теоріями какое-либо вліяніе на его постановку; другіе слишкомъ увлеклись своей полемикой съ меркантилизмомъ и взяли изъ окружающей дѣйствительности для изображенія своего идеальнаго общественнаго строя слишкомъ много такихъ чертъ, которыя характеризовали тогдашнія аграрныя отношенія, въ высшей степени ненормальныя: фізіократы—родня агрономовъ, у которыхъ на первомъ планѣ стояло хозяйство, а не хозяйство. Не безъ вліянія во всей этой исторіи были и пренебреженіе общества къ грубой черни и желаніе части этого общества сохранить существующій порядокъ. Правда, борцы XVIII в. инстинктивно стояли за народъ всюду, гдѣ они могли понять его страданія, но всѣ привычки жизни и мысли отталкивали представителей мысли XVIII в. отъ вѣрнаго пониманія причинъ народныхъ бѣдствій. Притомъ у нихъ было столько вопросовъ, волновавшихъ ихъ собственный кругъ, ихъ общество, что только порывами, случайно они становились на защиту страдающаго народа, которому были чужды всѣми частностями своей культуры. Всѣмъ однако извѣстенъ, наприм., походъ, предпринятый Вольтеромъ противъ остатковъ крѣпостнаго состоянія во Франціи: это одна ихъ лучшихъ страницъ его біографіи, но вся энергія, вся горячность, на какую только былъ способенъ „фернейскій патріархъ“ въ подобныхъ случаяхъ, на этотъ разъ пропала даромъ. Другія лица образованнаго общества, наоборотъ, были глухи къ народнымъ бѣдствіямъ, и всѣ юристы, напр., оставались ярыми защитниками феодальныхъ правъ и вовсе не думали подготовить рѣшенія вопроса объ ихъ уничтоженіи: когда настало для этого время съ началомъ революціи, не знали, какъ взяться за дѣло. Этой раздробленности вопроса соотвѣт-

ствовала и частичность реформъ, предпринятыхъ Людовикомъ XVI. Не говоря уже о томъ, что онѣ были нерѣшительны, робки, что подѣ влияніемъ привилегированныхъ король не только отпускалъ отъ себя такихъ совѣтниковъ, какъ Тюрго и Некеръ,—мы не видимъ никакого единства, никакого общаго плана: онѣ производятъ впечатлѣніе какой-то отрывочности, такъ что въ сущности все оставалось по—старому, когда за реформы взялось національное собраніе, исторгшее изъ рукъ одряхлѣвшей династии верховное руководство государствомъ.

Разсмотримъ теперь въ отдѣльности частные вопросы, совокупность которыхъ могла тогда составить вопросъ крестьянскій. Начнемъ съ феодальнаго режима (3).

Мы видѣли уже, что передъ самой революціей существовали еще всѣ тѣ феодальныя права, которымъ подчинялся крестьянинъ при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Если въ общемъ феодальный режимъ потерпѣлъ сильное ослабленіе со времени редакціи кутюмъ, то все-таки въ XVIII в. до начала революціи совсѣмъ не было признаковъ, которые предвѣщали бы скорое исчезновеніе феодальныхъ отношеній. Напротивъ даже: въ продолженіи всего вѣка сеньеры не только не выпускали изъ рукъ старыхъ феодальныхъ правъ, но еще устанавливали новыя, пользуясь правиломъ *nulle terre sans seigneur*, правомъ *d'enslaver* и т. п. и пуская въ ходъ даже разные подлоги или просто дѣйствуя совершенно произвольно. Въ самомъ 1879 г. многіе дворяне въ своихъ наказахъ (*cahiers*) депутатамъ въ Генеральныя штаты выражали желаніе не только сохранить всѣ сеньерьяльныя права, но даже ихъ приумножить. Равнымъ образомъ у феодальныхъ юристовъ, или такъ называемыхъ *февдистовъ* мы находимъ въ XVIII в. защиту феодальнаго режима, причемъ они воспользовались извѣстной исторической теоріей Буленвилле, который, утверждая, что дворяне—побѣдители-франки, а ротюрьеры—побѣжденные галло-римляне, дѣлалъ отсюда выводъ, благоприятный для притязаній аристократіи. Именно съ точки зрѣнія этой теоріи февдисты разсматривали всѣ льготы виллановъ, какъ уступку со стороны сеньеровъ,

а всѣ сеньерьяльныя права, какъ справедливыя условія освобожденія виллановъ отъ крѣпостнаго состоянія, бывшаго естественнымъ слѣдствіемъ завоеванія ихъ предковъ предками сеньеровъ. Главной задачей февдистовъ XVIII в. было не столько проповѣдовать реформу права, сколько все разнообразіе кутюмъ свести къ общимъ принципамъ, точнѣе опредѣлить существующія понятія, устранить пробѣлы, недоразумѣнія, противорѣчія и представить весь матеріалъ права въ строгой системѣ. Очень можетъ быть, то обстоятельство, что большинство легистовъ были сами владѣльцами феодаловъ, сеньерьяльныхъ правъ и юрисдикцій, играло не послѣднюю роль въ желаніи ихъ отстоять существованіе феодальнаго режима и на будущія времена. Не такъ относились къ этому режиму физиократы: для нихъ онъ долженъ былъ представляться чѣмъ-то ненормальнымъ. Тѣмъ не менѣе они не дали никакого разрѣшенія вопроса о способахъ отмены феодальныхъ повинностей. У одного Тюрго былъ довольно разработанный планъ этой отмены посредствомъ выкупа однихъ правъ и безвозмезднаго уничтоженія другихъ, причемъ онъ думалъ даже объ образованіи выкупнаго фонда для произведенія этой операціи. Плану Тюрго не было суждено осуществиться, ибо всѣ сильныя міра сего отнесли къ нему весьма враждебно: когда близкій ему человѣкъ Воисерфъ издалъ брошюру „о неудобствахъ феодальныхъ правъ“, то парижскій парламентъ приговорилъ ее къ сожженію рукою палача (1776 г.), несмотря на то, что по проекту Воисерфа „сеньеръ отъ продажи феодальныхъ правъ могъ бы получить больше, чѣмъ отъ продажи всѣхъ земель“, и на то, что основная мысль его брошюры не была новостью: еще при Кольберѣ поручили было Ламуаньону выработать планъ крестьянской реформы, а въ 1764 г. д'Аржансонъ въ своей книгѣ „*Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France*“ говорилъ, что все королевство должно превратиться въ свободный алодь, и что выкупъ земель изъ феодальной зависимости долженъ быть произведенъ принудительный. Самый планъ Тюрго представлялъ немало выгодъ для дворянства, но оно и слышать не хотѣло ни о чемъ подобномъ, а брошюру

Бонсерфа обвиняли даже въ томъ, что она была причиною нѣкоторыхъ народныхъ волненій, бывшихъ въ 1776 г. Тѣмъ не менѣе Тюрго приступилъ было къ выполнению части своего плана, намѣреваясь выкупить прежде всего сеньерьяльныя права на зерно, чтобы облегчить хлѣбную торговлю. Но министерство его продолжалось недолго (августъ 1774—май 1776), и отставка положила конецъ его дѣлу, такъ что только во время революціи взялись за выполнение его плана; точно также и послѣ сожженія брошюры Бонсерфа литература не касалась болѣе вопроса до тѣхъ поръ, пока созваніе Генеральныхъ штатовъ не подняло снова всѣ забытые вопросы: только тогда снова увидѣли свѣтъ въ печати идеи Тюрго и Бонсерфа въ массѣ брошюръ и памфлетовъ 1788—89 г.

Остатки вѣрнопостничества также не были отмѣнены Тюрго. Не будучи въ состояніи добиться уничтоженія его во всей Франціи, онъ не сталъ отмѣнять мэнморта, существовавшего въ королевскихъ доменахъ: если приходилось въ эдиктѣ о королевскихъ сервахъ умалчивать о сеньерьяльныхъ, можно было опасаться, что это умолчаніе освятитъ взглядъ; по которому мэнмортъ былъ законной собственностью. Опасеніе Тюрго было основательно: когда при Неккерѣ эдиктъ 8 авг. 1779 г. освободилъ королевскихъ сервовъ, признавая однако полную собственность сеньеровъ надъ ихъ сервами, то парламентъ внесъ его въ регистръ, только оговорившись, что новое распоряженіе не можетъ *nuire aux droits des seigneurs*, и многіе владѣльцы крѣпостныхъ увидѣли въ эдиктѣ не приглашеніе послѣдовать королевскому примѣру, а новое подтвержденіе ихъ старыхъ правъ. Такъ дѣло и затянулось до революціи, не смотря на то, что за него ратовали такіе люди, какъ Вольтеръ, изъ—подъ пера котораго вышло нѣсколько небольшихъ трактатовъ о необходимости отмѣны серважа, и не смотря на то, что общественное мнѣніе поддерживало бы правительство въ этомъ дѣлѣ. Бурбонская монархія послѣдовала вполнѣ ироническому приглашенію Вольтера: „пождемъ нѣсколько вѣковъ, пока не будутъ заплачены долги государства.“

Не вездѣ однако правительство Людовика XVI было такъ пассивно, такъ инертно, какъ въ вопросѣ о феодализмѣ и серважѣ, и ни одна изъ составныхъ частей крестьянскаго вопроса не интересовала и правительство, и общество въ такой степени, какъ поднятіе общаго уровня благосостоянія страны и улучшение сельскаго хозяйства. Это была пора какой-то агрономической моды: сельско-хозяйственная литература разрослась до огромныхъ размѣровъ, чистокровные аристократы производили агрономическіе опыты, основывались общества сельскаго хозяйства, задавались на преміи темы по вопросамъ земледѣлія, органы правительственной власти и мѣстнаго самоуправления были поглощены той же модой. Самая главная сторона этого агрономическаго направленія заключалась въ томъ, что исходной точкой ея было не бѣдственное состояніе народа, а печальное положеніе сельскаго хозяйства, и что люди, находившіеся подъ влияніемъ общаго увлеченія, смотрѣли исключительно съ второстепенной точки зрѣнія сельскаго хозяйства на вопросы, которые могли рѣшаться главнымъ образомъ на основаніи соображеній чисто социальнаго характера: и агрономы, и общества сельскаго хозяйства, и органы мѣстнаго самоуправления, и правительство заключали себя въ тѣсныя рамки сельскохозяйственной техники, когда рѣчь заходила о земледѣліи, скотоводствѣ и т. д. Наприм., менѣе всего принимали въ расчетъ тотъ вредъ, который происходилъ для сельскаго хозяйства отъ феодальныхъ поборовъ, права охоты, десятины и т. п.: агрономическая литература даже отражала на себѣ феодальные порядки (4), и въ этомъ отношеніи о ней далеко нельзя сказать, чтобы она была похожа на нѣмецкую агрономію XIX в., выводы которой послужили однимъ изъ самыхъ сильныхъ стимуловъ къ отмѣнѣ брѣвостнаго права. А если съ агрономической точки зрѣнія и находили изрѣдка неудобнымъ то или другое, то всѣ хлопоты объ уничтоженіи этого неудобства оказывались тщетными. Безъ коренныхъ реформъ въ аграрныхъ отношеніяхъ вся агрономія XVIII в. оставалась въ большинствѣ случаевъ пустой забавой праздныхъ людей: толь-

ко въ XIX в. мы видимъ дѣйствительное улучшеніе сельскаго хозяйства во Франціи *).

Мало того: иногда въ этомъ отношеніи выдумывались и предпринимались такія мѣры, которыя несогласны были съ благомъ народа: успѣхи сельскаго хозяйства покупались дорогою цѣною обнищанія народа. Агрономы были, наприм., противъ общиннаго землевладѣнія и общинныхъ сервитутовъ и содѣйствовали раздѣлу общинъ и огораживанію полей, чѣмъ лишали безземельныхъ крестьянъ возможности держать скотъ и увеличивали уже и безъ того большую разницу, существовавшую въ крестьянскомъ быту между самостоятельнымъ хозяиномъ (*laboureur*) и наемнымъ работникомъ (*manoeuvre*). Или еще: хлопотанные у правительства сельскохозяйственными обществами законы о расчисткѣ запущенныхъ земель не дали ожидавшихся отъ нихъ результатовъ, а повели только къ образованію компаній спекулянтовъ, которые дозволяли себѣ отбирание у крестьянъ общинныхъ угодій. Наконецъ, иногда агрономы совсѣмъ не скрывали, куда мѣтили. Такъ комиссары беррійскаго провинціального собранія, коимъ поручено было составить докладъ о причинахъ упадка земледѣлія, обошли молчаніемъ главныя причины и обрушились между прочимъ на то, что бѣдняки въ правѣ выгонять свой скотъ на общинныя земли и на частныя поля послѣ уборки хлѣба (*droit de vaine pâture*) имѣютъ нѣкоторые ресурсы къ жизни помимо найма въ работу.

Въ родственномъ отношеніи къ агрономическому направленію стояла фізіократія. Слово *фізіократія*, господство природы — было очень умѣстно употреблено для обозначенія того направленія, къ которому принадлежали французскіе экономисты XVIII вѣка; они искали естественнаго закона, естественнаго порядка экономической жизни, противопоставая господство природы господству человѣческихъ учрежденій, противопоставая земледѣліе, какъ самое естественное занятіе, природу, какъ истинный

*) См. дополн. II.

источникъ богатства, искусственнымъ созданіемъ меркантилизма. Физиократія была реакціей противъ послѣдняго, возвращеніемъ къ доктринѣ Сюлли. Въ своемъ увлеченіи господствомъ природы въ народномъ хозяйствѣ физиократы только одинъ классъ земледѣльцевъ (*laboueurs*) назвали производительнымъ, окрестивъ всѣхъ городскихъ жителей названіемъ бесплоднаго класса: въ основу своего ученія они положили дѣленіе общества не на основаніи положенія отдѣльныхъ классовъ, какъ получающихъ ренту *собственникововъ*, извлекающихъ процентъ изъ своихъ оборотовъ *капиталистовъ* и живущихъ платой за свой трудъ *рабочихъ*, а на основаніи существованія въ обществѣ различныхъ занятій; физиократы были представителями земледѣлія въ его противоположеніи къ обрабатывающей промышленности и потому представителями всего сельскаго населенія въ противоположеніи горожанамъ. По этой причинѣ крестьянскій вопросъ, какъ таковой, не могъ быть выдѣленъ ими изъ вопроса земледѣльческаго: вѣдь земледѣліемъ, или вѣрнѣе сельскимъ хозяйствомъ занимались лица очень различнаго положенія въ обществѣ. Это капитальный промахъ физиократовъ, и его можно видѣть изъ того, какой экономической строй считали они и другіе экономисты XVIII вѣка, за нормальный и желательный.

Физиократія была именно проповѣдью крупнаго хозяйства: уже основатель школы Кенэ (*Quesnay*) считалъ нормальнымъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ земли, обрабатывающіяся подъ посѣвы, соединяются въ большія фермы, которыя находились бы въ рукахъ богатыхъ земледѣльцевъ (*de riches cultivateurs*); только богатые фермеры составляютъ, по его мнѣнію, силу и могущество націи, только они могутъ дать занятіе рабочимъ рукамъ и удержать въ деревнѣ жителей; причемъ Кенэ объясняетъ, что подъ словами „богатый фермеръ“ не слѣдуетъ понимать работника, который самъ пашетъ, а хозяина, нмѣющаго наемныхъ рабочихъ; всѣ мелкіе фермеры должны были поэтому превратиться въ батраковъ, работающихъ на крупныхъ фермеровъ, которые и суть „истинные земледѣльцы.“ По словамъ другаго экономиста (аб. Бодо), „въ обществѣ, истинно благоустроенномъ

на основахъ экономическихъ принциповъ,“ должны существовать прѣстые земледѣльческіе рабочіе, которые жили бы только своимъ трудомъ. Подобнаго взгляда держались и не-экономисты, наприм. Вольтеръ. Отождествляя нерѣдко землю и землевладѣльца, интересы земледѣлія и интересы сельскихъ хозяевъ, экономисты часто, говоря объ интересахъ производительнаго класса, имѣютъ въ виду именно только фермеровъ. Отсюда недалеко было до особенной заботливости о послѣднихъ, и дѣйствительно, Кенэ совѣтуетъ правительству наградить фермеровъ всякими привилегіями, такъ какъ въ противномъ случаѣ, благодаря своему богатству, они могутъ приняты за другія занятія, а правительство должно поощрять ихъ въ занятіи земледѣліемъ. Заботясь объ увеличеніи національнаго дохода, который для фізіократовъ заключался въ суммѣ доходовъ отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, они признавали необходимость благосостоянія рабочихъ едва лишь не потому только, что для пользы націи продукты должны потребляться какъ можно въ большемъ количествѣ. Однако содѣйствовать увеличенію рабочей платы они не были намѣрены: Кенэ совѣтуетъ для жатвы брать пришлыхъ савойскихъ рабочихъ, которые берутъ меньше своихъ, — ибо отъ этого уменьшаются расходы производства и увеличиваются доходы собственниковъ и государя, а съ ними возрастаетъ могущество націи и фондъ рабочей платы. Этотъ фондъ (*le revenu disponible*, по фізіократической терминологіи) доставитъ рабочимъ возможность существовать лучшимъ образомъ, думали экономисты, видѣвшіе вокругъ себя часто просто недостатокъ въ хлѣбѣ для прокормленія народа; только они не сумѣли отдѣлать накопленія капиталовъ отъ обогащенія землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ: наблюдая вокругъ себя одну бѣдность, желая поднять національное богатство, они обращали вниманіе исключительно на массу предметовъ, находящихся въ странѣ, безъ всякаго отношенія къ ихъ распредѣленію. Необходимость капиталовъ на ихъ языкѣ переводилась въ необходимость капиталистовъ. Крестьянинъ-хозяинъ рисовался имъ либо въ видѣ мелкаго собственника, едва существующаго доходами

со своей земли, либо въ видѣ половника, вѣчно находящагося въ долгу у своего землевладѣльца, а тутъ еще рядомъ съ ними жилъ безземельный батракъ, которому ни тотъ, ни другой не могли доставить работы: по мнѣнію, фізіократовъ крупное фермерство, обогащая государство, могло занять свободныя руки безземельнаго крестьянства. Что касается до нищеты послѣдняго, то причину ея фізіократы видѣли только въ финансовомъ гнетѣ. Подъ влияніемъ этихъ теорій во Франціи стали происходить попытки замѣнить метеріи *) фермами и не только въ смыслѣ перевода арендной платы съ натуры на деньги, но и въ смыслѣ замѣны нѣсколькихъ мелкихъ метерій одной крупной фермой. Но крестьяне, не зная этихъ теорій, осудили ихъ въ ихъ примѣненіи, жалуюсь въ своихъ письменныхъ наказахъ (*cahiers*) избирателямъ депутатовъ въ Генеральныя штаты 1789 г. на то, что многіе землевладѣльцы соединяютъ по нѣскольку мелкихъ фермъ въ одну крупную,—и прося, чтобы все осталось въ этомъ отношеніи по-старому, когда самостоятельные хозяева не должны были вдругъ превращаться въ наемныхъ батраковъ (5).

Дѣло въ томъ, что въ XVIII в. совершался во Франціи процессъ постепеннаго обезземеленія крестьянства, причемъ въ сельскомъ населеніи все рѣзче начинали обозначаться два класса: самостоятельныхъ хозяевъ (*laboueurs*) и наемныхъ батраковъ (*manoeuvres*). Въ первой категоріи принадлежали мелкіе собственники, участки которыхъ были достаточны для веденія хозяйства, или которые принимали земли,—далѣе фермеры и половники; во второй были или совсѣмъ безземельные крестьяне, или такіе, которые владѣли какимъ-нибудь клочкомъ, годнымъ развѣ только для огорода, во всякомъ случаѣ люди, не ведшіе своего хозяйства, а нанимавшіеся у другихъ на опредѣленный срокъ, либо жившіе поденнымъ трудомъ. Мелкая собственность была развита среди французскихъ крестьянъ гораздо менѣе, нежели думаютъ многіе въ настоящее время, а типическимъ от-

*) Участки земли, отдававшіеся половникамъ.

ношеніемъ сельскаго населенія къ землѣ было половничество только въ такъ называемыхъ областяхъ съ крупной культурой существовало фермерство, бывшее сравнительно новой формой пользованія землей. На указанный процессъ все большаго и большаго раздѣленія крестьянъ на два класса имѣли вліяніе всѣ неблагопріятныя условія общественной жизни прошлаго вѣка. Тяжесть феодальныхъ поборовъ и государственныхъ налоговъ, а также крайне невыгодныя условія обработки чужой земли заставляли многихъ продавать свои участки, отказываться отъ своихъ арендъ, уходить въ города или оставаться нищенствовать въ деревняхъ, мѣняя положеніе самостоятельныхъ хозяевъ на положеніе наемныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, землевладѣльцы замѣняли, какъ сказано, половничество фермерствомъ и мелкія фермы соединяли въ крупныя, вслѣдствіе чего немало сельскаго люда переходило въ разрядъ батраковъ, работавшихъ у немногихъ крупныхъ фермеровъ. Вслѣдствіе этого процесса началось распаденіе сельской общины: хозяева стали изымать свои земли изъ пастбы на нихъ скота всей деревни послѣ уборки жатвы, вслѣдствіе чего очень мелкіе собственники и безземельные крестьяне теряли тѣ ресурсы къ существованію, которые доставлялъ имъ скотъ, лишенный теперь пастбища, и совершенно такой же результатъ имѣлъ дѣлежъ общинныхъ земель, такъ какъ съ нимъ деревни лишались общаго выгона, а самые бѣдные крестьяне получали куски земли, съ которыми не знали что дѣлать. Кроме того, эти сошники и пахъ расхищались всякимъ, кто имѣлъ къ этому поводъ и средства, отдавались самими общинами въ аренду, чтобы имѣть подспорье въ уплатѣ налоговъ, или попадали въ руки предпринимателей расчистокъ. Многочисленныя крестьянскія „просьбы и жалобы“ 1789 г. говорятъ намъ о томъ, какъ тяжело переносило сельское населеніе этотъ экономическій переворотъ, а онъ именно и велъ къ тому, что феодалы считали нормальнымъ и желательнымъ, къ образцово сельской буржуазіи и земледѣльческаго пролетаріата. Даже во взглядѣ на общинныя земли и на общинныя сервитуты экономисты сходились съ той частью крестьянъ, ко-

торая стремилась выработаться въ сельскую буржуазію. Положительно можно сказать, что повсемѣстное введеніе во Франціи рекомендованной фізіократами фермерской обработки земли съ уничтоженіемъ общинныхъ земель и сервитутовъ было бы самой радикальной революціей въ экономическомъ строѣ изъ всѣхъ перемѣнъ, ими потребованныхъ, — и эта революція была бы сдѣлана *противъ* крестьянства. Само правительство начинало уже придавать легальную санкцію совершившемуся факту, экономическому раздѣленію крестьянъ на два класса. Уже давно жаловались на то, что приходскія собранія (*assemblées paroissiales*) слишкомъ шумны и давно уже являлись проекты ограничить число лицъ, имѣющихъ право на нихъ присутствовать, пока наконецъ регламентомъ 1787 г. общіе сельскіе сходы не были замѣнены совѣтами нотаблей, причемъ выборное право было ограничено извѣстнымъ цензомъ.

Если мы прибавимъ ко всему сказанному объ отдѣльныхъ частяхъ крестьянскаго вопроса еще то, что признана была необходимость финансовой реформы, и что эта финансовая реформа такъ и осталась при старой монархіи въ области *ria desideria*, то этимъ мы исчерпаемъ всѣ существенныя части крестьянскаго вопроса.

Итакъ, что же мы видимъ?

Во Франціи XVIII в. главнымъ принципомъ аграрнаго устройства была несвобода почвы, выраженная въ правилѣ *nil le terre sans seigneur*, правилѣ, поддерживавшемся короною, церковью, дворянствомъ и частью буржуазіи, которая становилась на ихъ мѣсто покупкою или арендою ихъ земель и правъ. Юристы явились въ XVIII в. съ теоретической защитой сеньерьяльныхъ правъ. Другимъ принципомъ аграрнаго строя была неравномѣрность распредѣленія почвы между трудящейся массою, и представительницей этого принципа сдѣлалась нарождавшаяся сельская буржуазія, которая стремилась поставить на мѣсто мелкаго хозяйства крестьянъ, (собственниковъ или половниковъ) болѣе крупную фермерскую обработку земли

посредствомъ наемныхъ рабочихъ. Экономисты находили такую переменѣну въ высшей степени желательною. Далѣе, и аристократія, и буржуазія одинаково хлопотали объ уничтоженіи общинныхъ угодій и сервитутовъ, и первая нашла поддержку въ февдистахъ, а за вторую стали экономисты. Въ одномъ только отношеніи ни дворянство съ духовенствомъ, ни буржуазія не нашли поддержки со стороны публицистовъ прошлаго столѣтія, это по вопросу о налогахъ: дворянство и духовенство были привилегированными сословіями, свалившими тяжесть государственныхъ налоговъ на все, что не было ни дворянствомъ, ни духовенствомъ и что называлось третьимъ сословіемъ (*tiers état*). Но и въ третьемъ сословіи существовали свои привилегированные: долго одни только горожане участвовали въ національномъ представительствѣ и до самой революціи одни они были представителями *tiers état* въ провинціальныхъ штатахъ, вслѣдствіе чего и города свалили на деревню часть причитавашагося на ихъ собственную долю государственнаго налога. Къ этому присоединились разныя льготы и облегченія, которыя оказывались промышленнымъ и торговымъ городомъ въ силу требованій политики меркантилизма. Затѣмъ, богатый классъ, развившійся въ городахъ, началъ мало-по-малу направлять свою дѣятельность и на деревню: здѣсь буржуазія покупала феодалы и сеньерьяльныя права, здѣсь она снимала въ аренду помѣщичьи земли или скупала мелкіе крестьянскіе участки и пр. и пр. При этомъ буржуазія умѣла переносить съ собою въ деревни и свои городскія привилегіи, что не могло не отзываться на плательщикахъ всѣхъ налоговъ, крестьянахъ. У всѣхъ публицистовъ мы находимъ лишь отрицательный взглядъ на эти привилегіи, и мысль о необходимости ихъ отмены до такой степени вкоренилась въ общественномъ сознаніи, что въ 1789 г. привилегированные въ своихъ наказахъ (*cahiers*) депутатамъ на Генеральныя штаты въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами отказываются отъ своего изъятія отъ податей. Мысль о необходимости отмены феодальнаго режима не имѣла такого распространенія, а что касается до земельного обезпеченія крестьянъ, то о немъ думало такъ мало

людей, а тѣ, которые думали, касались вопроса до такой степени поверхностно, что объ этомъ и упоминать не стоить.

Правительство въ своемъ отношеніи къ крестьянскому вопросу шло по тому же пути, по которому шли общество и публицистика: охраняя вмѣстѣ съ феодальными юристами старыя социальныя привилегіи, основанныя на положительномъ правѣ, государство своими экономическими мѣрами только помогало, руководимое экономистами, развитію новыхъ общественныхъ силъ, основавшихъ свое значеніе на служеніи государственнымъ интересамъ, весьма, впрочемъ, односторонне понимаемыми. Крестьяне съ ихъ требованіемъ свободной и для всякаго доступной земли были забыты. За то податную реформу старая монархія признавала въ принципѣ необходимою въ смыслѣ благопріятномъ для крестьянъ, но мы уже видѣли, каковъ былъ общій характеръ реформъ старой монархіи при Людовикѣ XVI: послѣ 15-тилѣтняго царствованія своего этотъ король, повторяемъ, передалъ представителямъ націи податную систему въ томъ же видѣ, въ какомъ принялъ ее отъ своего предшественника.

У такой постановки крестьянскаго вопроса, какую мы представили въ настоящей главѣ, уже тогда были критики, но эти, критики, часто болѣе проницательные, чѣмъ февдисты, физиократы агрономы, финансисты,—сами во многомъ грѣшили совершенно тѣмъ же, чѣмъ и тѣ, кого они критиковали: мы не находимъ у нихъ соединенія всѣхъ частныхъ вопросовъ въ одинъ общій, и сами они и отвлеченны, и непрактичны не менѣе своихъ противниковъ; мало того,—они даже менѣе систематичны. Но лучшую критику и постановку крестьянскаго вопроса, и тогдашняго крестьянскаго быта составляетъ величайшій памятникъ въ исторіи Франціи принадлежащій концу прошлаго вѣка: когда Людовикъ XVI назначилъ собраніе Генеральныхъ штатовъ, во всѣхъ почти сорока тысячахъ сельскихъ общинъ королевства крестьяне составили свои „просьбы и жалобы“ въ видѣ наказовъ своимъ выборнымъ, которые должны были избирать депутатовъ въ Генеральные штаты, и въ этихъ cahiers des doléances изобразили они свое положеніе, изложили свои жалобы, свои нужды, свои интересы,

свои желанія, свои опасенія. Этотъ великій памятникъ народной думы—лучшая критика существовавшихъ тогда теорій, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ сельскому люду, и лучшая постановка крестьянскаго вопроса. Какъ составляли крестьяне свои сагіеги, какой матеріалъ заключаютъ въ себѣ послѣдніе для исторіи сельскаго населенія Франціи въ концѣ XVIII вѣка, и насколько были удовлетворены въ эпоху революціи просьбы, въ нихъ заключавшіяся, этотъ предметъ уже былъ мною подробно разсмотрѣнъ въ другомъ сочиненіи. Здѣсь въ видѣ заключенія къ нашему очерку слѣдуетъ упомянуть только о томъ, что революція уничтожила окончательно феодальный режимъ, отмѣнивъ серважъ, освободивъ почву отъ феодальныхъ повинностей, прекративъ существованіе всѣхъ сеньерьяльныхъ правъ, но что въ другой сторонѣ аграрнаго строя, въ неравномѣрномъ распредѣленіи почвы между трудящейся массой она не пыталась даже сдѣлать какія-либо перемѣны съ цѣлью лучшаго земельного обезпеченія крестьянъ. Съ этой стороны, аграрныя отношенія Франціи доселѣ покоятся на той же основѣ, кака была у нихъ и въ прошломъ вѣкѣ: экономическій процессъ, указанный выше, продолжается и теперь, хотя благодаря перемѣнамъ, поднявшимъ производительность земли, облегчившимъ положеніе крестьянъ, открывшимъ для труда новыя сферы примѣненія, онъ и не сопровождается уже тѣми болѣзненными симптомами, которые мы наблюдаемъ въ XVIII вѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1872 г. сельское населеніе Франціи состояло изъ 18½ милліоновъ, изъ коихъ около 12 милліоновъ жило постоянно (7—8 м.) или временно (3½ м.) наемнымъ трудомъ, а 6½ м. приходилось на мелкихъ собственниковъ, фермеровъ и половниковъ, такъ что во всякомъ случаѣ болѣшая часть французскихъ крестьянъ находится въ положеніи нашихъ бобылей, т. е. владѣеть усадьбою осѣдлостью безъ полевыхъ угодій.

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ.

Введение.

(1) Для характеристики возрѣвнй средневѣковой поэзіи см. Lenient. *La satire en France au moyen âge*. Paris. 1859, стр. 94 sq. и др. Méray. *La vie aux temps des trouvères*. Paris. 1873. Leumarie. *Histoire des paysans en France*, p. 1856. II. 621—626; 498—499, прим. 2; 505—506; 507. I, 283—284. Thiergy. *Essai sur l'histoire du tiers état*. Paris. 1868, стр. 20. cf. Waitz. *Deutsche Verfassungsgeschichte*, V, 189, прим. 1.

(2) Обзоръ литературы предмета (съ 1850 г.) съ этой точки зрѣнія см. въ моей книгѣ „Крестьяне во Франціи“ и т. д.: предисловіе, стр. III—V; 497—480; 114—116 и др. Ср. статью мою „новый историкъ французскаго крестьянства“ (по поводу книги VabEAU. *Le village sous l'ancien régime*. P. 1878) въ Критич. Обзорѣнн за 1879 г., № 6. Для сочиненій, въ которыхъ идетъ рѣчь о французскихъ крестьянахъ, и которыя были изданы до 1850 г., см. Delisle. *Études sur la condition de la classe agricole et l'état de l'agriculture en Normandie pendant le moyen âge*. Évreux. 1851, préface. Въ самомъ сочиненіи Делиля весьма значительно выдается сельско-хозяйственная точка зрѣнія: въ известной степени эта книга — une histoire de l'agriculture et des questions qui s'y rattachent, какъ выражается самъ авторъ; цѣлыя главы (IX—XVII), составляющія около половины книги, посвящены имъ вопросамъ о скотоводствѣ, отъ удобренія полей, о лугахъ, о хлѣбныхъ растеніяхъ, о винограднакахъ, о выдѣлкѣ сидра и пива, о садоводствѣ и огородничествѣ и т. п. Сочиненіе Делиля было отвѣтомъ на тему, заданную однимъ изъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, — un mémoire historique sur l'agriculture et les agriculteurs en Normandie au moyen âge. Новѣйшими сочиненіями, въ которыхъ на первомъ планѣ экономическія отношенія, можно назвать слѣдующія: Inamasternegg. *Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingenperiode*. Leipzig. 1879. K. Lamprecht. *Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftsleben in XI Jahrhundert* (Staats und Social-wissenschaftliche Forschungen, herausgeg. von G. Schmoller. Bd. I, Hft. 3). Mauguin. *Études historiques sur l'administration de l'agriculture en France*. Paris 1876—1877

(3) Преимущества французской исторіи Guizot. *Hist. de la civilisation en France*. P. 1868. I, 4 sq. Michelet. *Le peuple*. P. 1866. стр. 275. Warnkönig und Stein. *Französische Staats- und Rechtsgeschichte*. Basel. 1846—48, I, 1. О важности исторіи крестьянъ во Франціи для другихъ странъ. Sugenheim.

Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. S. P. В. 1861 стр. 350. Скребицкий. Очерки изъ исторіи крестъ-гнства въ Европѣ. (Вѣстн. Европы 1867. III, 271). Gaede. Die gutsherlich-bäuerlichen Besitzverhältnissen im Neu-Vorpommern und Rügen. Berlin. 1853. § 2. Исорія отъѣзы крѣпостнаго права во Франціи въ связи съ тою же исторіей вообще въ Европѣ см. вышеуказанное сочиненіе Зугенгейма, даже: Stein. Die Entwährung in England, Frankreich und Deutschland. Doniol. La révolution française et la féodalité. P. 1874. Лучицкий. Асторія крестьянской реформы въ западной Европѣ съ 1789 г. (Кіевскія „Университетскія извѣстія“ 1878 г., съ 10-го выпуска). Недавно вышло въ свѣтъ сочиненіе Chassin'a: L'église et les derniers serfs, послѣднія стра-ницы котораго посвящены тому же предмету (стр. 203—260).

ГЛАВА I.

(1) Caesar. De bello gallico, VI, 13, 15, 19; III, 17; VI, 34; VII, 4; VIII, 30; VI, 11. Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. P. 1877 (2 изд.). I, 5—18. Dareste de la Chavanne. Hist. des classes agricoles en France. P. 1858, стр. 4 sq., 36—37, 72, cf. 109. Du Cellier. Hist. des classes laborieuses en France. P. 1860, стр. 443—449. cf. Amédée Thierry. Histoire des Gaulois.

(2) Fustel de Coulanges рѣшительно утверждаетъ, что амбакты исчезли съ римскимъ завоеваніемъ. I, 54—55. О распространеніи правъ гражданства на провинціаловъ. Pallmann. Die Geschichte der Völkerwanderung. Gotha, 1863. I, 178. Пухта. Исторія римскаго права, рус. пер., 306—307. Ortolan. Explications historiques des instituts de l'empereur Justinien, t. I. О массѣ несвободныхъ въ Галліи и объ отношеніи ихъ къ позднѣйшему колонату, Sugenheim, 5; Demolins. Le mouvement communal et municipal au moyen âge. P. 1875, стр. 13. Warnkönig und Stein, I, 57. cf. Guérard. Polyptique de l'abbé Irminon. P. 1844. Prolegomènes, стр. 277 sqq.—О колонатѣ см. Guizot, III, 157 sq. Laboulaye. Histoire du droit de propriété foncière en Occident. P. 1839, стр. 115 sq. Leymarie, 12 sq. 25—46. Leo. Geschichte der italienischen Staaten. Hamburg. 1829. I, 49 sq. Laurent. Etudes sur l'hist. de l'humanité. V, 218 sq. Марецолль. Учебникъ римскаго гражд. права. М. 1867, стр. 142 sq. Маккензи. Римское право. М. 1864, стр. 94 sq. Doniol. Hist. des classes rurales en France. P. 1857, стр. 10—14. Dareste de la Chavanne, 52 sq. Danz. Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts, I, § 75 (Lpz. 1871, I, 115—117). Rivière. Hist. des institutins de l'Auvergne. P. 1874. I, 73 sq. Savigny. Ueber den römischen Colonat (Vermischte Schriften. Berlin. 1850. Bd. II). Wallon. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. P. 1847. III, 268 sq. Rodbertus. Ueber die Adscripticier, Colonen und Inquilinen (Jahrbücher für Nationaloock. und Statistik. 1864). Heisterbergk. Entstehung des Colonats. Guérard. Polyptique d'Irminon. 1844, prolegomènes, 225 sq. Giraud. Histoire du droit français, гл. III, § 5. Révillout. Étude sur l'histoire du colonat (Révue hist. du droit français et étranger. 1856—7). Zumpt. Ueber die Entstehung des Colonats. Fustel de Coulanges, I, 244 sq. Lefort. Histoire des contrats des locations perpetuelles. 1875. Виноградовъ. Происхождение феодальныхъ отно-

шений въ лангобардской Италіи: гл. I, римская имперія и образованіе колоната (Журн. Мин. Нар. Просв. 1880. январь).

(3) О древности колоната. Мэнъ. Древнее право. Спб. 1873, стр. 234. Марецолль, 142. Происхожденіе колоната. Warnkönig und Stein, I, 57. Gigaud, I, 160. Виноградовъ, 181, 185 sq. Различные виды колоната. Leu-Marie, I, 26 sq. Bonnemère. Hist. des paysans. P. 1856, I, 5. Повинности колонатовъ. Виноградовъ, 161, 165, 166, 169. Savigny, 21, 31 sq. Сокольскій, Пособіе при изученіи вѣдшей исторіи римскаго права. Ярославль. 1876, стр. 128. Отношеніе къ феодализациі Виноградовъ, 208. Общинный бытъ, ib. 210. Dageste de la Chavanne, 14—22, 32—36, особенно 47—52. Противное мнѣніе, напр., у Leu-Marie, II, 450. Законодательство о колонатахъ см. также у Du Sellier, 32—33. Общее представленіе у Savigny на стр. 37 sq.

(4) Марецолль, 213, cf. 272. Маккензи, 190. Laboulaye. 119—122. Виноградовъ, 203 sq. Froudon. Théorie de la propriété. P. 1866, стр. 118. Rivière. I, 81. Сходство эмфитевзиса съ censivой. Виноградовъ, 207.

(5) Daher kann man mit vollem Rechte behaupten dass nicht die Barbaren, sondern dass das Steuerwesen des römische Reich zu Grunde gerichtet hat. Pallmann, I, 196 Cf. Rœbio u. Les classes populaires en France au moyen âge (Le Correspondent, 10 nov. 1874 и 10 janvier 1875; статья первая, стр. 590). О фискальной системѣ Рима см. Levasseur. Hist. des classes ouvrières en France. P. 1859. I, 14. Laboulaye, 98—100, 108—111. Fustel de Coulanges I, 178 sq. Dageste de la Chavanne, 73 sq. Само правительство заявляло о грабительствѣ фискальныхъ чиновниковъ. Michelet. Histoire de France. Bruxelles. 1840—44, стр. 38

(6) Пухта, 452, 478. Lassale. Arbeiter-programm. Zürich. 1863, стр. 2 sq. Fustel de Coulanges. Les origines du régime féodal (Revue de deux mondes 1873, 15 mai, стр. 439) — Объ образованіи латифундій Fustel de Coulanges, I, 268 sq. и др. историки эпохи passim. О закрѣпощеніяхъ Сальвианъ (изд. 1742 г., стр. 103—106) говоритъ еще: Tradunt se ad tuendum protegendumque majoribus, dedititios se divitum faciunt et quasi in jus eorum ditionemque transcedunt.... Nonnulli eorum de quibus loquimur, qui aut consultiores sunt, aut quos consultos necessitas fecit, cum domicilia atque agellos suos aut pervasionibus perdunt, aut fugati ab exactoribus deserunt quia tenere non possunt, fundos majorum expetunt et coloni divitum fiunt.... Illud gravius et acerbius quod additur huic malo saevius malum.... Nam quos suscipiunt ut extraneos et alienos, incipiunt habere quasi proprios; quos esse constat ingenuos, vertuntur in servos. Cf. Guizot, I, 56; III, 190. Littré. Études sur les barbares et le moyen âge. P. 1869, стр. 41 (Ainsi commence et s'établit la féodalité, замѣчаетъ онъ). Ешевскій. Сочиненія. М. 1870—71. III, 65. 223—234. II, 82—85. Schmidt. Essai historique sur la société civile dans le monde romain. Strasbourg. 1853, стр. 493. Римское правительство принимало строгія мѣры противъ этого общаго и примѣру ихъ слѣдовали впоследствии короли вестготскіе и бургундскіе, тогда какъ франкскіе короли держались политикой диаметрально противоположной. См. вышеуказанную статью Ф. де Кулянжа (R. d. d. M. 1874, 15 août, стр. 556, 560 sq., 564, 573).

(7) Есть основаніе думать, что въ половинѣ V вѣка багауды звали къ себѣ даже Атгилу. Ешевскій, II, 64, 77. Фюстель де Кулянжъ

высказалъ даже мнѣніе, что во время варварскихъ вторженій значительная часть варваровъ состояла изъ цѣлой массы бѣглыхъ рабовъ, колонновъ и вообще недовольныхъ людей. *Hist. des institutions* (перв. изд. I, 416—417). — О багаудахъ см. *Fustel de Coulanges* (втор. изд. I, 295—296, прим.). *Von nemere*. I, 22 sq. *Daresté de la Chavanne*, 71 sq., *Leumarie*, 98 sq. *Burekhardt*. *Die Zeit Constantin's des Grossen*. Basel. 1853, стр. 81 sq. По словамъ послѣдняго, къ восставшимъ присоединилось много христіанъ, но особенно христіанское вліяніе видятъ здѣсь *Tropelong* (*De l'influence du christianisme sur le droit civil des Romains*. P. 1868, стр. 167—169), *Schmidt*, 463 и *Michelet*, 37. Противъ этого *Wachsmuth*, (*Aufstände und Kriege der Bauern im Mittelalter* въ *Histor. Taschenbuch von Raumer*. Лпз. 1834. V, 288). Вообще о восстаніяхъ въ Галліи *Geffroy*. *Rome et les barbares*. Paris. 1874, стр. 363 sq. О грабежахъ и происхожденіи замковъ *Ешевскій*, III, 72. II, 85.

(8) *Schmidt*, 247, 488. cf. *Lecky*. *Sittengeschichte Europa's*. Leipzig und Heidelberg. 1871. II, 55 — Вообще объ отношеніи церкви къ крѣпостному состоянію и рабству см. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“ и т. д., стр. 262—265. Кроме того, *Lecky*, II, 51 sq. *Robiou*, статья первая, 605. *Laurent*, IV, 116 sq. 365. 378. VII, 522—523. VIII, 500 sq. XIII, 289—292. 341 sq. *Tropelong*, 154 sq. 156, 165 sq. *Ешевскій*, I, 502—503, 521. *Wallon*, т. III, гл. 1 и 8. *Daresté de la Chavanne*, 125—126. *Demolins*, 17 sq. *Schmidt* 232 sq., 462 sq. *Michelet*. *Renaissance*. P. 1857, стр. 155—156. *Clément*. *Le gouvernement de Louis XIV*. P. 1843, стр. 157. *Barni*. *Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle*. P. 1865—67. I, 199—202. cf. *Симоненко*. *Аболиціонизмъ и аболиціонисты*. Спб. 1862, стр. 60 sq.

(9) *Мэнъ*, 235. О сочиненіяхъ, рассматривающихъ значеніе римской имперіи для провинцій см. статью *Friedländer's*. *Ueber die neuern Bearbeitungen und den gegenwärtigen Stand der römischen Kaisergeschichte* (*Deutsche Rundschau*. 1875. November, 2-tes Heft), а также статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1875 г. Взгляды *Фюстель де Кулянжа* были изложены г-жею *Брюлловой* въ статьѣ „Новая теорія о происхожденіи Франціи“ (*Вѣстникъ Европы*, 1877, Февраль).

(10) Объ инфильтраціи Германцевъ въ Галлію, особенно о литахъ см. *Ешевскій*, II, 26. *Laurent*, V, 40 sq. *Geffroy*, 225, 354. *Waitz*, I, 176 sq. *Fustel de Coulanges*, I, 377 sq. 387 sq. *Inama-Sternegg*, I, 60. О литахъ см. также *Guégard*, *prolegomènes*, 253 sq. *Литы и колонаты* — *Марецоль*, 142. *Zumpt*. *Ueber die Entstehung des Colonats*.

(11) *Geffroy*, 366. *Pallmann*, I, 180 — 181, 258. *Ешевскій*, II, 41. *Dahn*. *Die Könige der Germanen*, V, 56, 83.

(12) О занятіи Галліи Вестготами и Бургундами см. *Dahn*. V, 56 sq. *Fustel de Coulanges*, I, 395 sq. О занятіи Франками *Geffroy*, 386 sq. *Waitz*, II, 19 sq., 47 sq. *Dahn*, V, 102 sq. *Warnkönig und Stein*, I, 64 sq. *Fustel de Coulanges*, I, 430 sq.

(13) О различіи между рабствомъ и крѣпостнымъ правомъ см. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“ и т. д., стр. 1—13. О крѣпостныхъ въ Германіи начала нашей эры *Taciti de Germania cap. XXV*. cf. *Fustel de Coulanges*, 329—330 и др. историковъ эпохи, наприм. *Waitz*, I. 182 sq. II. 167 sq.

О рабствѣ у Франковъ Pardessus. Loi salique. Paris, 1843, стр. 513 sq. (de l'esclavage d'après la loi salique). Waitz. Das alte Recht. 106. Lex Salica, X, 1; XXXV, 6. Для позднѣйшаго времени Guégard, proleg., 277—393. О происхожденіи германскихъ кодоновъ отъ завоеванія одного племени другимъ см. Mauger. Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung, стр. 244—245.

(14) Указываю на обширную литературу вопроса объ общинномъ землевладѣніи у Германцевъ и объ остаткахъ его въ средніе вѣка, не касаясь сочиненій, посвященныхъ Россіи и внѣ—европейскимъ странамъ. Bouthors. Les sources du droit rural cherchées dans l'histoire des communales et des communes. Paris. 1865. Brasch. Die Gemeinde und ihr Finanzwesen in Frankreich. Leipzig. 1874. Сочиненія Cauchy, Cretté de Palluel'я, Ferrand, Fremenville, Броневскаго, Вернье, Rivière, Latruffe-Montmeylan, указанныя въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 71. Léon Aucoc. Des biens des communes et des biens communaux. К о в а л е в с к і й. Очеркъ исторіи распавденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтѣ (Лондонъ 1876) и моя замѣтка по поводу этой книги въ журналѣ Знаніе за 1876 г., N. 4. Мѣнъ. Деревенскія общины Востока и Запада. Спб. 1874. Л а в е л е у е. De la propriété et des ses formes primitives. P. 1874. (см. особенно главы 5, 7, 14, 21). N a s s e. Die Feldgemeinschaft im Mittelalter. M a u g e r, Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung. München 1854. Его же Die Mark-, Hof- und Dorfverfassung in Deutschland. С о к а л ь с к і й. Англо-саксонская сельская община. Харьковъ. 1872. I п а м а - S t e r n e g g представляетъ новѣйшее въ исторической литературѣ описание быта Германцевъ въ эпоху переселенія народовъ. Cf. также D a h n. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. Berlin 1881. I, 86—114 (Одна изъ частей извѣстной Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen herausgegeben von Oncken). Кроме того, для общиннаго землевладѣнія у Германцевъ см. D a r e s t e de la Guayanne, 94 и 102 sq. Zoerpf Deutsche Rechtsgeschichte. Stuttgart. 1858. Г р а н о в с к і й. О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ (Сочиненія, т. I). По отдѣльнымъ вопросамъ: о вліяніи римскаго права на разрушеніе общины Л а в е л е у е, 203. P r o u d h o n, 121—122, 141. M a u g e r, Einleit., 103, 210. cf. I п а м а, 17; объ измѣненіяхъ въ общинахъ въ эпоху переселенія народовъ M a u g e r, 173 sq., 7, 107 sq. I п а м а - S t e r n e g g, 22, 267, 94 sq.; о маркѣ: M a u g e r, 5 sq., 40 sq., cf. 59 sq. Л а в е л е у е, 76 sq. B o u t h o r s, 48 sq. Cf. сравненіе древнегерманской марки съ великорусской общиной у K e u s s l e r'a: Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Riga. 1876. I, 45 sq., 49 sq. Слѣды марки въ droit de parcours. M a u g e r, Einl. 201, cf. 88. О различныхъ общинныхъ угодьяхъ и правахъ въ Нормандіи особенно у D e l i s l e, 155 sq., 369 sq.

(15) F u s t e l de Coulanges въ Revue de deux mondes (15 mai 1873, стр. 447), cf. Hist. des institutions, I, 517 sq. Фюстель де Куланжъ — рьяный противникъ теоріи о распространенности существованія общиннаго землевладѣнія. Возможность спора въ ту или другую сторону по отношенію къ Франкамъ обуславливается тѣмъ, что das salische Volksrecht bietet in seinen Angaben über den Grundbesitz ganz beträchtliche Schwierigkeiten für ein volles Verständniss der Lage (I п а м а - S t e r n e g g, 92, cf. 484). Притомъ если въ памятникахъ меровингскаго и каролингскаго періодовъ извѣстія объ общинномъ землевладѣніи очень рѣдки, а вполнѣдствіи встрѣчаются гораздо чаще, то это не значитъ, чтобы са-

мая форма имѣла позднѣйшее происхожденіе (Zoerfl, 729). Нужно однако принять, что въ эпоху Салической правды (Lex salica) у Франковъ была частная собственность, хотя и не на всю землю и значительно ограниченная въ пользу общины. Inama-Sternegg, 98, Maurer, Einleitung, 9. Waitz. Das alte Recht der salischen Franken. Kiel. 1846, стр. 117. У Бургундовъ и часть полей была въ общинномъ владѣніи. Maurer, Einl., 87.

(16) Guérard, proleg., 503 sq. Maurer, Einl. 80 sq., 249. Inama-Sternegg, 26. Laboulaye, 252. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, II, 55, 223. Warnkönig und Stein, I, 76 sq. Robiou (Le Corresp. 10 nov. 1874, str. 595—596). Hegel. Geschichte der Städteverfassung in Italien. Leipzig. 1847. II, 329 sq. Fustel de Coulanges, I, 412. 414 sq., 455 sq. О томъ, что Германцы не измѣнили порядка обработки земли см. Maurer, Einl. 249—250. Inama-Sternegg, 24—25. Guérard, proleg. 636—637.

(17) Fustel de Coulanges, I, 517 sq. Смыслъ слова proprium Maurer, Einl., 103. Alodium = terra salica = sors ibid., 15, 16—17, 82. Fustel de Coulanges, I, 524 sq. Waitz. II. Guérard, prol., 476 sq., 483 sq. Delisle, 41 sq.

(18) Waitz, II, 80 sq. Thierry. Lettres sur l'histoire de France, lettre VII (Oeuvres. Bruxelles. 1839, стр. 443 sq.). Галлоримское населеніе не было обращено въ рабство. Fustel de Coulanges, I, 449 sq. Судьба колонновъ Waitz, II, 186. Guérard, prol., 233, 247 sq. Guizot, III, 191 sq. Смирновъ. Коммуна средневѣковой Франціи. Казань. 1873, стр. 17—18. Zoerfl, 354—355. Смѣшеніе разныхъ классовъ земледѣльцевъ чрезъ приниженіе однихъ и возвышеніе другихъ. Guérard, prolegomènes, 211. Inama-Sternegg, 226 sq. О привилегированномъ положеніи фискальныхъ и церковныхъ сервовъ. Guérard, proleg., 349 sqq., 362—363, 380—381. Daresté de la Chavanne, 130—131. Leumarie, I, 144—158. Waitz, II, 174—176. Warnkönig und Stein, I, 133. Hegel, II, 331. 383. Inama-Sternegg, 61. Laboulaye, 449 sq. Robiou (Le Correspondent du 10 nov. 1874, стр. 597. Id. du 10 janv. 1875, стр. 131—132). То же самое мы наблюдаемъ во Франціи и въ слѣдующія эпохи, равно какъ и въ Германіи въ X—XII вѣкахъ. Waitz, IV, 294 sq., 297. V, 208—209, 303 sq. Guizot, III, 203 sq. Zoerfl, 357, 363. Иногда фискальны не теряли этого положенія даже тогда, когда дѣхъ вполнѣтвѣніи вѣстѣ съ землей передавали въ ленъ: servi beneficiarii. Waitz, IV, 298. Но споліація духовныхъ имуществъ, бывшая въ VIII вѣкѣ, сопровождалась ухудшеніемъ положенія сервовъ. Robiou (Le Corr. du 10 janv. 1875, стр. 127).

(19) Daresté de la Chavanne, 103 sq. Maurer, Einl., 73, 121, 129, 137 sq. Inama-Sternegg, I, 267. cf. 22, 79, 130. Что подчиненіе общины не разрушало ея внутренняго быта, см. Waitz, II, 314. Daresté de la Chavanne, 164; особенно Maurer, Einl., 281 и 293, гдѣ сказано: Hinsichtlich der grundherrlichen Dorfschaften und der vollfreien Urdörfer hat die allergrösste Aehnlichkeit bestanden. Dennoch waren die ersteren wesentlich dadurch von den letzteren verschieden, dass bei ihnen das Eigenthum am Grund und Boden an der vertheilten und an der unvertheilten Feldmark dem Grundherrn zustand. An und für sich stand zwar die Grundherrschaft der Feldgemeinschaft durchaus nicht im Wege. — О силахъ, разрушавшихъ самостоятельность общины: Daresté de la Chavanne, 157—161. Laveleye, 113, 117 sq., 328—329. 112. Bouthors 79 sq., 74. Мэнъ, 71. Ковалевскій, 2 sq. Waitz, II, 329. IV, 115. Сокальскій, 95.

ГЛАВА II.

(1) Исторія феодализма имѣетъ цѣлую литературу, представляющую массу крайне противорѣчивыхъ теорій о его происхожденіи. Изложеніе главныхъ изъ нихъ можно найти въ статьѣ г. Вышинскаго (Русскій Вѣстникъ) и у г. Виноградова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, январь, стр. 136 sq.). Cf. статью проф. Васильевскаго для феодализаціи вообще (Ж. М. Н. Пр. 1879, мартъ). Впрочемъ, вся эта литература имѣетъ болѣе отдаленное отношеніе къ нашему предмету, такъ какъ ученые, занимавшіеся вопросомъ, обращали вниманіе болѣе на политическую сторону процесса феодализаціи — на характеръ верховной власти, степень и эпоху ея разложенія, первые признаки появленія разлагающихъ элементовъ и т. д. Только Маугер (Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung) началъ сосредоточивать свои изслѣдованія не вокругъ понятія верховной власти, а вокругъ понятія сельской общины. Маугеръ нашелъ послѣдователей въ разработкѣ вопроса о феодализаціи снизу; сюда относятся нѣкоторые сочиненія по исторіи общиннаго землевладѣнія, упомянутыя въ примѣч. 14 къ главѣ первой настоящаго сочиненія. По вопросу о различіи собственности аллодіальной отъ феодальной и цензивной см. между прочимъ мою книгу „Крестьяне и крест. вопросъ во Франціи въ посл. четверти XVIII в.“, стр. 28 sq. О томъ, что феодализмъ въ социальномъ отношеніи пережилъ феодализмъ въ отношеніи политическомъ см. тамъ же, стр. 26—27, 151 sq. и стр. LXXX—LXXXII приложеній и дополненій.

(2) Исчезновеніе свободной собственности Маугер Einl., 213. Аналогія цензивы съ феодомъ см. Proudhon, 91. Леумаріе, II, 377—392. Doniol, 152—163. Rivière, I, 403. Dominium directum и dominium utile — Doniol, 46. Laveleye, 114. Bouthors, 125. Zoepfl, 707. Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ, стр. 110, 129, cf. Мэнъ, 231, 234—236 и „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 31. Судьба цензивы въ XI вѣкѣ: Boutaric. Des origines et de l'établissement du régime féodal. P. 1875, стр. 30—31 (Первоначально напечатано въ Revue des questions historiques). Laboulaye, 383—386. Warnkönig und Stein, II, 387. О позднѣйшемъ времени „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, 31—32.

(3) Прекарія—Laboulaye, 269 sq. Guérard, prel., 567 sq. Waitz, II, 226 sq., Warnkönig und Stein, II, 386 sq. Robiou (статья I, стр. 604; ст. II, стр. 135). Fustel de Coulanges (Rev. d. d. M., 15 mai 1873, стр. 456—457, 461—462). О роли церкви въ экспроприаціи мелкихъ собственниковъ Proudhon, 123 sq. Коммендація Fustel de Coulanges (R. d. d. M., 15 mai 1873, стр. 465—466. Ibid. 15 août 1874, стр. 565 sq., 568), Waitz, II, 194 sq. Маугер. 213. Инама-Стернегг, 278. Аналогія въ Англіи въ англо-саксонскій періодъ Hallam. Geschic' tliche Darstellung des Zustandes von Europa in Mittelalter. Lpz. 1820—21. II, 180, 187, 191. Gneist. Das englische Verwaltungsrecht. Berlin. 1867. I, 10. Guizot. Hist. des origines du gouvernement représentatif. Bruxelles. 1851. I, 72. II, 35. Для Россіи Бляевъ. Крестьяне на Руск. М. 1860, стр. 87—88. Эпизодъ съ Гонтраномъ Леумаріе, I, 142—143. Sugenheim, 16—17. Waitz, V, 266. Heussler. Der Ur-

prung der deutschen Stadtverfassung. Weimar. 1872, стр. 101. Fustel de Coulanges (R. d. d. M., 15 août 1874, стр. 575).

(4) Guizot. Hist. des origines, I, 144, 160, 163, 173. Heussler, 97. Laboulaye, 277 sq., 286. Характеръ средневѣковыхъ латифундій. Laboulaye, 280—281. Maurer, Einl., 247, 257, 263. Inama-Sternegg, 127—128, 156, 303. Cf. 260—261, 286, 295. Guérard, proleg., 481 sq. (§ 240—composition de la propriété), 577 sq. (о сенъерьяльномъ мансѣ).

(5) Maurer, Einl., 230—231. Inama-Sternegg, 277—278. Иммунигтеръ: Guérard, prolegomènes, 212 sq. Laboulaye, 322 sq. Darest de la Chavanne, 141 sq. Heussler, 26 sq. Cf. на стр. 34: so ist die Immunität nur eine Seite des Seniorats... Darum ist auch der durch die Immunität herbeigeführte Zustand nicht auf die Dauer haltbar, nur ein Uebergang zu weiterer Befestigung der grundherrlichen Macht.—Boutaric, rx. IV, §§ 7—12. Maurer, Einl. 239 sq. Inama-Sternegg, 277. Waitz, II, 640—643. 674 sq. IV, 243 sq. 375 sq. Sybel. Entstehung des deutschen Königthums. Frankfurt. 1844. 251 sq. Слѣшеніе государственныхъ и частнопрововыхъ понятій Waitz, II, 225, 235. Heussler, 112: Nicht alle Gewalt die ein Herr über seine censuelle und hörige Bevölkerung übt, ist der Ausfluss des Hofrechts, d. h. seiner privatrechtlichen Befugnisse übt dieselbe, sondern zum grossen Theile Uebertragung öffentlicher Gewalt. — О взаимныхъ отношеніяхъ вассаловъ одного сенъера Guérard, proleg., 553 sq. (§ 295: les vassaux d'un même seigneur se doivent mutuellement assistance).

(6) О локализациі права см. Guérard, proleg., 199. Warnkönig und Stein, II, 28 sq. Hallam, I, 162—164. Guizot. Hist. de la civ. en Fr., II, 263—264. Montesquieu. Esprit des lois, XVIII, 27. Michelet. Hist. de Fr., 157, 162 sq. Карасевичъ. Гражданское обычное право Франціи. М. 1875, стр. XIII, 185—186, 247 sq., 267 sq. Brasch, 18. Vonnemère. La France sous Louis XIV. Paris. 1864. I, 546. II, 487. Rivière, I, 409. Richter. Staats- und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution. Berlin. 1865—1866. I, 41. Lagrèze. Hist. du droit dans les Pyrénées. P. 1867, стр. 73 и 75. О недостаточности и сбивчивости источниковъ Guizot. Hist. de la civ. en Fr. III, 171. Zoerpf 355. Для Германіи cf. Waitz, V, 299 sq., 410. Eichhorn. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Göttingen 1843—44. II, 539, 550 sq. Gaede, 15. Rivière, I, 409. О преобладанія частнопрововыхъ отношеній Waitz, V, 255. Heussler, 144. Laboulaye, 547. Откуда крайнее разнообразіе въ положеніи масы: Warnkönig und Stein, III, 63. Guizot, IV, 85, 349. Laurent VII, 45. Les personnes sont si diverses, говорить въ XIII в. Воменуаръ, c'on que ne pourrait pas trouver el royaume de France deus chastellenies qui de toz cas uzassent d'une même coutume. О крайнемъ разнообразіи въ положенія сельскаго населенія даже въ одной сенъеріи можно судить, напр. по графству Bigorre въ Пиренеяхъ, гдѣ существовали des serfs, des seuzaux, des questaux, des francs, des sagots, des pausans. См. Lagrèze, стр. XIV и 36 sq. О возникновеніи подобнаго же разнообразія въ Германіи Waitz, V, 185 sq. (Jedes Stiff, jede Herrschaft, die einzelnen Dörfer oder Höfe, die einzelnen Familien haben auch ihr besonderes Recht. Ibid, 224). „Не удивляйтесь, говорить въ XIII в. составитель Саксонскаго Зерцала, что эта книга такъ мало говорить о правахъ служилыхъ людей, такъ какъ они столь равнообразны, что съ ними никогда не окончишь: подъ каждымъ епископомъ, аббатомъ или аббатиссой у служилыхъ людей особая права“. Ib., 302—303.

(7) Не смотря, говорить Бокль, на огромное разнообразіе формъ и названій, общество въ дѣйствительности дѣлилось только на два класса — высшій и низшій, покровителей и покровительствуемыхъ. И припоминая свѣрѣность господствовавшихъ тогда нравовъ, можно сказать безъ преувеличенія, что во Франціи при феодальной системѣ каждый человѣкъ былъ или тираномъ, или рабомъ. Исторія цивилизаціи въ Англіи, изд. Тиблена. Спб. 1863. I, 463. Cf. Маколей. Исторія Англіи (Собр. сочин., изд. Тиблена. Спб. 1861. VI, 8). Montesquieu XXX, 11. Во Франціи всѣ несвободные классы сливаются въ одинъ so dass wir hier wie im ganzen übrigen Europa zuletzt zwei grosse Klassen sehen, die der Herren und die der Eigenenen, bei denen zwar das Mass der Unterthänigkeit, aber nicht das Princip derselben verschieden ist. Stein, die Entwährung, 142. In keinem Lande in Europa ist nämlich im Mittelalter die alte Freiheit, welche ohne freien Grundbesitz gar nicht gedacht werden kann, mehr als in Frankreich geschwunden. Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Erlangen. 1869—71. I, 185. О смѣшеніи разныхъ классовъ Hallam, I, 178, прим. 1. Brasch, 33. Смирновъ, 18, 299. Карасевичъ, 221—222. Благородные и неблагородные Warnkönig und Stein, I, 251, прим. 8. О сословныхъ привилегіяхъ на судѣ Waitz, das alte Recht, 201; ergo же Deutsche Verfassungsgesch., IV, 430. Richter, I, 202. Warnkönig und Stein, III, 173, 229. Городское населеніе подъ властью сеньеровъ Heussler, 98. См. также ниже.

(8) См. Waitz, IV, 286, 495 sq. Maurer, Einl., 255 sq., 261. Inama-Sternegg, 232—233, 375—376. Sugenheim, 10. Fustel de Coulanges (R. d. d. M., 15 août 1874, стр. 572, 574). Guizot, III, 51. Закрѣпленія при каролингахъ Inama-Sternegg, 240, 244—245, 258. Waitz, IV, 282 sq. Запрещеніе гильдъ при каролингахъ и въ феодальную эпоху Leumarie, I, 224—225. II, 437—438.

(9) Fustel de Coulanges (R. d. d. M. 15 août 1874, стр. 567, 569). Robiou (Le Corresp. du 10 nov. 1874, стр. 598—599). Подобная же покорность и въ Германіи Waitz, V, 268—269. О насиліяхъ см. наприм., капитуларій 811 г. (Cf. Darestede la Chavanne, 157): „они (свободные бѣдняки), читаемъ мы въ немъ, говорятъ, что каждый разъ, какъ они отказываютъ отдать свое наследство епископу, аббату, графу, судѣ или сотнику, эти послѣдніе сейчасъ же ищутъ средствъ погубить бѣдняка. Они заставляютъ его идти въ войско пока онъ, разорившись окончательно, не продастъ или не отдастъ добровольно или по принужденію своего алода. Впрочемъ, что касается до тѣхъ, которые покорились волѣ могущественныхъ людей, то они остаются у своихъ очаговъ и ихъ никто не тревожитъ.“ О норманскихъ набѣдахъ и замкахъ Шевскій, II, 321. Fustel de Coulanges R. d. d. M. 15 août 1874, стр. 575 sq. Waitz V, 56—57. Michelet. Hist. de Fr., 146. Cf. Maurer, Einl. 251. Taine. Les origines de la France contemporaine. P. 1876. I, 11 sq.

ГЛАВА III.

(1) Du Cellier дѣлитъ населеніе феодальной сеньеріи на три главные класса: сервы, бывшіе въ полной зависимости отъ сеньера (gens de pleine roüste или de corps), вилланы разныхъ состояній (vilains) и люди съ рим-

b

с кой свободой (*hommes en possession de la liberté romaine*), какъ ихъ называли въ X в., или буржуа, какъ ихъ стали звать впоследствии, (стр. 69—83. У *Darste de la Chavanne* (196—214): 1) сервы *mainmortables* = *gens de corps, de condition* и 2) вилланы = *gens de poste, gentes potestatis*; у *W a r n k.* и *Stein'a* (II, 148—151. III, 56—72. Cf. I, 132 sq. II, 165—166) *les serfs (Leibeigene)*, *les vilains (Höbige)* и *les bourgeois*; у *Duru y* (H. de Fr. P. 1862. I, 240—241) *les serfs, les mainmortables et les vilains*. Леу маріе изъ слова сервъ дѣлаетъ генерическое обозначеніе крестьянъ въ франкскую эпоху (I, 107—270), какъ въ римскую эпоху называетъ ихъ вообще колонами, а въ феодальную—вилланами. *Dopiol* признаетъ два класса, сервовъ и виллановъ (*libres non gentis hons*) или что то же — *hons de cors (hommes de corps)* и *hons de poeste (homines potestatis)*. и, противопоставляя одно другому *ser v a g e*, какъ состояніе, приближающееся къ невольничеству, и *shain morte*, какъ состояніе, близкое къ свободѣ, замѣчаетъ однако, что на практикѣ даже между *ser v a g e* и *vilain age* не всегда можно было провести границу, стр. 30, 31, 51, 65, 125. Для послѣдняго замѣчанія ср. *W a r n k ö n i g* und *Stein*, III, 57, 63. *Воппешере*, I, 45. *Hallam*, I, 182 (*Da alle diese freien Leuten, unter dem Schutze irgend eines Gutsherrn leben mussten und grosse Schwierigkeit fanden ihren Wohnort zu wechseln, da sie von seiten ihrer Grundhörn so vielen Abgaben und Erpressungen ausgesetzt waren, so dürfen wir uns nicht wundern, wenn sie in solcher Zeitferne mit wirklichen Leibeigenen verwechselt sind*, стр. 178). Cf. то, что говоритъ *Guizot* (*Origines du gouv. représent.*, I, 169 sq.) о дѣленіи общества (отъ V до X в.) на свободныхъ алодіальныхъ собственниковъ, вассальныхъ владѣльцевъ бенефицій, съемщиковъ трибутарныхъ земель (цвентаріевъ) и сервовъ,—именно, что „первый классъ стремился исчезнуть и слиться съ вторымъ, третьимъ и даже четвертымъ.“ Cf. также *Delisle*, гл. I, представляющую основательное изслѣдованіе о юридическихъ классахъ крестьянскаго населенія Нормандіи преимущественно въ XIII в., стр. 1—26. О способахъ впаденія въ состояніе рабства въ меровингской и каролингской періодъ *Guérard*, proleg., 284 sq. Что касается до положенія отдѣльных лицъ въ сеньеріи въ эпоху феодализаціи, то объ этомъ см. особенно у *Guérard'a* (prolegom.) отдѣлъ подъ названіемъ „de l'état des personnes dans la seigneurie“, стр. 421—431.

(2) См. опредѣленія отдѣльных классовъ у авторовъ, указанныхъ въ примѣчаніи 1. Учетъ колоновъ при феодализаціи *Ипаша-Стернегг*, 123. *Du Cellier*, 49—50. Cf. *Guizot*, III, 196. *Смирновъ*, 17—18. *Zoepfl*, 354—355. Торговля рабами *Guérard*, proleg., 291 sq., 387 sq. *Rivière*, 157. *Gregorovius*. *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*. Stuttgart. 1859: II, 304. Cf. *Ковалевскій*, Собраніе неизданныхъ актовъ и документовъ, служащихъ къ характеристикѣ полцейской администраціи въ англійскихъ графствахъ въ XII, XIII и XIV вв. Лондонъ. 1876, стр. 9, примѣч. 1. *Leo*, I, 225. *W a i t z*, V, 192—193, также nota 6. Хозяйственная система среднихъ вѣковъ облагчаетъ участь рабовъ: *Ипаша-Стернегг*, 69. Переходъ сервовъ въ состояніе мѣнорта *Карасевичъ*, 213. О мѣнортѣ и мѣнортабляхъ *Rivière*, I, 159, 408 sq. *Guizot*, III, 202, IV, 39. О свободномъ населеніи сеньеріи *Laurent*, VII, 44. Cf. 474—475. Сравненіе съ Германіей *W a i t z*, V, 379, 381, 402—403. *Heussler*, 87 sq. Cf. *Sugenheim*, 360 sq., 391 sq., 430—431. Владѣніе и пользованіе землей, 110—111. О привилегіяхъ *hospitum W a r n*

könig und Stein, I, 89—90. Остатки серважа передъ революціей „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 17 sq., LIII sq. особой пагинаціи.

(3) Warnkönig und Stein, II, 160 sq. Серважъ по формарьяжу Bonpeshère, I, 54. Hallam, II, 475, прим. 2. Darestede la Chavanne, 205. Warn. und Stein II, 229. Richter, I, 75. Раздѣленіе земельныхъ участковъ на mansi ingenuiles, lidiles и serviles и перенесеніе ихъ значенія на достоинство занимающаго ихъ человѣка: Warnkönig und Stein II, 384. Cf. Warn. Urkundenbuch, стр. 141, 150 и др. Bouthors, 6, 150 и др. Guizot, IV, 341. Guérard, prol., 577 sq., 587 sq. Для позднѣйшаго времени „Крестьяне и крест. вопр. во Франціи“, стр. 20. Аналогичныя явленія въ Германіи и Англіи Zoerfl, 321. Hallam, II, 477. Albigenatus, aubainage — Warn. und St., II, 180—188. Laurent, VII, 305 sq. Объ обнажѣ въ международномъ правѣ: Ивановъ. Характеристика международныхъ отношеній въ историческомъ развитіи. Казань. 1874, стр. 98, 150.

(4) Darestede la Chavanne, 180, 232. Поденная работа въ эту эпоху составляла весьма рѣдкое явленіе. Inama-Sternegg, 367. Стремленіе къ наследственному пользованію землею ibid., 266. Guérard, proleg., 498—499, 502, 593 sq. Warnkönig, II, 387. Скребицкій (Вѣстн. Евр. 1867. II, 208—210). Doniol, 185. Первоначально участки сервовъ, не бывшихъ колонами, могли отниматься у нихъ по произволу господина, но съ начала IX в. сервы сравнялись въ этомъ отношеніи съ колонами. Сохраненіе алодовъ Girard-Teulon. La royauté et la bourgeoisie, P. 1872. I, 10, прим. 1. Половники — Laveleye, 115. Delisle, 50 sq. Для позднѣйшей эпохи „Крест. и крест. вопросъ“, 120 sq., 189 sq. La métairie avait un caractère commun avec les terres à champart, основательно замѣчаетъ Делиль (о шампарѣ, см. ниже, гл. III, прим. 8.)

(5) О средневѣковой общинѣ см. сочиненія, указанныя въ примѣч. 14 къ главѣ первой. О сдачѣ земель общинамъ и о съемкѣ общинами Darestede la Chavanne, 255. Doniol, 147. Парсоньеры — Doniol, 70—84, 144—152. Laveleye, 221—244. Michelet. Le peuple, 245. Warnk. und Stein, II, 156 sq. Rivière, I, 171, 412 sq. (см. у него о компаніи Guittar-Pinons.) Darestede la Chavanne, 231—246. Bonpeshère, II, 312 до 349. Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в., стр. 143—147. Натуральное хозяйство среднихъ вѣковъ Leumarie, II, 497. Delisle, 28 sq., 195 sq. Inama-Sternegg, 158—160. Cf. Lamprecht. Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftsleben im XI Jahrhundert (Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen herausgegeben von Schmoller. Bd. I, Hft. 3). Объ экономическомъ состояніи крестьянъ въ XIII в. см. статью Lefèvre о финансахъ въ Шампани (Biblioth. de l'école des chartes, 4 ser., T. IV).

(6) Таковъ одинъ изъ главныхъ результатовъ работы Lamprecht'a. О величинѣ мансовъ въ раннюю эпоху: Mager, Einl., 73, 125, 129, 137. Inama-Sternegg, 79, 130, 267. Laferrière. Hist. de droit français. P. 1852—56. V, 93, nota 47. Le fond colonaire était en général composé d'un manse, rarement de deux, souvent d'un demi-manse ou de moins encore. Guérard, proleg., 244, 499, 593—595, 601—603. Хотя мансы далеко не были равновелики (ibid., 605 sq.),

тѣмъ не менѣ между ними не существовало такой разницы, какая отличаетъ, напр., собственность мелкую отъ средней, и очевидно, очень крупныя мансы были раздѣлены между нѣсколькими семьями. Нѣкоторые явленія позднѣйшаго времени подтверждаютъ наше мнѣнiе о томъ, что первоначально очень большаго различiя въ величинѣ отдѣльныхъ хозяйствъ не было. Cf. Delisle, 8, 15, 36—37, 298 sq. Крестьяне и крестьянскiй вопросъ во Францiи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, стр. 115 sq., 104, 121—136, 39, 195, 21, 120—121, 190, 193, 136, 117, 126—127, 373—374. Наемный трудъ и фермерство Delisle, 51 sq. В a u d r i l l a r t (Rapport sur l'état moral, intellectuel et matériel des populations agricoles de la Normandie. Въ Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1878, mai—juin (I), aout—septembre (II). I, 667, 637, 674, II, 178, 201, 202. I, 675, 676). Cf. R o b i l l a r d d e B e a u r e p a i r e. Notes et documents concernant l'état des campagnes de la Haute Normandie dans les derniers temps du moyen âge. — B o u t h o r s, 128. О барщинномъ трудѣ въ VIII и IX вв. G u é r a r d, proleg., 637 sq., особенно 754 sq. Delisle, 79 sq. Необходимо обратить вниманiе на слѣдующее замѣчанiе Делиля (стр. 25): la véritable féodalité n'admettait pour ainsi dire point de domestiques.... Les grands propriétaires ruraux n'avaient donc guère besoin de serviteurs loués à l'année, ni d'ouvriers loués au jour... Plus la féodalité s'éloigna de ses principes, plus on eut recours aux domestiques et aux journaliers.

(7) В o n n e m è r e, I, 230—277. L a g r è z e, 344 — 383. L e u m a r i e, II, 315 sq. К а р а с е в и ч ъ, 413—425. S u g e n h e i m, 93 sq. D u C e l l i e r, 78 sq. С к р е б и ц к iй, II, 210, Delisle 56 sq. И пр. и пр. См. также „Крестьяне и крестьянскiй вопросъ во Францiи“, гдѣ говорится о феодальныхъ поборахъ, существовавшихъ въ XVIII вѣкѣ, стр. 23—25, 36—57, 77—81. Разнообразiе сеньерьяльныхъ правъ G n e i s t. Adel und Ritterschaft in England. Berlin. 1853, стр. 18. „Крестьяне и крест. вопросъ“, стр. 16, прим. 23. Незаконные поборы D o n i o l 122, прим. С м и р н о в ъ, 54, прим. 6. B o u t h o r s, 271. О происхожденiи сеньерьяльныхъ поборовъ G u é r a r d, proleg., 697 sq. Delisle приводитъ (стр. 668—673) le conte des vilains de Verson par Estout de Goz (изъ середины XIII в.), авторъ котораго начинаетъ свою сатиру упреками крестьянамъ Версона, пожелавшимъ было стянуть съ себя власть аббатства Mont—St.—Michel, и переходить къ весьма длинному перечисленiю повинностей крестьянъ.

(8) W a r n k ö n i g u n d S t e i n, III, 58—63. Подобное явленiе и въ Италiи, H e g e l, II, 93. Cf. L a b o u l a y e, 462 sq. О цензѣ см. „Крестьяне и крестьянскiй вопросъ во Францiи“, стр. 34 sq., 26, 43, 45, 46, 69, 72, 77, 54, 229, 452, 85—90, 65. Cf. G u é r a r d, prol. 696 sq. Delisle, 60 sq. S u g e n h e i m, 93, 95. W a r n k ö n i g u n d S t e i n, II, 388, 396. B o u t h o r s, 261, 263. M a i n e. Des causes de la décadence de la propriété féodale. P. 1877, стр. 25. Особенно много важныхъ соображенiй у C h a m p i o n n i è r e. De la propriété des eaux courantes. P. 1846, стр. 313 sq. Ш а м п а р ъ G u é r a r d, prol., 680 sq. Delisle, 47 sq., 64.— „Крестьяне и крестьянскiй вопросъ во Францiи“, стр. 47 sq. W a r n k ö n i g u n d S t e i n, I, 258. N u l l e t e r r e s a n s s e i g n e u r—„Крестьяне и крестьянскiй вопросъ“, стр. 64 sq. C h a m p i o n n i è r e, 183 sq., 319 sq., 326 sq., 713, особенно 324 sq.

(9) B o u t h o r s, 451. S u g e n h e i m, 79, 103 — 105, В o n n e m è r e, I, 57—62, 144. L a g r è z e, 384—425, 495 — 496 (Лягрэзу принадлежитъ еще спе-

ціальная монографія *Essai sur le droit du seigneur*, P. 1855). Cf. „Крестьяне и крестьянскій вопрос“, 83—84. Известный ультрамонтанъ *Veillot* написалъ цѣлое сочиненіе противъ существованія этого права (*Le droit du seigneur au moyen âge*. P. 1854). *M. Louis Veillot*, говоритъ *Bouthors*, a entassé Pelion sur Ossa pour prouver le contraire. C'est un travail herculéen qu'il aurait pu s'épargner. *Sugenheim* также подсмѣивается надъ доказательствами Вельо. Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи о серважѣ (*Chassin. L'église et les derniers serfs*. P. 1880) мы находимъ двѣ главы о *droit du seigneur* (стр. 114—127), въ которыхъ также немало доказательствъ въ пользу существованія права первой ночи. О лягушкахъ *Laurent*, VII, 52. *Bouthors*, 542. „Крестьяне и крест. вопросъ“, 83. *Bonnemère*, II, 260. *Michelet. Histoire de la révolution Française*. P. 1868, I, 97. Багалитеты—*Warn. und Stein*, II, 256—257. *Rivière I*, 427—429. *Daniol*, 198. Cf. „Крестьяне и крест. вопросъ“, стр. 78—80. Охота, гарены, голубятни—*Sugenheim*, 99—100. *Bouthors*, 106. „Крестьяне и крест. вопр.“, 53 sq. *Championnière*, 63.

(10) *Darest de la Chavanne*, 333. *Du Cellier*, 68—69. *Hallam*, I, 229. *Guizot*, III, 196. *Warn. und Stein*, I, 239, 241, 206; III, 23—29. *Méray*, 90 sq., 93, 96. О сенъерьяльномъ судѣ въ XVIII в. „Крестьяне и крест. вопр.“, 80—81.

ГЛАВА IV.

(1) *Laferrière. Hist. des principes, des institutions et des lois pendant la révolution française*. P. 1851—52, стр. 115—116. *Laurent*, VII, 156 sq., 162 sq., 223 sq. Гильды—*Watz*, IV, 302, 364—366. *Brasch*, 27. *Arnold. Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte. Hamburg und Gotha. 1854. I*, 401. Норманнское возстаніе 997 г. *Delisle*, 121 sq., *Aug. Thierry. Hist. de la conquête d'Angleterre par les Normands. Oeuvres, Bruxelles. 1839*, стр. 56 sq. *Hallam*, II, 443. *Leymarie*, I, 257. *Thibaudéau. Histoire des états généraux*. P. 1843. I, 32. *Lenient*, 19 sq. *Méray*, 108, *Guizot*, III, 200. *Michelet. Hist. de France*, I, 243. *Wachsmuth*, 305—318. *Bonnemère. Hist. de la Jacquerie. Magny en Vexin. 1874*, стр. 11 sq. О другихъ возстаніяхъ *Bonnemère* (*ibid.*, 20—21), *Guizot* (l. c.) *Sugenheim*, 88 и др. Cf. *Eysenbach. Insurrection des serfs du prieuré de Ste-Milburgé de Venlock vers 1163* (*Bibliothèque de l'école des chartes*, серия I, томъ 3, стр. 561—567). *Gustave Saige. Une alliance défensive entre propriétaires allodiaux au XII siècle* (*ibid.*, серия V, т. 2, стр. 374—383). Въ Германіи первыя извѣстія о крестьянскихъ возстаніяхъ относятся даже въ XII в., и поводы къ нимъ въ лѣтописяхъ обозначаются такъ: *qui se nimis opprimi dolebant, spe libertatis inaniter accensi, quibus dominationis suae jugum grave fuit, propterea quia oppressiones ejus diutius ferre noluerunt*. *Watz*, V, 268, 269.

(2) *Bonnemère. Hist. des paysans*, I, 89—90. Грановскій. Аббатъ Сугерій (сочиненія I, 275 sq., 280, 289). *Guizot*, IV, 17, *Michelet. Hist. de Fr.*, I, 243. *Robiou* (*Le Corresp. du 10 janv. 1875*, стр. 142). Cf. *Warnkönig und Stein*, III, 62. *Richter*, II, 162—163. *Michelet. Hist. de Fr. I*, 249,

340, 359. Guizot. Histoire de la civilisation en Europe. P. 1863, стр. 109 — 110. Его же Hist. de la révol. d'Angleterre. P. 1826—7, т. I, стр. V. Aubry-Vitet. Les états généraux avant 1789 (Revue de deux mondes. 1873, mai, 2 livr., стр. 341). Stein. Geschichte der socialen Bewegungen in Frankreich. Lpz. 1850. I, 109. Warnkönig, I, 168. Случай съ Бьянкой Bonnemère, I, 167—169. Wachsmuth, 358—360.

(3) Delisle, 115 sq. Semichon. Hist. de la trêve de Dieu. Demolins, 39—50. Смирновъ, 53. Waitz, Urkunden, z. d. Verf., Kiel. 1871, стр. 16. Laurent, VII, 166 sq. Robiou (Le Cor. du 10 janv. 1875, стр. 137 sq.) О рыцаряхъ Michelet, Hist. de Fr., I, 214, 501. Méray, 106. Laurent VI, 73 — 74, VII, 178, 212 sq., 197 — 198. О вліяніи крестовыхъ походовъ Laurent, VII, 443 sq. Sugenheim, 107 sq. Michelet, Hist. de Fr. I, 242 sq. Lagrèze, 42 — 43. Скребицкий, II, 213 sq.

(4) О роли церкви Du Cellier, 84 — 91. Sugenheim, 108—110. Guizot. Hist. de la civil. en Europe, 110, 279. Крестьяне помогли Григорию VII въ его реформѣ духовенства — Laurent (изд. 1865), VI, 89. Феодальная власть духовенства — Laurent, VII, 523 sq., 537, VIII, 211 sq. XIII, 40. — Richter, I, 213 — 214. Laboulaye, 439, Карасевичъ, 223. Barni, I, 337. Ешевскій, II, 360. Daresté de la Chavanne, 412. О послѣднихъ сервахъ, принадлежавшихъ церкви въ XVIII в., см. сочиненіе Chassin: L'Eglise et le derniers serfs. P. 1880. О томъ же въ Германіи въ X—XII вв. Waitz, V, 213 sq., 226 sq. Heussler, 98. Успѣшнѣе всего дѣйствовала церковь для освобожденія сервовъ въ Англіи: Gneist, Adel und Ritterschaft, 62. Ковалевскій, Собраніе, 9. Маколей, VI, 23 sq., 50. Но если въ Англіи до реформациі почти всѣ крѣпостные въ королевствѣ были освобождены, то крѣпостные церкви были еще сервами. Ib. 25. Но особенно замѣчательна освободительная роль духовенства въ Скандинавіи. Скребицкий, IV, 511. Первые возстанія коммуны противъ духовныхъ сеньеровъ Doniol, 95. Грановскій, I, 286. То же въ Германіи Arnold, passim. Maurer, Städteverfassung. I, 642 sq. Hegel, II, 437. Равнымъ образомъ и въ Италіи Hegel, II, 99, 193 sq. Десятина. Bonnemère, I, 141 sq. Rivière, I, 138, 139. I, 436. Leumarie, II, 312. Laurent, VIII, 231 sq. Delisle, 96 sq. О десятинѣ въ XVIII в. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 51—53. О платѣ за требы Bonnemère, I, 276. Cf. Laurent, VIII, 258. Lenient, 249.

(5) Laurent, VI, 469. Смирновъ, 97. Вызьянскій. Папство и священная римская имперія въ XIV и XV вв. М. 1857, стр. 45, 49. Bonnemère I, 97. Guizot, III, 365. Ср. приговоръ Гнейста: auf dem Königthum beruhte auch hier der Segen und der Fluch der Völker. Geschichte der englischen Communalverfassung. Berlin. 1863. I, 137. Idem по отношенію къ горожанамъ Смирновъ, 42. О роли легистовъ есть выписки изъ разныхъ авторовъ у Demolins, 235—236. Кромѣ того, см. Doniol, 58 sq., 64, 117. Tocqueville. Oeuvres complètes. P. 1865. VIII, 39—40. Perrens. La démocratie en France au moyen âge. P. 1873. I, 51 sq. Laurent, VII, 552—561. XIII, 73 sq. VII, 45. О позднѣйшихъ легистахъ см. Bardoux. Les légistes au XVIII siècle (Revue hist. du droit français et étranger. 1858). О римскихъ юристахъ въ Германіи Sugenheim, 360. Eichhorn. III, 364 (п. а), 384. О вліяніи идей легистовъ Thibaudeau, I, 52. См. ниже прим. къ глав. V.

(6) Guizot, III, 332—334. О pastoureaux Hallam, II, 549—550. Wachsmuth, 350—358. Осъ усобицахъ при Людовикѣ IX и войны XIII в. Bonnemère, I, 125—128. Осокинъ. Исторія альбигойцевъ. Казань. 1869. I, 66, 79, 385 (прим. 190), 428, 544.

(7) Средневѣковые города — предметъ обширной литературы, которая разрѣшаетъ крайне запутанные вопросы относительно ихъ происхожденія, внутренней организаціи, политической роли и т. п. Для насъ важны только два пункта — первоначальное состояніе, въ которомъ находились города до коммунальной революціи XI и слѣд. вѣковъ, и отношенія, въ какія стали горожане къ крестьянамъ. Для послѣдующаго въ текстѣ (и для ссылокъ на аналогичные факты и въ исторіи городовъ другихъ странъ) см. соч. Arnold'a, Dey (Étude historique sur l'établissement des communes au XII siècle dans la province ecclésiastique de Reims. Reims, 1873), Guizot, Heussler'a, Hegel'a, Maurer'a Perrens'a, Смирнова, Thierry (Lettres sur l'histoire de France и Essai sur l'histoire du tiers état) и др. Cf. Debaek. Libéraux et démagogues au moyen âge. P. 1872. Giraud-Teulon. La royauté et la bourgeoisie. P. 1872. Laurent, Hallam, Warnk. und Stein, „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 94 sq., а также исторіи крестьянъ Вонмера, Дю Селье и др. О происхожденіи городовъ Guizot. Hist. de la civ. en Europe, 196 sq. Warnk. und Stein, I, 143—146. Maurer, I, 185 sq. Критическій очеркъ различныхъ теорій у Hegel'a II, 335 sq. О различіи въ положеніи городовъ Thierry (Essai sur l'hist. du tiers état, 291 sq.), Guizot (Hist. de la civ. en Fr. IV, 11—12, 19—20), Смирновъ, 47 sq. Warnk. und Stein, I, 262 sq., 304 sq., Hegel, II, 366 sq. О характерѣ той свободы, которой добивались горожане, Warnk. und Stein, I, 284. Thierry, Lettres (Oeuvres, 480), Littré, 288. Смирновъ, 206. Guizot, IV, 37. Proudhon. Théorie de l'impôt. P. 1868, стр. 19—20. О томъ же въ Германіи и Италіи Arnold, I, 188. Hegel, II, 100, 448, 450. Ненависть духовенства къ коммунамъ Thierry, Lettres, 480. Doniol, 131. Bonnemère, I, 76. Смирновъ, 195 sq. Laurent, VII, 511 sq. Leumarie, II, 437—438. Отношеніе кортлевской власти къ коммунамъ Грановскій. Аббатъ Сугерій (Соч. I, 288, 311). Bonnemère, I, 80. Особенно Thierry, Lettres. Мотивы утвержденія коммунальныхъ хартиѣ Warnk. und Stein, I, 302. Hallam, I, 252. Hegel, II, 367, nota 3. Кутюма Lorris en Gâtinais — Thierry (Tiers état, 310). Guizot, IV, 34 sq. Du Cellier, 103—105. Warnk. und Stein, I, 305—306. Отмѣна серважа въ городахъ Guizot, IV, 33, 324, 45. Warnk. und Stein, I, 269. Результаты освобожденія коммунаъ Laurent, VII, 439 sq. Maurer, I, 394 sq., IV, 82—114. I. 657. Arnold, II, 119—291.

(8) Quinet. La révolution. P. 1866, I, 7. Michelet. Hist. de Fr. I, 286. Hegel, II, 374, 167. Debaeq, 27 sq., 31. Ковалевскій. Опыты по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи. М. 1876. т. I, вып. 1. стр. 21—23. Giraud-Teulon, I, примѣч. на стр. 17—19 (cf. Dans la commune du Nord personne ne songea à émanciper l'homme comme tel, стр. 18). Doniol, 132. Поэтому слѣдуетъ нѣсколько ограничить представленіе о демократизмѣ французскихъ городовъ у Guizot, IV, 57 sq., Littré, 212, 229 и т. д. См. критику взглядовъ Гизо у Laurent, XII, 493 sq., 475—476. XIII, 171. О раздѣленіи горожанъ на два класса, особенно съ XIV в., когда только одинъ высшій классъ носилъ названіе буржуазіи Du Cellier, 231. Warnk. und Stein, I, 263, 293, 296. Guizot, IV

383. Смирновъ, 18, 92, 200, 267 sq. Laurent, VII, 493. О подчиненіи крестьянъ городамъ Карасевичъ, 365. Смирновъ, 101. Laurent, VII, 478. Deniel, 132. Guizot. Hist. de la civ. en Europe, 216. О приобрѣтеніи буржуазіей феодальныхъ правъ, земель и пр. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 101 sq.

(9) Впрочемъ, города и между собою не умѣли соединиться: Guizot, IV, 71 sq. Brasch, 27. Смирновъ, 305. Взаимныя отношенія городовъ и деревень — Laurent, VI, 433, п. 1. Ешевскій, III, 387. Hallam, I, 178, 254, прим. 2. Смирновъ, 185, 71, 252. Thierry (Tiers état, 438). Vonnemère, I, 93. Warnk. und Stein, I, прилож., стр. 33. II, 153, 182. Карасевичъ, 385. Thierry (Lettres, 488, 491). Guizot, IV, 45, 75, 310. Demoling, 329. Michelet. Hist. de Fr., I, 447. Bouthors, 414 sq. Ковалевскій. Распаденіе общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ввадль, стр. 12 и 13. О пренебреженіи горожанъ къ крестьянамъ Peggens, I, 219. Thierry (Tiers état, 434, 441). Смирновъ, 256, прим. 2. Laurent, VII, 517. О существованіи крѣпостныхъ въ Ланъ см. Warnk. und Stein, I, 296. См. также §§ 14 и 19 ланской грамоты (Ibid., прилож., стр. 32—33). О притѣсненіяхъ крестьянъ горожанами Грановскій, I, 248. Thierry (Lettres, 487, 489). Смирновъ, 61, 208. Vonnemère, I, 96. Guizot, IV, 344, 367, 368, 378, 44, 46. Laurent, VII, 485—486. Строгіе приговоры о значеніи для крестьянъ освобожденія городовъ Wachsmuth, 360. Gneist, Adel, 32. Michelet. La Renaissance, 112—113.

(10) Интересно сравнить исторію французскихъ коммунъ съ нѣмецкими, итальянскими и англійскими. Городское движеніе въ Германіи и Италіи имѣло цѣлью сломить свѣтскую власть епископовъ, но многіе жители нѣм. городовъ, именно несвободные и зависимые люди, доводствовались приобрѣтеніемъ одной гражданской свободы, свободы личности и имущества. Hegel, II, 100, 448, 450. Arnold, I, 188. Что касается до отношенія горожанъ къ крестьянамъ, то въ Италіи по примѣру Флоренціи (въ XII в.) города объявили, что будутъ покровительствовать окрестному сельскому населенію, угнетенному дворянами и духовными, но скоро вступленіе помѣщиковъ въ число горожанъ измѣнило отношенія. Тѣмъ не менѣе съ XIII в. города на разнообразныхъ условіяхъ стали отпускать крестьянъ на волю. Скребицкій, III, 271—276. Въ Германіи отношенія горожанъ къ крестьянамъ были лучше, чѣмъ во Франціи. Большая часть войнъ между дворянствомъ и имперскими городами велась въ XIV и XV вв. вслѣдствіе того, что горожане принимали крестьянъ подъ свою защиту. Скребицкій, III, 292. Крестьяне бѣжали здѣсь въ города и для того, чтобы избѣжать ухудшенія положенія деревень, какъ это случалось иногда и въ Италіи. Arnold, I, 141. II, 130. Hegel, II, 61, 87, 95 и др. Въ Германіи изъ такихъ крестьянъ образовались особые классы Pfahlbürger'овъ и Ausbürger'овъ. Hallam, I, 560—561. Sugenheim, 351 sq. Mauger, II, 241—250. Только необходимость сдѣлать князьямъ уступку для привлеченія ихъ въ свой союзъ (1254) заставила города отказаться отъ пфальбургерства. Arnold, II, 74, 77. Вообще объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ нѣм. городахъ Mauger, I, 379 sq. Впрочемъ, поселеніе въ городѣ не всегда дѣлало въ Германіи крѣпостнаго свободнымъ. Waitz, V, 356, nota 7; 357, nota 4. Вообще нѣмецкіе города были весьма благопріятно расположены къ крестьянамъ. Другое дѣло въ Швейцаріи: здѣсь горожане не могли устоять противъ соблазна имѣть крѣпостныхъ. Освобожденіе ихъ началось въ

XV в. и не окончилось вполне передъ французской революціей. Скребицкій, IV, 226—227. Въ Англіи право городовъ принимать бѣглыхъ виллановъ не было ограничено, и годъ съ днемъ пребыванія въ городѣ освобождало крѣпостнаго. Ковалевскій, Собраніе и т. д., 10—11. Явленіе, подобное феодальному герцугству въ Англіи Hallam, II, 482—483. Gneist, Communalverfassung, I, 108. Объ общественномъ неравенствѣ въ городахъ нѣмецкихъ, гдѣ на небольшую кучку полноправныхъ гражданъ приходилась масса подданныхъ гражданъ, Arnold P, 180—218. I, 425. Idem въ Англіи Gneist, Communalverfassung, I, 108, 109, 251.

(11) О Генеральныхъ штатахъ, кромѣ общихъ сочиненій, см. Aubry-Vitet, Bavelier (Essai historique sur le droit d'élection et sur les anciennes assemblées représentatives de la France. P. 1874), Picot (Histoire des États généraux. P. 1872), Rathery (Histoire des États généraux de France. P. 1845), Thibaudeau и др. Cf. Wachsmuth, 362. Richter, II, 17. Häusser. Geschichte der französischen Revolution. Berlin. 1867, стр. 74. „Крестьяне и крестьянский вопросъ во Франціи“, 97 sq. Bonnemère, I, 198 sq. Daresté de la Chavanne, 485. Proudhon (De l'impôt, 23).

ГЛАВА V.

(1) Thibaudeau, 1, 90. Robiou (Le Corresp. du 10 janv. 1875, стр. 142) Rivière, I, 291—292. Leumarie, II, 458 sq. Thierry (Lettres sur l'hist. de France, 509. Tiers état, 32—34, 294 примѣч. 1, 339). Ешевскій III, 387. Смирновъ, 168 sq., 184. Brasch, 33. Laurent, VII, 521, 525, 526 sq., 531, 534, 239. Lagrèze, 43—44, 168 sq. Bouthors, 338 sq. Приведенныя въ текстѣ слова Гизо находятся въ его сочиненіи Hist. des origines du gouvern. représent. I, 44. Грамоты, данныя деревнямъ Leumarie, II, 463—491. Demolins, 59—60. Bavelier, 65—66. Babeau, 3 sq. Robiou (Les populations rurales en France de la fin des croisades à l'avènement des Valois. Revue des questions historiques 1875. Томъ XVIII, стр. 384 sq.) Cf. Delisle, 141—142, особенно прим. 45. Нѣкоторые изъ нихъ изданы (d'Arbois de Joubainville въ Bibliothèque de l'École des Chartes, 3 серия, томъ II) и въ приложеніи къ разнымъ сочиненіямъ (см. напр. у Делиля на стр. 652 sq. Fondation et coutumes d'un village à Courchelles dans l'ancien doyenné d'Aumale). Въ одной грамотѣ Людовика VIII деревнѣ Asnières въ Пикардіи, которую приводитъ Demolins, 313—318, замѣчательна статья 18: si qui de hoc franchisia erant servilis conditionis die qua presens carta fuit facta, volumus tam ipsos, quam illorum heredes liberos in perpetuum manere. Въ другомъ подобномъ актѣ (Leumarie, II, 419) читаемъ: Statuimus ut nullus seu nulla conditionis servilis homo vel femina. de caetero in terra de Stampesio domum, vineam vel agrum valeat possidere, et sic terra illa in posterum praeconio exaltetur libertatis. Cf. „Крестьяне и крестьянский вопросъ“, стр. 95—97. О болѣе раннихъ отпущеніяхъ на волю см. особенно у Guérard'a стр. 366 sqq. (proleg.) О выкупѣ крестьянами разныхъ повинностей въ раннюю эпоху Delisle, 126 sq. Весьма важно слѣдующее замѣчаніе объ этомъ у Делиля: Les services rachetés sont plutôt réels que personnels, c'est-à-dire exigibles de la terre plus que de l'homme, стр. 133. Поэтому мы не останавливаемся на подробностяхъ, тѣмъ болѣе, что выкупъ этотъ,

начавшийся съ XIII и даже XII в., и черезъ 500 лѣтъ не освободилъ почвы отъ феодальной зависимости: les services abolis, замѣчаетъ Дежиль (ibid), furent généralement remplacés par des rentes.

(2) Bonnemère, I, 188, 209. Michelet. Hist. de Fr., I, 206. Thierry, Tiers état, 41. Laurent, VI, 439. VII, 528 sq. Экономическія соображенія Daresté de la Chavanne, 223. Doniol, 99. Thierry, Tiers état; 78 — 79. Laurent, VII, 521—522. Основаніе новыхъ поселеній Thierry (Tiers état, 37 Lettres sur l'hist. de Fr., 478). Duruy, I, 351. Leymarie, II, 439 sq. Lagrèze, 43—44, 168 sq. Babeau, 14.

(3) Guérard, proleg., 392 sq. Doniol, 39, прим. Bavelier, 52 — 53 прим. Грановскій, I, 283. Warnk. und Stein, I, 273. Текстъ отпущенной грамоты Людовика VIII см. у Guizot, IV, 346—348. Ордоннансъ Людовика X—Guizot, III, 208—209. Bonnemère, I, 209—211. Leymarie, II, 420 — 422. Robiou (Revue des questions historiques, XVIII, 402 sq.) Perrens, I, 65 sq. Карасевичъ, 377. Въ 1318 г. Филиппъ V выпустилъ новое изданіе ордоннанса своего брата, и освобожденіе совершалось все-таки медленно. Warnk. und Stein, I, 406. Hallam, I, 185. Законодательная власть королей и les privilèges des nobles Warnk. und Stein, I, 204, 241 и др., 417—418. III, 404 sq., 435—436. Stein die Entwähnung, 144. Объ эдиктѣ Людовика XVI см. „Крестьяне и крест. вопросъ во Франціи“, стр. 315—316, а также Chassin, les derniers serfs, стр. 69—75. Финансовый характеръ мѣры Людовика X Michelet, Hist. de Fr., I, 452. Leymarie, II, 424. Doniol, 235. Es war eine Finanzspeculation, durch welche ihre (der Serven) Lage im wesentlichen nicht geändert wurde. Warnkönig, I, 371. Cf. Wachsmuth, 360, 362. Объ отношеніи сервовъ къ предложенной имъ свободѣ Levasseur, I, 179. Мнѣніе Дарестъ де ля Шаванна, стр. 222. Слова Thierry, въ Essai sur l'histoire du tiers état на стр. 79, Sugenheim'a на стр. 116. Сравни съ этими отзывами Proudhon (de l'impôt, 21), Laurent, VII, 535 sq., Michelet (La Renaissance, 23), Thibaudeau I, 70.

(4) Sugenheim, 116. Daresté de la Chavanne, 215 sq. Возвращеніе вольноотпущенныхъ въ рабство Bonnemère, I, 179—180. Деревенскія общины и покупка ими льготныхъ грамотъ Brasch, 33—41. Bouthors 338 sq. Смотри также прим. 1 къ этой главѣ. Сравненіе документовъ у Leymarie, II, 407—414. Условія отпущенія на волю Leymarie, II, 432—433. Lagrèze, 44. Bonnemère, I, 228. Cf. Demante. Observations sur les actes d'affranchissement du cartulaire de Notre Dame de Paris (Biblioth. de l'École des Chartes, 4 ser., т. I, стр. 36 sq.). Причины разнообразія въ положеніи крестьянъ Doniol, 101. Du Cellier, 151. Thierry, Tiers état, 79. Warnkönig und Stein, I, 264. Arnold, II, 132—133. Чичеринъ. Очерки Англіи и Франціи. М. 1858 (Статья о французскихъ крестьянахъ, стр. 258). О характерной особености средних вѣковъ Waitz, V, 119. Cf. 177. Guizot Hist. du gouvern. représ., II, 131. Маколей, VI, 30. Измѣненіе цѣны монеты Doniol, 237. Levasseur, I, 559. Hallam, I, 195 — 196. Michelet. Hist. de Fr. I, 489 sq. О вліяніи черной смерти на Италію Burschardt. Die Kultur der Renaissance in Italien. Lpz. 1869, стр. 62. Указъ Эдуарда III Hallam II, 483. Ковалевскій. Собраніе, 21 sq. О черной смерти во Франціи см. Mi-

chelet. Hist. de Fr. I, 433. Въ Англии вадорожаніе рабочихъ рукъ вызвало даже попытку новаго закрѣпощенія крестьянъ, которая и была причиною извѣстнаго возстанія. Ковалевскій, Собраніе 18—19.

(5) Leumarie, II, 426, 428—429. Laurent, VII, 520, 524. Bonnemère, I, 215. Doniol, 100. Sugenheim, 125. Warn. und Stein, 230. II, 163—164. Bourgeoisie du roi Thierry (Tiers état, 42—43). Warnkönig, I, 424—425. Соціально-религіозное броженіе въ XII—XIV вв. Leumarie, II, 443—444. Du Cellier, 123—126, 156—157. Laurent, VII, 295 sq.

(6) О жакеріи см. Luce. Histoire de la Jacquerie d'après des documents inédits. P. 1859. Его же изданіе хроники первыхъ четырехъ Валуа (Chronique des quatre premiers Valois publiée par Siméon Luce. P. 1862. На стр. 71—77 находится здѣсь интересныя подробности о послѣднихъ проществіяхъ жакеріи) Bonnemère. Hist. de la Jacquerie. Magny en Vexin. 1874. Perrens, I, 288—307. Lenient, 208 sq. Wachsmuth, 363 sq. Michelet. Hist. de Fr., I, 501 sq.

О сочувствіи Марсея къ le bon commun, les bonnes gens de tout le plat païs и les bons laboureurs, страдавшихъ отъ gentils hommes qui sont plus vilains que gentils см. у Thierry, Tiers état, 478 sq. (Письмо Марсея въ Ипръ отъ 11 іюля 1358 г.) Cf. Смирновъ, 121, 141. Въ письмѣ къ графу Савойскому дофинъ обвиняетъ Марсея въ томъ, что онъ esmu les gens du plat païs de France, de Beauvoisis, de Champagne et d'autres lieux contre les nobles du dit Royaume. Picot, I, 79 примѣч. Къ возстанію крестьянъ примыкали и горожане Thierry, Tiers état, 56—57, 444, Смирновъ, 118, 267. Michelet. Hist. de Fr. I, 503. Bonnemère. H. de la Jacquerie, 81, 95—96. Perrens, I, 296 sq. Объ отказѣ большинства буржуазіи отъ крестьянъ Michelet. Renaissance, 79. Perrens, II, 11. Cf. I, 218, 357—358 и др. II, 264. Поводъ къ возстанію Perrens, I, 154, 292, Picot I, 79. Доволеніе крестьянамъ силою отражать нападенія Picot, I, 121, 134. Число возставшихъ ThibaudEAU, I, 170. Названіе крестьянъ жаками простяками: tunc temporis, читаемъ мы въ одной лѣтописи, derisiones de rusticis et simplicibus facientes vocabant eos Jacques Bonhomme. Per rusticos seu Jacques Bonhomme, сказано въ другой лѣтописи. Thierry, Tiers état, 57. Michelet. Hist. de Fr. I, 506. Cf. Wachsmuth, 364, примѣч. 6. Характеръ возстанія Thierry, Tiers état, 55—56. Perrens, II, 34. Союзъ противъ жаковъ Perrens, I, 306. Debacq, 171, 169. Конецъ возстанія Perrens, I, 302. Результатъ его Perrens, II, 11. Скребицкій, II, 319. Отзывъ Петрарки Hallam, I, 64 прим.

ГЛАВА VI.

(1) Bailly. Histoire financière de la France depuis l'origine de la monarchie jusqu'à la fin de 1786. P. 1830. Clamageran. Hist. de l'impôt en France P. 1867 — 68 — 76. Cf. Warn. und Stein, I, 256, 260, III, прим. 1. 317. Bonnemère, I, 236 sq. 282, 284, 394 sq. Picot, I, 38, 138, 331 sq. О Людовикѣ XII Thierry (Tiers état, 95), Michelet (Renaissance, 358 sq.) О фискальномъ характерѣ французской монархіи въ XVII в. см. Гольцевъ. Государственное

хозяйство во Франціи XVII вѣка. М. 1878. Ковалевскій. Опыты по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи. М. 1876. Для XVIII в. смотри „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, стр. 166—183. V a t b i e. Mélanges d'économie politique (Impôt avant et après 1789). C a l m o n. De l'impôt avant 1789. (Le Correspondent, 1865, octobre).

(2) В о п п е ш è r e, I, 287, 288, 208, 259, 311 sq. M i c h e l e t. Hist. de Fr., I, 483, 660. II, 19. D o n i o l, 209, прим. V i l l a u m é. Hist. de J e a n n e D a r c. P. 1863, стр. 20, 55, 56. A u b r y - V i t e t, 356, P e r r e n s, II, 31, 85. R i v i è r e, I, 214. — Возрожденіе феодальной анархіи В о п п е ш è r e, I, 206, 208. T h i e r r y, Tiers état, 75. Cf. L e n i e n t, 250. С м и р н о в ъ, 172. M i c h e l e t, Hist. de Fr. II, 66 sq. D u r u y, I, 476. О вліяніи смутныхъ временъ XIV и XV в. на экономическое состояніе крестьянъ, о разореніи земледѣльческаго класса въ эту эпоху см. у D e l i s l e, 220 sq.

(3) S t e i n, die Entwährung, 144. W a r n. und S t e i n, II, 75, 76 sq., 130 sq. и въ приложеніи (Urkundenbuch) стр. 145 sq., также III, 508 sq. К а р а с е в и ч ъ, 282 sq. L e y m a r i e, II, 521—522. P i c o t, I, 460 sq., II, 557 sq., III, 187. M i c h e l e t. Renaissance, 363. D e L a v e r g n e. Les assemblées provinciales sous Louis XVI. P. 1863, стр. 147, 162—163, 397, 418, 434—435, 450. D e F r e s q u e t. Précis d'histoire des sources du droit français. Aix 1861, стр. 182. Самый большой сборникъ кутюмъ изданъ былъ въ 1724 г. Бурдо де Рашбуромъ подъ заглавіемъ Nouveau Coutumier général. Важно также изданіе Лябулэ и Дареста Le grand coutumier de France. P. 1868. Cf. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 27—28, 226 sq.

(4) Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Фр.“, стр. 149 sq. и LXXX sq. особой нумераціи (отзывы нѣкоторыхъ историковъ о попыткахъ французскихъ королей). О значеніи Генеральныхъ штатовъ для крестьянъ i b i d., 98. О штатахъ 1484 г. см. между прочимъ у В о п п е ш è r e, I, 456. P r o u d h o n (L'impôt, 22. cf. 26). R a t h e r y, 661 sq. T h i b a u d e a u, I, 301—302. 308 sq. Вопросъ о представительствѣ отъ крестьянъ на Генер. штатахъ раскрытъ подробно въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. LVI—LX (къ вопросу о представительствѣ сельскаго населенія въ Генеральныхъ штатахъ), гдѣ указана и литература предмета. См. особенно V i o l l e t. Elections des députés aux États généraux réunis à Tours en 1468 et en 1484 (Bibliothèque de l'École des Chartes, серия 6, томъ II). Вопросъ этотъ крайне неясный и спорный. Въ текстѣ я излагаю результаты изслѣдованія, которые можно принять за несомнѣнные. Cf. „Крестьяне и крест. вопр.“, 98 sq. LX — LXII. О вліяніи отсутствія крестьянъ въ представительныхъ собраніяхъ на характеръ кутюмъ L e y m a r i e, II, 522. T h i b a u d e a u, I, 391—392.

(5) L e y m a r i e, II, 517 sq. К а р а с е в и ч ъ, 377 sq. Первая глава моей книги „Крестьяне и крест. вопр.“ написана на основаніи между прочимъ кутюмъ и ихъ комментаріевъ. Для всего сказаннаго о серважѣ см. В о п п е ш è r e, I. 411. D o n i o l, 109 sq. W a r n. und S t e i n, II. 145 sq., 152. P i c o t. II. 539. IV. 68. „Крестьяне и крест. вопр.“, стр. 16 sq. и LIII—LV дополненій (о серважѣ передъ революціей). Дѣленіе кутюмъ по вопросу объ алодахъ i b i d., стр. 30 прим. 15. О разныхъ поборахъ съ крестьянъ i b i d., 77 sq. V o u t h o r s. 540. T h i b a u d e a u, I, 485 sq., II, 65 sq. P i c o t. II, 262 sq. III, 50 sq., 210. IV, 146—149. Уаурпаціи сеньеровъ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“. 85—90, 71 — 75.

Brasch, 131. Thibaudau, I, 486. Picot, III, 52. Laveleye 331. Bouthors, 171—172, 312 sq. Судебная власть сеньора Du Cellier, 188. Warnkönig und Stein, I, 562, 563, 583. III, 454. Лабурэ. Государство и его предѣлы. Спб. 1868. Ч. II. стр. 31—34. Съ словами Du Cellier (стр. 178) сравни мѣсто у Sugenheim'a (стр. 143): In diesem Zustande der Hörigkeit, der Halb-oder Mittelfreiheit, in welchem die bei weitem überwiegende Majorität der französischen Landbewohner aus dem Mittelalter in die neuere Zeit übergang, d. h. im Beginne des XVI-ten Jahrhunderts sich befand, ist sie bis zur Regierung Ludwigs des XVI bis in die letzten Decennien des XVIII Jahrhunderts verblieben" (Cf. ibid., 161).

(6) Sugenheim, 141. Bonnemère, I, 471, 481 sq., 493, 511 sq., 534 sq. Генер. штаты 1560 г. Bonnemère, I, 493 sq. Thierry (Tiers état, 115), Rathery, 191 sq. и др. Штаты 1576 г. Bonnemère, I, 505. Дозволения самозащиты Bonnemère, I, 530 и др.

ГЛАВА VII.

(1) Doniol, 326—336. Bonnemère, I, 531—533. Michelet. Henri IV et Richelieu. P. 1857. О влияніи новой системы Leu marie II, 564, 572, 575. Cf. Карасевичъ. 388. Michelet. Le peuple, 7 sq. Mably. De la législation ou principes des lois. Lausanne. 1777. I, 156. Но особенно „Крестьяне и крест. вопросъ“, гл. II, §§ 2 и 3.

(2) Rathery, 250 sq. Picot, III, 334 sq. 402. Thibaudau, 333. Michelet. Henri IV, 232. Bonnemère, II, 12 sq. Cahiers третьего сословія на этихъ штатахъ требовали освобожденія мэнмортаблей, но ордоннансъ 1629 г., отвѣчавшій на требованіе штатовъ 1614 г., ничего не отвѣтилъ на это желаніе. Thierry, 181, 209. Босовожки Веннемэре, II, 32—33. Нищенство, бродяжничество, эмиграція. Clément La police sous Louis XIV. Paris. 1866. стр. 134—135, 147—149. Ковалевскій. Распаденіе общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ, стр. 19. Марксъ. Капиталъ. Спб. 1873. I, 629, 631. Луи Бланъ. Исторія великой французской революціи, русскій перев. I, 396 sq.

(3) О меркантилизмѣ см. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, стр. 159 sq., 224. Тамъ указаны и разныя сочиненія, изъ которыхъ можно ознакомиться съ предметомъ подробнѣе. О Кольберѣ см. сочиненія Clément (Histoire de la vie et de l'administration de Colbert. P. 1846), Joubleau (Études sur Colbert. P. 1856), Neumark. (Colbert et son temps. P. 1877) Cf. Doniol, 363—375. Объ отдѣльныхъ мѣрахъ Кольбера Doniol, 385. Clément, 263, 267—268, 273—421, 423, 426. Neumark, I, 315—316, 309, 311—312, 365, 267, 273, 278, 294, 322. (у Неймарка см. также интересныя подробности о собственномъ хозяйствѣ Кольбера въ бароніи Seignelay и др. имѣніяхъ II, 151 sq., 166 sq.). Mauguin. Études historiques sur l'administration de l'agriculture en France. P. 1876—77. I, 163 sq. Joubleau, II, 1—32. Levasseur, II, 220, 225. Марксъ. I, 645. Bailly, I, 432. Kautz. Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomik und ihrer Literatur. Wien. 1860. I, 260. Но вообще о томъ, какъ мало Кольберъ обращалъ вниманія на земледѣліе, можно видѣть изъ изданія Derping'a Correspondance ad-

ministrative sous Louis XIV. P. 1850—55. Бѣдствія народа въ малолѣтство Людовика XIV особенно см. Воннемере. La France sous Louis XIV. I, 133, 149 sq. О неповиновеніи распоряженіямъ Кольбера *ibid.* I, 279. Связь меркантилизма съ развитіемъ буржуазіи Kautz, I, 299. Марксъ I, 645. Луи Бланъ, т. I, кн. 2 гл. 5. Воннемере. Louis XIV. I, 77. Мѣры противъ нищенства. Марксъ, I, 138. Воннемере, Louis XIV. II, 138. Clément. Le gouvernement de Louis XIV, стр. 187. Факты относительно галернаго флота см. у Clément (La police, 236 sq., 234, 285, 287).

(4) Clément. La police, 258—264. О бунтахъ *ibid.*, глава XII. Cf. стр. 285. О крайней бѣдности крестьянъ въ XVII в. см. особенно Boislie. Correspondance des contrôleurs généraux. Boulanvilliers написалъ свою книгу Etat de la France (Лондонъ 1727—28) на основаніи донесеній интендантовъ, изъ которыхъ см. выдержки также у Воннемере. Louis XIV. II, 274—294. Cf. Carefigue. Louis XIV. P. 1844. II, 102. Thierry. Tiers état, 257. Воннемере. Louis XIV. II, 314. Бокль, I, 531 (свидѣтельства Англичанъ—современниковъ о бѣдственномъ положеніи народа во Франціи при Людовикѣ XIV). Луи Бланъ, I, 284. sq. Таине, I, 429. Barni, I, 85. Воннемере. Hist. des paysans, II, 119—127. О голодѣ 1709 г. Carefigue, II, 317 q. Воннемере. Louis XIV, II, 420 sq. Clément. La police, 348 sq., 354. Эпизодъ съ десятиной Воннемере. Louis XIV, II, 461—462. Laurent, XI, 14. Уменьшеніе народонаселенія Doniol, 405. Michelet. Révolution, I, 51. Cf. De Lavergne. Économie rurale de la France depuis 1789. P. 1860. Сmp. 447.

(5) О гнетѣ налоговъ въ XVIII в. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, стр. 166 sq., 194 sq. Таине, I, кн. V, гл. 2. См. также примѣч. I къ гл. VI. Кроме того, см. Voiteau. Etat de la France en 1789. P. 1861. 358, 377, 33, 347, 364, 85, 95). Doniol, 351. Kolb. Handbuch der vergleichenden Statistik. Leipzig. 1871. отд. I, стр. 204. Picot, I, 38. III, 299. IV, 105. Clément. (La police, 289 sq., 293, 206. Colbert 361). Lavergne (Économie rurale, 447, 355, 366. Les assemblées, 43—44. 439). О печальномъ состояніи земледѣлія см. Young. Voyages en France pendant les années 1787—90. Paris, 1an II. I, 29, 32, 51 sq., 163, 247, 254, 267, 277, 483 sq. и др. Таине, I, 441 sq. Voiteau, ch. XVIII. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, 196 sq. Бѣдность крестьянъ *ibid.*, 204 sq. Фонъ-Визинъ. Сочиненія, письма и избранные переводы. Спб. 1866, стр. 330—331. Таине, I, 429 sq. Young, I, 69, 271, 50. II, 457. III, 29, 42 и др. О пищѣ, одеждѣ и т. д. средневѣковыхъ крестьянъ см. кое-что у Деліля 189 sq. и у Дареста де ля Шаванна, въ специально посвященномъ этому отдѣлу книгѣ. Бунты „Крестьяне кр. вопр.“, 215 sq. и LXXXV sq. дополненій (о голодныхъ бунтахъ). Таине, I, 429. О мучной войнѣ G o m o n t. La guerre de farines (Journ. d. économistes 1845 г.). F o n c i n. Essai sur le ministère de Turgot. P. 1877, стр. 194—216. J o b e z. La France sans Louis XVI. P. 1877. I, 199. Pacte de famine „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, 203—204. Эпитафія Людовика XV приведена у Левассеур'а II, 388. Обь отношеніи государственной власти при Бурбонахъ къ крестьянамъ см. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, гл. III, § 1 и дополненіе 10-ое. О Людовикѣ XVI *ibid.*, 315—317, 433—434. О интендантахъ Ковалевскій, Опыты, I, 96, 126—132. Фонъ-Визинъ. 348, 328. Voiteau, 73—80. Cf. Boulainvilliers. Etat de la France. Londres. 1727.

ГЛАВА III.

(1) Эта глава написана преимущественно на основаніи главъ V и VI моего сочиненія „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“ (гл. V—постановка крестьянскаго вопроса, стр. 118 sq. Глава VI—проекты и опыты реформъ, стр. 290 sq.) Въ послѣдующихъ примѣчаніяхъ ссылки будутъ дѣлаться на книгу, если относящаяся къ дѣлу страницы не заключаются въ указанныхъ главахъ. Кромѣ того, указываю, помимо сочиненій, на которыя уже сдѣланы ссылки, еще на слѣдующія книги и статьи: D'Argenson. *Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France*. 1764. Bardoux. *Les légistes au XVIII Siècle* (Revue historique du droit français et étranger за 1858 г.) Babinet. *Turgot philosophe, économiste et administrateur*. P. 1861. Boncerf. *Les inconvénients des droits féodaux*. Blanqui. *Histoire de l'économie politique*. 1860. Chancel. *L'Angoumois en l'année 1789*. Angoulême. 1847. Chassin. *Le génie de la Révolution*. P. 1863. Ерго же *L'église et les derniers serfs*. P. 1880. Clerget. *Le cri de la raison*. Besançon. 1789. *Collection des principaux économistes*. Condorcet. *Vie de M. Turgot*. Londres. 1786. Dühring. *Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Socialismus*. Berlin. 1875. Finot (Jules). *La mainmorte dans la terre de l'abbaye de Luxeuil. Project d'affranchissement des mainmortables par l'abbé de Clermont-Tonnère*. 1775—1789. (Въ *Nouvelle Revue hist. du droit français et étranger* за 1880 годъ. N. 2). Girardot. *Essai sur les assemblées provinciales*. Bourges. 1845. Horn. *L'économie politique avant les physiocrates*. P. 1867. D'Hugues. *Essai sur l'administration de Turgot dans la généralité de Limoges*. P. 1859. De Lavergne. *Les économistes français du XVIII Siècle*. P. 1870. De Loménie. *Les Mirabeau*. P. 1878. De Lucau. *Les assemblées provinciales sous Louis XVI*. (Въ *Revue hist. du droit fr. et étranger* за 1856—7 гг.). Лучицкій. *Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль*. Кіевъ. 1879. *Mémoires sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, ministre d'État*. Philadelphie. 1788. Mirabeau. *L'ami des hommes*. 1750—1760. Raudot. *La France avant la révolution* (2 изд.) Semichon. *Les réformes sous Louis XVI*. P. 1876. Scheel. *Turgot als Nationaloekonom*. (Въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*. Tübingen. 1868. II). Tissot. *Turgot. Sa vie, son administration, ses ouvrages*. P. 1862. Tosqueville. *L'ancien régime et la révolution*. P. 1856. Волъскій. *Историческое и народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами—собственниками*. М. 1865. Vroil. *Étude sur Cliquot-Biervache, économiste du XVIII siècle*. Чичеринъ. *Исторія политическихъ ученій*.

(2) Сочиненія ихъ перепечатаны въ первомъ томѣ *Collection des principaux économistes*. Cf. Horn, 44—89. Vonnemère (Louis XIV, II, 377 sq.) Kautz, I, 324—328. Лучицкій. *Исторія крестьянской реформы* (Кіев. Ун. Изв., 1878, окт., 499). Во вновь вышедшей книгѣ Chassin'a (*L'église et les derniers serfs*) вся ея первая часть посвящена à la campagne de Voltaire противъ существованія серважа отъ 1767 по 1778 г. (стр. 1—68).

(3) Кромѣ 1-ой главы моей книги, см. Taine, I, 25—33, 531—538. Voiteau, 26—27. Raudot, 103 sq., а также Boncerf. Cf. Boulainvilliers,

Histoire de l'ancien gouvernement de la France. 1727. Лучицкий. Ист. крест. реф. (К. У. И. 1878, окт. 515, ноябрь, 533, 535, дек. 602). Когда я писалъ свою книгу „Крестьяне во Франціи“, то не имѣлъ подъ руками мемуаровъ о жизни Тюрго, изданныхъ въ Филадельфіи въ 1788 г., книги весьма рѣдкой и неизвѣстной многимъ авторамъ, писавшимъ объ этой личности. Поэтому я и сказала (стр. 293), что планъ Тюрго объ отмиѣнѣ феодальнаго режима извѣстенъ намъ только изъ небольшого мѣста его биографіи, написанной Кондорсе: отсылаю теперь къ вышеупомянутымъ *Mémoires sur la vie de M. Turgot*, II, 13—17, особенно 168—175. Для вопроса о серважѣ см. *ib.* II, 170—173. Кромѣ того, въ дополненіе къ тому, что сказано о Тюрго и его отношеніи къ феодализму и серважу въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“ см. еще новую книгу Шассена, стр. 49—54, 63—65.

(4) Лучицкий. Ист. кр. реф. (К. У. И. 1878, окт. 495). Вредныя сельскохозяйственныя мѣры—„Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, стр. 135—136, 197—199 и LXXVI—LXXIX (о результатахъ уничтоженія общинныхъ земель и сервитутовъ).

(5) См. „Крестьяне и крест. вопросъ во Франціи“, глава II. §§ 2, 3, 4; глава IV. § 1. О безземельныхъ крестьянахъ см. стр. 131—133, 134, LXX—LXXI. О крестьянскихъ „просьбахъ и жалобахъ“ 1789 г., какъ источникѣ исторіи Франціи наканунѣ революціи *ibid.* 375—381 и sqq.

(6) См. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“ стр. LXIII—LXVIII дополненій (къ вопросу о мелкой собственности въ современной Франціи). Сф. статью г. Гольдсмитта въ Критическомъ Обзорѣни за 1879 г. N. 5.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I. Хронологія общественныхъ бѣдствій въ Нормандіи въ средніе вѣка.

Въ сочиненіи Делля о земледѣльческомъ сословіи Нормандіи въ средніе вѣка есть цѣлая глава, носящая названіе *chronique agricole*, въ которой въ хронологическомъ порядкѣ перечислены разныя событія, относящіяся къ исторіи крестьянъ въ этой провинціи. Заимствуемъ отсюда извѣстія о голодныхъ годахъ, эпидеміяхъ и другихъ бѣдствіяхъ, случившихся въ Нормандіи въ средніе вѣка (съ половины XI в. до начала XV).

1053. Эпидемія.	1223—4. Голодь.
1058. Новая эпидемія.	1225. Голодь.
1082. Голодь.	1236. Голодь.
1085. Зараза и голодь.	1253—4. Недостатокъ вина.
1091. Голодуха.	1257—9. Недостатокъ хлѣба и голодь.
1095—6. Засуха и голодь.	1262. Смертность.
1106. Заразительныя болѣзни.	1266. Эпидемія.
1109. Голодь, продолжающійся и слѣдующіе два года.	1272. Голодуха.
1125—6. Голодь и большая смертность.	1275. Недостатокъ хлѣба.
1128. Заразительная болѣзнь (<i>feu sacré</i>).	1278. Смертность.
1138. Начинается голодь, продолжавшійся 7 лѣтъ.	1302—3. Эпизоотія.
1146. Голодь.	1304. Недостатокъ хлѣба.
1149—51. Недостатокъ хлѣба.	1315. Голодь, продолжающійся болѣе двухъ лѣтъ.
1157. Большая смертность.	1334. Хлѣбъ дорогъ. Большая смертность.
1162. Голодь и смертность.	1344. Въ іюль страшная дороговизна хлѣба.
1174. Недостатокъ хлѣба.	1348. Ужасная эпидемія (черная смерть).
1183. Эпизоотія.	1359. Мало собрано хлѣба.
1194. Недостатокъ хлѣба.	1390. Дороговизна хлѣба.
1195. Голодь усиливается и почти не прекращается нѣсколько лѣтъ	1400—1. Эпидемія.
	1408 и 1410. Хлѣбъ дорогъ.

II. Статистическія данныя, указывающія на улучшеніе сельскаго хозяйства во Франціи въ XIX в.

(по М. Блоку, Буато, Вольскому, Моро-де-Жоннесу—, Начальныя основанія статистики. Сиб. 1859“. — де Ляверню и Кольбу).

Успѣхи земледѣлія во Франціи послѣ революціи лучше всего выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ де Ляверня (Écon. rurale, 54 — 55), обозначающихъ миллионы гектаровъ:

I.		II.	
		Изъ пахотной земли было въ	
	1789 г. 1859 г.	1789 г. 1859 г.	
Пахотной земли	25 26.	Подъ паромъ	10 5.
Садовъ	1, 5 2.	„ пшеницей	4 6.
Виноградниковъ	1, 5 2.	„ рожью	7 6.
Лѣсовъ	9 8.	„ овсомъ	2, 5 3.
Луговъ	3 4.	„ искус. лугами 1 3.	
Ландъ	10 8.	„ корнеплодными 0, 1 2.	
	<u>50 50.</u>	„ разными посѣвами 0, 4 1.	
			<u>25 26.</u>

Не смотря на уменьшеніе сельскаго населенія съ 20 на 18 миллионъ, а съ нимъ и на относительное уменьшеніе рабочихъ рукъ, занятыхъ земледѣліемъ, мы видимъ значительное повышеніе дохода отъ сельскаго хозяйства.

III. Возростаніе чистаго поземельнаго дохода.

Въ 1788 г.	1 . 080 . 000 . 000 фр. или 45 фр. на жителя
„ 1813 г.	1 . 444 . 575 . 000 „ „ 48 „ „ „
„ 1840 г.	2 . 661 . 289 . 000 „ „ 80 „ „ „

(Въ 1700 г., т. е. въ началѣ XVIII в. на каждаго жителя приходилось 44 фр.).

IV. На каждаго жителя приходилось хлѣба:

въ 1700 г.	472 литра,
„ 1788 „	484 „
„ 1840 „	541 „

V. Валовой доходъ съ гектара.

	въ 1789 г.	въ 1859 г.
Рента собственника	12 фр.	30 фр.
Прибыль эксплуататора	5 „	10 „
Побочные расходы	1 „	5 „
Поземельные налоги и десятина	7 „	5 „
Рабочая плата	25 „	50 „
	<u>50 „</u>	<u>100 „</u>

(Въ 1788 г. валовой доходъ съ земледѣлія равнялся 2.400 милліонамъ, въ 1840 г. — 7.500; въ 1760 г. одинъ гектаръ производилъ 6 гектолитровъ, въ 1840 г. уже 11).

Эти таблички указываютъ на успѣхи земледѣлія во Франціи послѣ революціи, и къ этому нужно прибавить, что въ прошломъ столѣтіи голодъ посѣщаль страну каждые три года, тогда какъ въ XIX вѣкѣ онъ случается по мѣстамъ едва разъ въ десять лѣтъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.*

- Arbois de Joubainville, V, I.
D'Argenson, VIII, 1.
Arnold, IV, 1.
Aubry-Vitet, IV, 2.
Aucoc, I, 14.
Babeau, Введение, 2.
Bailly, VI, 1.
Bardoux, VIII, 1.
Barni, I, 8.
Batbie, VI, 1. VIII, 1.
Bavelier, IV, 11.
Baudrillart, III, 6.
Луи Бланъ VII, 2.
Blanqui, VIII, 1.
Boislisle, VII, 4.
Boiteau, VII, 5.
Бокль, II, 7.
Boncerf, VIII, 1.
Bonnemère I, 3. II, 6. IV, 1.
Boulainvilliers, VII, 4. VIII, 3.
Boutaric, II, 2.
Bouthors, I, 14.
Brasch, I, 14.
Burckhardt, I, 6. V, 5.
Бѣляевъ, II, 3.
Salmon, VI, 1.
Capefigue, VII, 4.
Championnière, III, 8.
Chancel, VI, II, 1.
Chassin, IV, 4. VIII, 1.
Du Cellier I, 1.
Чичеринъ, V, 4. VIII, 1.
Clamageran, VI, 1.
Clément, I, 8. VII, 2, 3.
Clerget, VIII, 1.
Collection des principaux économistes, VIII, 1.
Condorcet, VIII, 1.
Dahn, I, 11, 14.
Danz, I, 2.
Daresté de la Chavanne, I, 1.
Debacq, IV, 7.
Delisle, Введ., 2.
Demolins, I, 2.
Dey, IV, 7.
Doniol, Введ., 3. I, 2.
Dürring, VIII, 1.
Duru, III, 1.
Eichhorn, II, 6.
Ешевскій, I, 6.
Eysenbach, IV, 1.
De Fresquet, VI, 3.
Finot, VIII, 1.
Foncin, VII, 5.
Fustel de Coulanges, I, 1, 6.
Gaede, Введ., 3.

* Въ этотъ списокъ вошли имена авторовъ книгъ и статей, на которыя дѣлаются ссылки, или которыя упоминаются въ примѣчаніяхъ. Римская цифра обозначаетъ главу, арабская примѣчаніе.

- Girardot, VIII, 1.
 Giraud-Teulon, III, 4.
 Giraud, I, 2.
 Gneist II, 3, III, 7. IV, 5.
 Гольцевъ, VI, 1.
 Gomont, VII, 5.
 Грановскій, I, 14.
 Gregorovius. III, 2.
 Guérard. I, 2.
 Guizot. Введ. 3. II, 3. IV, 2.
 Hallam, II, 3.
 Häusser, IV, 11.
 Hegel, I, 16.
 Heisterbergk, I, 2.
 Heussler, II, 3.
 Horn, VIII, 1.
 D'Hugues, VIII, 1.
 Jeffroy, I, 7.
 Jobez, VII, 5.
 Joubleau, VII, 3.
 Inama-Sternegg Вв., 2.
 Ивановъ III, 3.
 Карасевичъ, II, 6.
 Карѣвъ. Введ.; I, 14.
 Kautz, VII, 3.
 Keussler, I, 14.
 Ковалевскій III, 2. IV, 8.
 Kolb, VII, 5.
 Laboulaye, I, 2. VI, 5.
 Laferrière, IV, 1.
 Lagrèze, II, 6.
 Lamprecht. Вв. 2.
 Lassalle, I, 6.
 Laurent, I, 2.
 De Laveye, I, 14.
 De Lavergne, VI, 3. VII, 14.
 VIII, 1.
 Lecky, I, 8.
 Lefèvre, III, 5.
 Lefort, I, 2.
 Lenient. Введ., 1.
 Leo, I, 2.
 Levasseur, I, 5.
 Leymarie. Вв., 1.
 Littré, I, 6.
 De Loménie, VIII, 1.
 Луцау, VIII, 1.
 Luce, V, 6.
 Лучицкій. Вв., 3. VIII, 1.
 Mably, VII, 1.
 Maine, I, 14. III, 8.
 Маккензи, I, 2.
 Маколей, II, 7.
 Марецполь, I, 2.
 Марксъ, VII, 2.
 Mauguin, Вв. 2.
 Maurer, I, 14. II, 7.
 Mémoires sur Turgot, VIII, 1.
 Méray, Вв. 1.
 Michelet, Вв. 3. I, 5, 8. III, 9.
 VII, 1.
 Mirabeau, VIII, 1.
 Моро де Жоннесь, Прилож.
 Nasse, I, 14.
 Neumarck, VII, 3.
 Ortolan. I, 2.
 Осокинъ, IV, 1.
 Pallman, I, 2.
 Pardessus, I, 13.
 Perrens, IV, 1.
 Picot, IV, 2.
 Proudhon, I, 4. IV, 7.
 Пухта, I, 1.
 Quinet, IV, 8.
 Rathery, IV, 11.
 Raudot, VIII, 1.
 Revillout, I, 2.
 Richter, II, 6.
 Rivière, I, 2.
 Robillard, de Beaurepaire, III, 6.
 Robiou, I, 5. V, 1.
 Rodbertus, I, 2.

Savigny, I, 2.
Scheel, VIII, 1.
Schmidt, I, 6.
Semichon, IV, 3. VIII, 1.
Симоненко, I, 8.
Скробицкій. Бв., 3.
Смирновъ, I, 18.
Сокальскій, I, 14.
Сокольскій, I, 3.
Stein. Бв., 3. IV, 2.
Sugenheim. Бв. 3.
Sybel, II, 5.
Taine, II, 9.
Thibaudeau, IV, 1.
Thierry (Aug.), I, 18. IV, 1.
Thierry (Am.), I, 1.
Tissot, VIII, 1.

Tocqueville. IV, 1. VIII, 1.
Veillot, III, 9.
Villaumé, VI, 2.
Viollet, VI, 4.
Виноградовъ, I, 2.
Фонъ-Визинъ, VII, 5.
Владѣніе и пользованіе землей
 II, 2.
Вольскій, VIII, 1.
Взыскскій, IV, 5.
Wachsmuth, I, 7.
Waitz. Бв. 1. I, 16. III, 3.
Wallon, I, 2.
Warnkönig und Stein. Бв. 3.
Young, VII, 5.
Zoepfl, I, 14.
Zumpt, I, 2.